
Б.Л.В.Ш.

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ ЯЗЫКѢ ДОГОВОРОВЪ

РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ЛАВРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1853.

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ ЯЗЫКѢ ДОГОВОРОВЪ

РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ЛАВРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

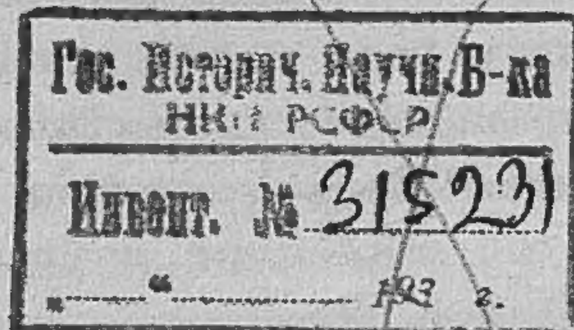
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

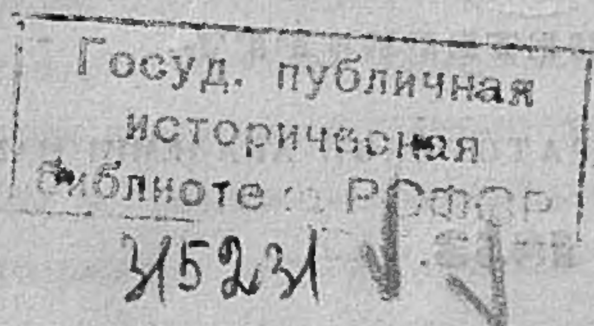
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета. 3 Декабря 1852.

Деканъ *Н. Устряловъ.*

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ ЯЗЫКѢ ДОГОВОРОВЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

Развитіе духовной жизни Русскаго народа имѣетъ свои періоды, опредѣляемые его природою, историческою судьбою и мѣстными условіями. Современный намъ періодъ справедливо можетъ быть названъ періодомъ стремленія къ самопознанію. Самопознаніе же невозможно безъ раскрытія природы Русскаго народа, а непогрѣшительное опредѣленіе послѣдней можетъ быть только историческое. Отсюда стремленіе къ правильному уразумѣнію прошедшаго, неизбѣжныя же слѣдствія этого уразумѣнія — довѣріе къ собственнымъ силамъ и сознательная любовь къ отечеству. Укрѣпленные Европейскою образованностію, съ яснымъ сознаніемъ цѣли, мы обратились къ изслѣдованію себя, своего настоящаго и прошедшаго. По вызову просвѣщеннаго Правительства ревностные дѣлатели выступили на необозримое поле науки о Россіи. Тогда-то по полуистлѣвшимъ хартіямъ начали воскрешать сѣдую старину и раскрывать тѣ законы, по которымъ развивалась жизнь Русскаго народа. Въ ряду паиятниковъ, прямо и неуклонно ведущихъ къ этой цѣли, почетное мѣсто занимаютъ договоры Русскихъ съ Греками.

Договоры составляютъ лучшее украшеніе и преимущество древнѣйшей исторіи нашего отечества предъ тою же исторіею другихъ народовъ, обыкновенно сокрытою въ таинственномъ мракѣ вымысловъ и смутныхъ преданій. При нихъ нѣтъ мѣста произвольнымъ предположеніямъ писателя, старающагося восполнить ими скудость наличныхъ свѣдѣній. Ими объясняются не только отношенія Русскихъ къ Грекамъ, но и степень развитія общественной жизни, выражаемая какъ самымъ ихъ содержаніемъ, такъ и языкомъ. Содержаніе указываетъ на многія черты первоначальнаго гражданскаго устройства Руси, а языкъ наглядно представляетъ ея духовное достояніе. Еще знаменитый Шлецеръ призналъ ихъ единственными, необычайными во всемъ историческомъ мірѣ [1]).

Но самая необычайность не могла не породить въ недовѣрчивыхъ умахъ сомнѣній касательно ихъ подлинности. Договоры, какъ и вся лѣтопись Нестора, должны были прежде силою истины отразить нападенія скептиковъ и потомъ уже занять почетное мѣсто въ ряду первостепенныхъ источниковъ отечественной исторіи. Возраженіе, заимствованное отъ молчанія о нихъ Византійскихъ писателей, устранено ближайшимъ разсмотрѣніемъ послѣднихъ. Возраженіе, основанное на мнимой сбивчивости хронологіи, блистательно опровергнуто Кругомъ. Съ того времени подлинность договоровъ признана единогласно. Пора сомнѣній миновалась, наступила пора подробнаго и тщательнаго ихъ изученія.

Правильное же изученіе памятниковъ древнѣйшей письменности вообще имѣетъ свою послѣдовательность, свой естественный порядокъ, опредѣляемый различными условіями. Такъ различенъ порядокъ въ изученіи памятниковъ туземнаго и иноземнаго происхожденія, оригинальныхъ и

[1]) II. 693. Срв. Еверса Древ. Русск. Пр. стр. 133.

переводныхъ. Въ послѣднихъ прежде всего необходимо обратиться къ подлинникамъ для сравненія съ ними; такое сравненіе весьма часто уясняетъ текстъ и вмѣстѣ служитъ наилучшимъ проводникомъ къ раскрытію самаго содержанія. Въ томъ же случаѣ, когда несохранились подлинники, весьма полезно обратиться къ другимъ современнымъ имъ иноземнымъ памятникамъ, чтобы изъ соображенія ихъ языка извлечь нѣсколько данныхъ для объясненія переводовъ. Согласны, что этотъ способъ истолкованія древнѣйшихъ переводовъ, подлинники которыхъ утратились, утомителенъ, что продолжительное чтеніе иноземныхъ писателей съ этою цѣлію можетъ привести къ какому-либо незначительному и то приблизительно вѣрному заключенію, но должно помнить, что во-первыхъ для подобныхъ памятниковъ этотъ способъ есть часто единственный, а во вторыхъ, если удастся изъяснить имъ смыслъ хоть одного мѣста, дотолѣ непонятнаго или ложно понимаемаго, и подтвердить справедливость толкованія положительными доказательствами, то трудъ уже вознагражденъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, болѣе или менѣе важнаго, смотря по относительной важности изъясняемаго мѣста. Съ другой стороны тотъ же способъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ сопровождаться обильными послѣдствіями, и чѣмъ важнѣе по содержанію памятникъ, тѣмъ драгоцѣннѣе его объясненіе, потому что каждая правильно истолкованная мысль освѣщаетъ ту или другую черту въ жизни народа. Вѣрное изъясненіе одного мѣста такаго памятника есть уже заслуга Наукѣ.

Указанный способъ объясненія древнѣйшихъ переводовъ посредствомъ сближенія ихъ съ подлинниками тѣмъ болѣе необходимъ, что переводы составляютъ большую часть первоначальной нашей письменности. Въ то время, когда мы не только еще не созрѣли къ самобытной умствен-

ной производительности, но когда не установились прочно и самыя первыя условія общественной жизни, мы пришли въ столкновеніе съ народомъ въ высокой степени образованнымъ, который, вмѣстѣ съ спасительнымъ свѣтомъ Христіанскаго ученія, не замедлилъ пересадить на Русскую почву и другіе прекрасные плоды своей образованности. Церковныя и отчасти гражданскія постановленія заимствованы изъ Греческаго Номоканона, переводы котораго принадлежатъ къ первымъ вѣкамъ Христіанства въ Руси; любимымъ чтеніемъ нашихъ благочестивыхъ предковъ были переводы твореній св. Отцевъ; самая лѣтопись Нестора заключаетъ въ себѣ ясные и обильные слѣды Греческаго вліянія.

Договоры Русскихъ съ Греками безспорно принадлежатъ къ числу переводныхъ памятниковъ, а потому ихъ изученіе должно быть начато сближеніемъ ихъ языка, за неимѣніемъ подлинниковъ, съ языкомъ современныхъ Византійскихъ писателей. Византійское происхожденіе договоровъ очевидно, и въ немъ не сомнѣвались даже тѣ, которые вовсе не разсматривали ихъ съ этой точки зрѣнія. Такъ еще въ 18 году Пав. Строевъ, по поводу разсужденія о заимствованіяхъ Нестора изъ Греческихъ источниковъ, говоритъ: «я даже увѣренъ, что описанія первыхъ походовъ на Царь-градъ (907 и 945 г.) и самые договоры заимствованы имъ (Несторомъ) изъ такой Византійской хроники, которая до насъ не дошла, или таится въ неизвѣстномъ углу какого-либо книгохранилища: слогъ, подробности, самая темнота не Несторовы [1]). Въ подобныхъ общихъ выраженіяхъ повторяли туже мысль и другіе, касавшіеся нашего предмета [2]), такъ что должно говорить не о присутствіи въ договорахъ Византійскаго вліянія, а о сте-

1) Труд. Общ. Ист. и Др. Рос. Ч. IV, стр. 175.
2) Эверсъ Древ. Р. Пр. стр. 138. Погодинъ. Критич. изслѣд. о Рус. Ист. I. 123 и 147.

пени этого влiянiя. На послѣднiй вопросъ: въ чемъ и въ какой степени договоры обнаруживаютъ слѣды первоначальнаго своего происхожденiя, мы обратимъ здѣсь наше вниманiе и съ этою цѣлiю разсмотримъ ихъ 1) со стороны внѣшней формы вообще, на сколько отразился въ ней Византiйскiй элементъ, 2) со стороны построенiя перiодовъ, 3) тѣхъ синтаксическихъ особенностей, которыя обнаруживаютъ тоже влiянiе и 4) со стороны отдѣльныхъ словъ и выраженiй, наиболѣе представляющихся переводными.

I.

РАЗСМОТРѢНIЕ ВНѢШНЕЙ ФОРМЫ ДОГОВОРОВЪ.

Прежде указанiя на Византiйское влiянiе, отразившееся на внѣшней формѣ договоровъ, мы остановимъ на нѣсколько мгновенiй вниманiе читателя на договорѣ, заключенномъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя и внесенномъ въ лѣтопись Нестора безъ соблюденiя надлежащей формы [1]). Почему онъ не вошелъ въ формальный договоръ 911 года и почти буквально повторенъ въ договорѣ 945 года? Трудно, конечно, отвѣчать утвердительно на первый вопросъ, а потому мы позволимъ себѣ только слѣд. предположенiя.

1) Отсутствiе этой формы нельзя ли объяснить тѣмъ, что онъ заключенъ былъ въ присутствiи самого В. Князя, безъ посредства пословъ, по отношенiю къ которымъ необходимо было строгое соблюденiе всѣхъ формъ. Святославовъ договоръ, заключенный въ присутствiи В. Князя, также отличается удивительною краткостiю. — Что же касается до мнѣнiя Эверса, будто бы *въ историческомъ разсказѣ по поводу заключенiя Олегова договора множество Греческихъ словъ* (стр. 138), то мы не можемъ согласиться съ нимъ, потому что не только убѣждены въ отсутствiи грецизмовъ, но и въ томъ, что всѣ обстоятельства, сопровождавшiя Олеговъ походъ, изображены совершенно въ народномъ духѣ и заимствованы, безъ сомнѣнiя, изъ какого-нибудь народнаго преданiя, что впрочемъ и прежде было предполагаемо.

Въ договорѣ 911 года послѣ вступленія, заключающаго въ себѣ общую мысль о неизмѣнномъ сохраненіи мира, непосредственно слѣдуютъ статьи, опредѣляющія взаимныя отношенія Грековъ и Русскихъ, и при томъ въ частныхъ случаяхъ, такъ что при переходѣ отъ этого общаго вступленія къ частнымъ опредѣленіямъ правъ и обязанностей, невольно останавливаешся, чувствуешь, что чего-то недостаетъ. Не должно ли подразумѣвать здѣсь общихъ условій договора 907 года? Самая форма первой статьи, начинающей частныя опредѣленія отношеній Русскихъ къ Грекамъ: «а о головахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице» заставляетъ предполагать, что она есть продолженіе предшествующей статьи съ болѣе общимъ содержаніемъ. Исключить же изъ договора 911 года упомянутыя общія условія могъ тотъ, кто внесъ его въ лѣтопись, былъ ли то самъ Несторъ, или монахъ Лаврентій, или иной кто-либо [1]). Могло случиться, что лѣтописецъ, помѣщая въ своей лѣтописи договоры, замѣтилъ, что подъ 911 годомъ почти буквально повторяются статьи, уже записанныя имъ подъ 907-мъ, почелъ полезнымъ, для сокращенія труда, освободить себя отъ вторичнаго ихъ переписыванія, вовсе недумая о необходимости дипломатической точности. По крайней мѣрѣ несомнительно то, что нашъ лѣтописецъ иногда обращался довольно свободно съ Греческими источниками, особенно при изложеніи событій, имѣвшихъ прямое отношеніе къ его отечеству.

Не менѣе несомнительно и то, что договоръ, заключенный самимъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя, былъ отдѣльный, самостоятельный, скрѣпленный съ обѣихъ сторонъ клятвою и окончательно рѣшавшій вопросъ о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Но такъ какъ при его за-

1) См. Предисл. къ первому тому Полн. Собр. Лѣтоп. стр. XIX Срв. Эвер. стр. 92.

ключенiи Русскie имѣли въ виду одни выгоды торговли и не предвидѣли неизбѣжныхъ столкновенiй, требующихъ точнѣйшаго опредѣленiя правъ и обязанностей, то о послѣднихъ вовсе и не упомянуто. Когда же опытъ убѣдилъ въ ихъ необходимости, то Олегъ отправилъ въ Константинополь особыхъ пословъ, которые и опредѣлили отношенiя этого рода. Послѣднее объясненiе отсутствiя статей 907 года въ договорѣ 911 года намъ кажется вѣроятнѣйшимъ и потому, что между обоими договорами протекло четыре года, въ которые могло произойти много столкновенiй, при такой неопредѣленности правъ и обязанностей между Греками и Русскими, проживавшими для торговли и службы въ Константинополѣ. — Столь же трудно отвѣчать положительно и на другой вопросъ: почему первоначальный Олеговъ договоръ почти буквально вошелъ въ договоръ 945 года. Не позволяя себѣ относительно его бездоказательныхъ прдположенiй, скажемъ здѣсь только, что это опущенiе въ одномъ и вставка въ другомъ договорѣ говорятъ въ пользу того мнѣнiя, что договоръ 907 года былъ вполнѣ самостоятельный, договоръ 911 года столько же самостоятельный, но по содержанiю болѣе частный, договоръ же 945 года вполнѣ самостоятельный и при томъ заключающiй въ себѣ общiя и частныя опредѣленiя правъ и обязанностей, съ нѣкоторыми опущенiями сравнительно съ Олеговымъ, опущенiями, которыя, вѣроятно, касались статей болѣе недѣйствовавшихъ при перемѣнѣ обстоятельствъ. Обращаемся къ разсмотрѣнiю внѣшней формы договоровъ.

При первомъ взглядѣ на всѣ наши договорныя грамоты, нельзя не замѣтить, что онѣ заключены въ строгую форму, какая въ то время была въ употребленiи для подобныхъ актовъ: въ началѣ и концѣ ихъ, въ видѣ вступленiя и заключенiя, находятся общiя мысли, высказывающiя увѣ-

ренія въ охраненіи мира, а между ними помѣщены самыя условія. Присутствія этой формы не станетъ отрицать самый поверхностный читатель. Если же ея присутствіе несомнѣнно, то неизбѣженъ вопросъ: откуда она появилась, и другой: были ли въ состояніи Русскіе въ началѣ X вѣка облечь предложенныя ими условія въ систематическую форму? — Находясь еще въ первой порѣ развитія общественной жизни, Русскіе въ началѣ X вѣка могли выражать свои мысли только такъ, какъ имъ внушалъ простой, здравый смыслъ, сама природа, не подчиняя ихъ искусственнымъ формамъ, о которыхъ не имѣли никакого понятія и которыя появляются въ эпоху полнаго развитія гражданственности. Если же Руссы сами не могли сообщить внѣшней формы своимъ договорамъ, то они могли получить ее только отъ Грековъ. Такое заключеніе, какъ вытекающее съ логическою необходимостію изъ самаго существа дѣла, должно признать справедливымъ даже въ томъ случаѣ, когда бы время истребило въ договорахъ всѣ слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія. Если же время сохранило эти слѣды, если тщательное разсмотрѣніе открываетъ ихъ несомнѣнное присутствіе на всемъ пространствѣ договоровъ, то упомянутое заключеніе принимаетъ видъ неоспоримой истины.

При всей увѣренности въ Греческомъ происхожденіи внѣшней формы нашихъ договоровъ, не излишне было бы представить положительныя тому доказательства. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли не только Византійскіе подлинники и подлинники Русскихъ списковъ, но вообще мы не имѣемъ отъ того времени и другихъ однородныхъ съ ними актовъ, сравненіе съ которыми могло бы привести къ вѣрному заключенію. Изъ сравненія же съ актами неоднородными, хотя и имѣющими оффиціальное значеніе, очевидно, можно извлечь только приблизительно вѣрное заключеніе,

а потому мы, не позволяя себѣ распространяться объ этомъ предметѣ, приведемъ здѣсь слѣд. немногія указанія.

Изъ цѣлаго ряда заглавій грамотъ отъ Византійскихъ Императоровъ къ иноземнымъ Государямъ, собранныхъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи: «de ceremoniis aulae Byzantinae» во многихъ нельзя не видѣть сходства со вступленіемъ въ нашихъ договорахъ. Какъ тѣ, такъ и другія состоятъ въ поименованіи Византійскихъ Императоровъ съ ихъ титулами, строго соразмѣряемыми со степенью власти тѣхъ владѣтельныхъ лицъ, къ которымъ грамоты назначаются, и въ поименованіи иноземныхъ Государей. Различіе состоитъ только въ томъ, что у насъ поименованы сначала, какъ и должно ожидать, послы, уполномоченные для заключенія мира, за ними Князья Русскіе, отъ которыхъ они посланы, и потомъ уже Византійскіе Императоры съ ихъ титулами. Вотъ форма грамоты къ Русскому Великому Князю. «Γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας [1])». Она имѣетъ особенное сходство съ заглавіемъ Игоревой грамоты: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ», съ тѣмъ только различіемъ, что въ немъ слово γράμματα, согласно съ характеромъ самаго акта, замѣнено словами: списокъ съ другой договорной грамоты (=равно другаго свѣщанья). Впрочемъ должно замѣтитъ, что грамоты, о которыхъ упоминаетъ Константинъ Багрянородный, принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ, употреблявшихся въ частыхъ сношеніяхъ съ иноземными Государями. Форма же нашихъ договоровъ, по причинѣ ихъ особенной дипломатической важности, конечно, имѣла большій объемъ, болѣе торжественный видъ, что дѣйствительно

1) Cerem. II. 691.

и находимъ въ дошедшихъ до насъ ихъ спискахъ. При томъ затруднительное положеніе, въ какое привелъ Византійскихъ Императоровъ побѣдоносный Олегъ, могло внушить имъ опасеніе за будущее спокойствіе Имперіи, что также могло отразиться въ формѣ договоровъ. Во всякомъ случаѣ никакъ нельзя отрицать сходства въ общихъ чертахъ между заглавіями грамотъ, приводимыми Константиномъ, и нашихъ договорныхъ грамотъ [2]). Приведемъ здѣсь также хотя одно мѣсто изъ исторіи Θеофилакта Симокатты, Визант. писателя конца VI и начала VII вѣка, который въ своемъ сочиненіи помѣстилъ нѣсколько писемъ Персидскаго царя Хозроя къ Визант: Императору и его полководцамъ, записанныхъ слово въ слово, какъ онъ самъ о томъ говоритъ неоднократно [1]). Точно также какъ въ грамотахъ, исчисляемыхъ Константиномъ, Царь Персидскій, въ письмѣ своемъ къ Императору, прежде помѣщаетъ свое имя, потомъ имя Визант. Императора съ его титуломъ, изукрашеннымъ по Восточному обычаю. Послѣ такаго начала онъ дѣлаетъ переходъ къ самому содержанію въ слѣд. словахъ: *καὶ ἔστι λαβεῖν τὴν τῶν πραγμάτων ἀκολουθίαν τοῖς ἡμετέροις ῥήμασι συμφωνοῦσαν. ἐπεὶ τοίνυν* и т. д. [2]). Не тоже ли самое нахо-

2) Весьма замѣчательно заглавіе грамоты къ Королю (ῥήξ) Французскому: «ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ἑνὸς καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν», которымъ можно объяснить слѣд. выраженіе, находящееся въ заключеніи Олегова договора: «святою единосущною троицею, единаго истиньнаго бога нашего».

1) οἶμαι οὐκ ἀναξιόλογον καὶ αὐτὴν τὴν συνθήκην προθεῖναι τῆς λέξεως (ad verbum) p. 175; или: «ἐπὶ λέξεως γαρ προθήσω τὴν πρέσβευσιν ἀκαλλώπιστον φράσεως ὅπως τῇ ἀμαθίᾳ τῆς λέξεως τὸν νοῦν τῆς ἀξιώσεως ἀνεπίπλαστον ἐνοπτρισόμεθα». P. 180. Онъ имѣлъ полную возможность соблюдать такую точность въ записываніи оффиціальныхъ документовъ, потомучто самъ принадлежалъ къ числу высшихъ правительственныхъ лицъ того времени. Фотій называетъ его ἀπὸ ἐπάρχων и ἀντιγραφεύς (ex praefectus и scripturarius, какъ переводитъ эти выраженія Понтанъ). См. Pontani praef. ad Theophyl. P. XI, Эта дипломитическя точность въ сохраненіи современныхъ ему памятниковъ и побудила насъ обратить на нихъ вниманіе.

2) Theophyl. P. 180.

димъ мы и въ договорахъ, особенно въ Олеговомъ? Послѣ поименованія пословъ, Государей, отъ которыхъ и къ которымъ они посланы, мы видимъ въ послѣднемъ такой же переходъ къ статьямъ: «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя. По первому убо слову» и т. д. Подобное же тому видимъ въ посланіи Юстиніана Великаго къ пятому Вселенскому собору, сохраненномъ Георгіемъ Кедриномъ. Прежде излагается общая мысль о цѣли посланія (сохранить тишину въ церкви), какъ у насъ о цѣли посольства (на удержаніе и на извѣщеніе отъ многыхъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшюю любовь), за тѣмъ слѣдуетъ изложеніе причины (происшедшіе безпорядки въ церкви), которая, хотя кратко, упоминается въ нашихъ договорахъ (не прочность прежнихъ словесныхъ договоровъ), послѣ чего переходъ къ самому дѣлу — δεῖν ᾠήθημεν, совершенно соотвѣтствующій нашему: «многажды право судихомъ», и наконецъ изложеніе самаго дѣла [1]). Въ посланіи Св. Кирилла къ тому же Императору»: ἐπειδήπερ ἐπυθόμην... δεῖν ᾠήθημεν ὀλίγα περὶ τούτου πρὸς αὐτοὺς λέγειν и проч. (p. 665). Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ хроники Іоанна Малалы. Въ одномъ сохраненномъ имъ прошеніи находимъ прежде поименованіе Царя съ его титуломъ и просительницы, потомъ общую мысль, въ которой послѣдняя, восхваляя правосудіе и человѣколюбіе Царя, выражаетъ надежду получить просимое. Этой мысли въ нашихъ договорахъ можетъ соотвѣтствовать клятва Русскихъ и Грековъ, скрѣплявшая заключенный между ними миръ. За нею слѣдуетъ переходъ къ содержанію прошенія (τὶς δὲ ἡ τοῦ παρόντος προοιμίου κρηπὶς προϊὼν ὁ λόγος σὲ διδάξει), совершенно соотвѣтствующій вышеупомянутому переходу въ Олеговомъ договорѣ, а рав-

1) Georg. Cedren. p. 660.

но и общеупотребительному въ современныхъ намъ прошеніяхъ (а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты[1]). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что внѣшняя форма, въ какую облекали Греки различные акты, имѣвшіе оффиціальное значеніе, сходна съ формою договоровъ, а потому мы ими и ограничимся, не имѣя возможности сравнить въ этомъ отношеніи договорныя грамоты съ однородными имъ актами.

При внимательномъ разсмотрѣніи внѣшней формы договоровъ, нельзя не замѣтитъ слѣд. обстоятельства, обнаруживающаго самый способъ ихъ заготовленія: не смотря на то, что Греки имѣли дѣло съ Руссами — язычниками, въ грамотахъ, отправленныхъ къ Русскимъ князьямъ, къ удивленію, видимъ смѣшеніе языческихъ понятій съ Христіанскими. Особенно это замѣтно въ Олеговомъ договорѣ, въ которомъ Русскіе являются предписывающими условія: въ немъ послы, безъ сомнѣнія язычники, скрѣпляютъ всѣ свои обѣщанія именемъ Бога Христіанскаго: «наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о *Бозѣ* (Греч. ἐν Θεῷ или σὺν Θεῷ) удержати; суть, яко понеже мы ся имали *о божіи вѣрѣ и любви*». Еще замѣтнѣе это смѣшеніе понятій въ заключеніи того же договора: «съ створихомъ (миръ).... предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею, единаго истиньнаго Бога.... мы же кляхомся къ царю вашему, *иже отъ Бога суще яко божіе зданіе*»... Замѣчательно также, что именно въ Олеговомъ договорѣ, отличающемся наибольшею оффиціальностію, заключенномъ при обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ, Христіанскія понятія господствуютъ во вступленіи и заключеніи, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ, хотя и весьма замѣтно тоже смѣшеніе понятій, по крайней мѣрѣ вездѣ отличены крестившіеся Руссы отъ язычниковъ. Такъ

1) Ioan. Malal. p. 237—239.

клятва въ охраненіи мира раздѣлена на двѣ половины: въ одной Русскіе Христіане изрекаютъ на себя *месть отъ Бога Вседержителя*, въ другой Руссы — язычники подвергаютъ себя карѣ Перуна. Еще болѣе рѣзкое отдѣленіе Христіанъ отъ язычниковъ въ заключеніи, гдѣ упоминается церковь Св. Иліи и излагается самая форма клятвы язычниковъ: «а некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочая оружья». Съ другой стороны въ Игоревомъ договорѣ даже отвлеченное понятіе — *раздоръ, размирье* метафорически выражено словомъ *дьяволъ*,—и притомъ отъ лица Игоря и другихъ князей Русскихъ»: *и отъ тѣхъ* заповѣдано обновити ветъхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ». Святославовъ договоръ, не смотря на его краткость, послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи, что, вѣроятно, должно объяснять какъ присутствіемъ самого Святослава въ Греціи во время заключенія договора, такъ и его особенною преданностію язычеству. Въ немъ клятва выражена чрезвычайно просто и совершенно въ языческомъ духѣ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья бога» и т. д.—Это смѣшеніе Христіанскихъ понятій съ языческими мы объясняемъ себѣ слѣд. образомъ, и наше объясненіе, какъ увидимъ ниже, подтверждается другими соображеніями касательно языка договоровъ. Прежде приготовляемъ былъ одинъ экземпляръ грамоты, который потомъ переводили на Русскій языкъ, при чемъ, конечно, должно было измѣнить внѣшнюю форму, потому что Греческая грамота составлена была отъ имени Императоровъ и его поданныхъ, а Русская — отъ имени В. Князя Русскаго и его поданныхъ. Съ этихъ двухъ экземпляровъ заготовлялись послѣ особые списки, о которыхъ упоминаетъ Менандръ. Таковъ способъ заготовленія договорныхъ грамотъ, существовавшій при Визант. дворѣ за-

свидѣтельствованный туземнымъ писателемъ и весьма просто открываемый изъ разсмотрѣнія внѣшней формы нашихъ договоровъ. Но упомянутое измѣненіе формы для Русскихъ экземпляровъ не отличалось точностію, необходимою, повидимому, въ столь важномъ дипломатическомъ актѣ. Неточность эта особенно поразительна въ Игоревомъ договорѣ, въ которомъ вводятся говорящими Русскіе послы только во вступленіи и заключеніи, между тѣмъ какъ въ самыхъ статьяхъ являются предписывающими Греки, такъ что весь договоръ представляется механически составленнымъ изъ трехъ различныхъ частей, о связи между которыми, по видимому, никто не заботился. Должно полагать, что главный экземпляръ съ Русскимъ переводомъ, magis authentica tabula, какъ говоритъ Менандръ [1]), не заключала въ себѣ по крайней мѣрѣ столь рѣзкой неточности и не послѣдовательности, потомучто на него, безъ сомнѣнія, было обращено болѣе вниманія. Тѣже договорныя грамоты, которыя записаны въ лѣтописи Нестора, были, вѣроятно, второстепенные списки, въ которыхъ главнымъ образомъ смотрѣли на самыя статьи и на точность ихъ перевода, а не на внѣшнюю форму, не на вступленіе и заключеніе, которыя, вѣроятно, на-скоро и небрежно переписывались съ главнаго Русскаго экземпляра грамоты. Такъ можно объяснять смѣшеніе Христіанскихъ понятій съ языческими, находящееся въ началѣ и въ концѣ договоровъ.

1) Эвер. Древ. Р. Прав. стр. 148.

II.

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ВЛІЯНІИ НА ПОСТРОЕНІЕ ПЕРІОДОВЪ.

Признавая неоспоримымъ переводъ договоровъ съ Византійскаго подлинника, мы вмѣстѣ убѣждены, что Византійское вліяніе преимущественно отразилось на ихъ синтаксисѣ. Не затрудняясь нисколько формами языка ему роднаго, переводчикъ долженъ былъ встрѣчать не малое затрудненіе въ передачѣ устройства самой рѣчи, ея склада, теченія, особенно когда она рѣзко отличалась отъ роднаго ему говора. Еслибы даже онъ съ усердіемъ заботился о безукоризненной чистотѣ своего языка, если бы и находилъ въ себѣ довольно къ тому силы и готовности, то и тогда не могъ бы не измѣнить себѣ, не могъ бы не внести въ свою рѣчь чужеземнаго элемента, который болѣе всего отразится на органическомъ устройствѣ рѣчи. И въ современныхъ намъ переводахъ не трудно по строю рѣчи открыть слѣды языка подлинника, не смотря на ясное сознаніе всѣхъ условій перевода, на готовность къ нему переводчиковъ. Явленіе понятное: основные законы мышленія у всѣхъ народовъ одни и тѣже и выражаются одинаково въ общихъ категоріяхъ, но различная историческая судьба, различныя климатическія условія и множество самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ кладутъ на ихъ мышленіе особый отпечатокъ, который и проявляется преимущественно въ синтаксическихъ особенностяхъ. Открыть и усвоить себѣ съ

непогрѣшительною точностью всѣ характеристическія черты синтаксиса своего языка и иноземнаго, исключить послѣднія и замѣнить первыми — дѣло ума проницательнаго и высоко образованнаго, которымъ вовсе не отличались наши старинные переводчики. Другое дѣло съ формами: ихъ можно употреблять правильно при переводѣ и не на родной языкъ: изучивъ систему словоизмѣненія обоихъ языковъ, переводчикъ по отношенію къ ней можетъ не сдѣлать ни одной ошибки въ самомъ обширномъ переводѣ. Мы можемъ воображать, что въ совершенствѣ говоримъ и пишемъ на Латинскомъ языкѣ, непогрѣшительно употребляя формы Латинскихъ словъ и строго соблюдая общія синтаксическія правила, но такое воображеніе равняется заблужденію, потому что въ нашей мнимо-Латинской рѣчи, въ нашемъ мнимо-Латинскомъ письмѣ по большей части именно и недостаетъ того, что составляетъ душу, личность истинно-Латинской рѣчи. Какъ нѣтъ человѣка безъ личности, такъ и языкъ безъ нея мечта, плодъ ослѣпленія, которое рано или поздно должно исчезнуть, какъ и всякое заблужденіе. И такъ мы можемъ усвоить себѣ формы чужаго языка и вполнѣ сохранить ихъ въ переводѣ; но это усвоеніе вовсе не ручается за точное и полное усвоеніе всѣхъ его синтаксическихъ особенностей. Въ частности это вліяніе чужеземнаго языка въ переводѣ можетъ обнаружиться: 1) въ общемъ построеніи періодовъ, т. е. въ обиліи и самомъ способѣ размѣщенія входящихъ въ нихъ предложеній, а равно и въ размѣщеніи составныхъ частей этихъ послѣднихъ, 2) въ словосочиненіи и рѣже въ словоуправленіи. Въ этомъ порядкѣ мы постараемся показать Византійское вліяніе на устройство рѣчи въ нашихъ договорахъ, избѣгая сколько возможно отдаленныхъ и неправдоподобныхъ сближеній. Для большей же полноты обозрѣнія мы иногда позволимъ

себѣ приводить здѣсь и такія особенности, которыя не подаютъ повода къ сближенію ихъ съ Византійскими, или которыя, при всемъ сходствѣ ихъ съ послѣдними, оправдываются употребленіемъ въ самобытныхъ памятникахъ древнѣйшей нашей письменности.

Разсмотрѣніе всѣхъ договоровъ вообще и каждаго въ отдѣльности, по отношенію къ общему построенію періодовъ, прежде всего открываетъ слѣдующее замѣчательное явленіе: не только въ каждомъ договорѣ, но и въ разныхъ мѣстахъ одного и того же договора мы видимъ различный характеръ въ устройствѣ періодовъ. Такъ въ Олеговомъ болѣе господствуетъ періодическая рѣчь, нежели въ Игоревомъ и Святославовомъ. Несомнительно также, что всѣ наши договоры, особенно первый и вторый, какъ отличающіеся большею полнотою, состоятъ изъ трехъ различныхъ частей: вступленія, самыхъ статей и заключенія. Въ первомъ и послѣднемъ господствуетъ по преимуществу періодическая рѣчь, облеченная въ строго дипломатическую форму, большею частію искуственная, ясно и несомнѣнно свидѣтельствующая о чужеземномъ своемъ происхожденіи, между тѣмъ какъ изложеніе самыхъ условій отличается краткостію предложеній, простотою и естественностію рѣчи, какая господствуетъ въ чисто своеземныхъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ. Нельзя не удивляться, когда послѣ длинныхъ, искусственно-построенныхъ періодовъ вступленія и заключенія, въ которыхъ только при особенномъ усиліи открываешь истинный смыслъ, переходишь къ чтенію самыхъ статей, гдѣ все ясно, выражено просто, опредѣленно и кратко, исключая, конечно, тѣ мѣста, смыслъ которыхъ затемненъ или неточностію переводчика, или ошибками позднѣйшихъ переписчиковъ. При этомъ должно помнить, что темнота,

искусственность, періодичность рѣчи господствуютъ болѣе въ Олеговомъ, чѣмъ въ Игоревомъ и Святославовомъ договорахъ.

Наклонность къ длиннымъ періодамъ, со множествомъ придаточныхъ и вводныхъ предложеній, искусственное размѣщеніе послѣднихъ составляютъ главную характеристическую черту наибольшей части произведеній средневѣковыхъ Византійскихъ писателей. Весьма немногіе, какъ напр. Авторъ сочиненія: περὶ παραδρομῆς πολέμου (de velit. bell.), устояли противъ общаго увлеченія [1]). Это явленіе неизбѣжно въ литературѣ подражательной, какою дѣйствительно была въ то время Византійская. Стараясь подражать или классическимъ Греческимъ писателямъ, или казавшимся наиболѣе усвоившими ихъ слогъ, Византійскіе писатели впадали въ искусственно-періодическую рѣчь, которую испещряли неумѣстными реторическими украшеніями и тѣмъ часто придавали ей ложно-торжественный, напыщенный характеръ. Всѣ эти недостатки имѣли, конечно, различныя степени, смотря по способностямъ писателей и по времени ихъ жизни, такъ что чѣмъ болѣе мы углубляемся въ средніе вѣка, тѣмъ поразительнѣйшею представляется порча Греческаго языка, нѣкогда столь прекраснаго, и произведенія послѣднихъ временъ Византійской Имперіи отличаются крайне безобразнымъ и безпорядочнымъ языкомъ [2]). Но уже и въ X вѣкѣ эта порча глубоко проникла въ Византійскій языкъ какъ во внѣшнемъ отношеніи, истребивъ и перемѣшавъ многія формы,

1) Hujus autem auctoris, quisquis fuit, dicendi genus caret omnibus ornamentis, horridiusque est ac praefractius. Vol. XI. Hasii praef. pag. XXIV. Вообще я пользовался Боннскимъ изданіемъ Византійскихъ писателей.

2) Postremis potissimum saeculis, in quibus, quicquid hactenus supererat Graecanicae eruditionis, evanuerat omnino. Ducangii praef. ad Glos. pag. V. edit. Lugdun. 1688.

такъ и по отношенію къ его внутреннему синтаксическому устройству [1]). Такъ языкъ Константина Багрянороднаго испещренъ барбаризмами, безобразными формами и неправильностями въ синтаксическомъ отношеніи. Не менѣе замѣтно въ его сочиненіяхъ безпорядочное размѣщеніе предложеній и частей этихъ послѣднихъ. Тѣми же недостатками страдаетъ и другой писатель X вѣка — Левъ Діаконъ. Не могу не привести здѣсь слѣдующихъ словъ ученаго Газе, потому что онъ ими характеризуетъ вмѣстѣ и современный Льву Діакону Византійскій языкъ, «accedit, ut Leonis aetas eloquentiam poneret in florida, ut ita dicam, oratione: cum magnam se quisque in dicendo laudem adeptum putaret, si multa acervatim complexus ornamenta poëticae dictionis accumulatione grandioribus verbis et duris, ne ineptis dicam, metaphoris esset usus [2]),» и далѣе говоритъ, что этими недостатками отличается и языкъ Льва Діакона, хотя не въ такой степени, какъ языкъ напр. Θеофилакта Симокатты, Никиты Хоніата и другихъ. Другой недостатокъ того же писателя, продолжаетъ Газе, есть «vana synonymorum accumulatio» и по этому поводу говоритъ: «nam ante (т. е. до временъ Палеологовъ, куда слѣд. относится и X вѣкъ), veluti emortua lingua, sibi ipsi diffidebant fere omnes, et erant tanquam anniculi infantes, qui nonnisi in curriculo, aut praeeunte duce inambulant....

1) Сюда же должно отнести и множество Латинскихъ словъ и выраженій, вторгшихся въ Византійскій языкъ, напр. πραιδεύειν—praedari; κομμερχεύειν (Georg. Mon. 853. 9), μουλτεύειν (Sym. Mag. 622. 3), κώδιξ, βίγλα, ἐξκουβιτα. ἄρκλα (=arcula), παλλαχὴ и пр.—Подражаніе Латинскому языку было и въ другомъ родѣ: придаваемы были Греческимъ словамъ особыя значенія по сходству значеній въ тѣхъ же словахъ на Латинскомъ языкѣ, напр. Латинское *arrisit* употреблялось въ смыслѣ *placuit*, а потому Греки не замедлили придать тоже значеніе и своему глаголу ἐπιγελᾶν. Reiskii comment. ad cerem. p. 445.

2) Hasii ad L. Diac. Hist. p. XIX,

*

neque alio pacto Leo egit [1].» У нѣкоторыхъ же Византійскихъ писателей, напр. Никиты Хоніата, Георгія Пахимера, Θеофана — напыщенность, длиннота искусственно-построенныхъ періодовъ, реторизмъ доходятъ часто до крайности, такъ что издатель послѣдняго (Ioannes Classenus) говоритъ: «cui tamen parcius indulsi, *haud ignarus in tali scriptore neque sermonis puritatem neque concinnitatem sententiarum esse quaerendam* [2].» Такова въ общихъ чертахъ характеристика Византійскихъ писателей X вѣка.

Если же искусственно-періодическая рѣчь была господствующею въ произведеніяхъ историческихъ писателей, то тѣмъ болѣе должно ожидать ее въ актахъ юридическихъ и дипломатическихъ, какъ потому, что произведенія этого рода всегда и вездѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для литературы, отличаются длиннотою періодовъ, облеченныхъ въ строгую искусственную форму, такъ въ особенности по состоянію юридическаго и дипломатическаго языка въ Византійской Имперіи. Дѣйствительно, съ первыхъ временъ самостоятельнаго существованія Византійской Имперіи всѣ правительственные акты писаны были на Латинскомъ языкѣ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и господствующимъ разговорнымъ языкомъ не только въ высшемъ, но и въ среднемъ слояхъ общества и почитался благороднымъ, между тѣмъ какъ Греческій — языкомъ черни. Но такъ какъ эта послѣдняя, составлявшая многочисленнѣйшую часть народонаселенія Имперіи, не понимала писанныхъ для нея на Латинскомъ языкѣ законовъ, которые потому не достигали своей цѣли, то правительство вскорѣ нашло себя вынужденнымъ писать всѣ правительственныя распоря-

1) Hasii praef. ad L. Diac. Hist. p. XX. Cf. ejus annott. ad L. Diac. p. 407 etc.

2) Praef. ad Theoph. p. VIII,

женія на языкѣ Греческомъ. Эта благопріятная перемѣна произошла не ранѣе какъ въ царствованіе Юстиніана Великаго, болѣе всѣхъ предшественниковъ понимавшаго нужды своего государства. Въ одной изъ своихъ новеллъ Императоръ такъ говоритъ объ этомъ нововведеніи: «διόπερ αὐτὴν (Νεαρὰν) καὶ προυθήκαμεν καὶ οὐ τῇ πατρίῳ φωνῇ τὸν νόμον συνεγράψαμεν, ἀλλὰ ταύτῃ τῇ κοινῇ τε καὶ Ἑλλάδι [1]), ὥςε ἅπασιν εἶναι αὐτὸν γνώριμον διὰ τὸ πρόχειρον της ἑρμηνέιας [2]). И легко можно себѣ представить, каковъ былъ этотъ Греческій языкъ, волею великаго Императора ставшій теперь правительственнымъ. Съ одной стороны въ немъ еще не выработалось множество понятій юридическихъ, не было формъ для выраженія разнообразныхъ юридическихъ отношеній, между тѣмъ какъ съ другой стороны Римское право, въ высокой степени развитое по содержанію, имѣло и языкъ въ совершенствѣ приспособленный къ выраженію тончайшихъ оттѣнковъ юридическихъ понятій и самыхъ многосложныхъ отношеній. А потому весьма естественно, что не только отдѣльныя понятія, формы, но и цѣлыя выраженія почти буквально заимствуемы были изъ языка Латинскаго и крайне испещряли и безобразили Греческій [3]). Отъ того нисколько не удивительно, что почти въ современныхъ договорамъ Византійскихъ законахъ находимъ слѣдующій языкъ: εἴρηται δε ὅτι, ἐὰν τις μὴ ἀναγκαζόμενος δεφενδεῦσαι τινα παράσχῃ

---

1) Даже въ этомъ выраженіи замѣтно презрѣніе къ общенародному языку.

2) Nov. VII. Cap. I.

3) Verum graecae istae Constaninopolitanorum Augustorum constitutiones, ita describi non potuere, quin in iis subinde insererentur formulae Romanis jurisconsultis familiares, ut et formalia quae vocant verba, vocibus Latinis vel in Graecam enuntiationem deflexis ac detortis exararentur: cum has haud promptum esset mutare, vel in puriorem Graecum sermonem convertere, *nisi prolixiori aliquo verborum ambitu, qui in praecipui momenti decreta nescio quid ingessisset obscuri et dubii!* Ducangii praef. ad Glos. pag. XII.

τὴν ἰουδικάτον σόλουι, καὶ ἐξ εὐλόγου αἰτίας τὴν δεφενσίονα παραιτήσηται οὐδὲ ἡ ἐκ στιπουλάτου κομμιτεύσεται [1]), или напр.: ἀναιροῦσι δὲ ἴψο ἰοῦρε τὴν διὰ πάκτου ἀναιρεθεῖσαν ἀγωγὴν οἷον τὴν φουρτι καὶ τὴν δίκην ἰνιουριάρουμ [2]), гдѣ на половину словъ Греческихъ и Латинскихъ. Таковъ былъ правительственный Византійскій языкъ въ то время, когда составлялись наши договоры. На немъ, или на подобномъ ему, безъ всякаго сомнѣнія, они и были составлены. И чѣмъ важнѣе былъ актъ, какъ справедливо замѣчаетъ Дюканжъ, тѣмъ болѣе входило въ него распространеній, имѣвшихъ цѣлію пояснить смыслъ, а потому тѣмъ болѣе онъ представлялъ запутанности и безпорядочности въ ходѣ и развитіи мысли. Эту-то запутанность и безпорядочность мы дѣйствительно и находимъ въ нашихъ договорахъ. Изъ предложеннаго краткаго очерка состоянія въ X вѣкѣ языка исторической Византійской литературы и юридическаго видно, что языкъ договоровъ могъ быть только искусственнымъ, что рѣчь ихъ могла быть только искусственно-періодическою, съ разными распространеніями и поясненіями, еще болѣе затемнявшими смыслъ. Постараемся подтвердить свое положеніе примѣрами, заимствованными изъ договоровъ, преимущественно изъ ихъ вступленія и заключенія, при чемъ будемъ слѣдовать указанному выше порядку, т. е. укажемъ сначала на способъ размѣщенія предложеній въ періодѣ, а потомъ на способъ размѣщенія частей, составляющихъ эти послѣднія.

Первый періодъ Олегова договора есть общая начальная формула дипломатическаго документа, состоящая въ поименованіи лицъ, между которыми договоръ заключается, лицъ, къ тому уполномоченныхъ, и цѣли его заключенія.

---

1) Basilic. Lib. I, 399.
2) Ibid. pag. 558.

Но и въ немъ замѣтна безпорядочность въ размѣщеніи составляющихъ его предложеній, а именно: между поименованіемъ пословъ и тѣхъ, отъ кого они посланы, вставлено поименованіе Византійскихъ Императоровъ и указаніе цѣли посольства, такъ что сначала затрудняешся, къ чему должно относить выраженіе: «похотѣньемъ нашихъ Князь и по повелѣнію» и только послѣ внимательнаго разсмотрѣнія всего періода замѣчаешь тѣсную связь между нимъ и мыслію, раздѣленною отъ него двумя предложеніями. При этомъ возможно предположеніе, что упомянутое выраженіе, а равно и слѣдующее за нимъ принадлежатъ къ числу столь употребительныхъ на современномъ договорамъ Византійскомъ юридическомъ языкѣ распространеній и поясненій, что между прочимъ подтверждается и разногласіемъ въ конструкціи: «иже послани *отъ Олга.... похотѣньемъ.... и по повелѣнію.*» По отношенію къ размѣщенію составныхъ частей отдѣльныхъ предложеній мы замѣчаемъ слѣдующее: a) слишкомъ отдаленное положеніе винительнаго падежа *любовь* отъ его прямаго управленія: «на удержаніе и на извѣщеніе;» между тѣмъ и другимъ помѣщено многословное опредѣленіе слова *любовь.* b) Отдѣленіе существительнаго, посредствомъ придаточнаго предложенія, отъ опредѣляющаго его прилагательнаго: «и *отъ всѣхъ*, иже суть подъ рукою его сущихъ *Руси* [1]).» Въ слѣдующемъ періодѣ въ первомъ отношеніи замѣчаемъ вставку придаточныхъ предложеній между подлежащимъ (наша свѣтлость) и сказуемымъ (судихомъ), а во второмъ—вставку придаточнаго предложенія (кленшеся оружьемъ своимъ) и дополненія (и писаніемъ и клятвою твердою) между сказуемымъ и глаголомъ, непосредственно отъ него завися-

1) Извѣстно, что слово *Русь* въ договорахъ всегда употребляется какъ собирательное, съ опредѣленіями и глаголомъ во множественномъ числѣ. Оно есть переводъ неизмѣняющагося на Византійскомъ языкѣ οἱ Ῥῶς.

щимъ (судихомъ извѣстити). Впрочемъ предложеніе; «кленшеся оружьемъ своимъ» представляется также распространеніемъ въ родѣ вышеупомянутаго какъ потому, что оно дѣйствительно есть только распространеніе слова *клятва*, такъ и по неестественности положенія дополнительныхъ къ глаголу *извѣстити* словъ: «и писаніемъ и клятвою твердою.» Тоже самое явленіе видимъ и въ слѣдующемъ пред ложеніи: «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя.» Вторую же часть слѣдующаго за тѣмъ періода мы читаемъ такъ: «и не вдадимъ, елико наше изволеніе, быти.... никакому же съблазну или винѣ,» т. е. «и не позволимъ, сколько то въ нашей волѣ, быть какому либо соблазну или винѣ.» Такое чтеніе основывается вопервыхъ на томъ, что всякое другое не даетъ никакого смысла: какъ должно понимать слова: «елико наше изволеніе быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ Князь свѣтлыхъ.» Во-вторыхъ тогда вся эта мысль: «и не вдадимъ, елико наше изволеніе, быти» и т. д. будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ слѣдующею за нею: «но потщимся, елико по силѣ, на схраненіе» и т. д. А здѣсь это соотвѣтствіе весьма важно, потому что въ этихъ двухъ мысляхъ, какъ видно, заключается реторическая фигура (противоположеніе), которая, по правиламъ реторики, предполагаетъ его для правильности своего построенія. Къ тому же присутствіе реторической фигуры согласно съ господствующимъ въ договорахъ характеромъ рѣчи. Въ третьихъ можно присовокупить и то, что въ первомъ случаѣ существительное *изволеніе* употреблено безъ всякаго управленія, а потому послѣдовательнѣе было бы и въ другомъ допустить тоже употребленіе. Допустивъ такое чтеніе, мы замѣчаемъ здѣсь тѣже условія въ построеніи періодовъ, т. е. а) вставку вводныхъ предложеній (*елико наше изволеніе* и *елико по силѣ*) и б) помѣщенное впереди многословное опредѣленіе

слова *любовь* (исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою извѣщаемую любовь). Что же касается до прилагательныхъ, заключающихъ періодъ, то мы признаемъ ихъ непосредственнымъ дополненіемъ выраженія: «на схраненіе,» такъ что смыслъ этого мѣста слѣдующій: «но постараемся сохранить непревратпою и непостыдною любовь, извѣщаемую» и т. д. Въ такомъ случаѣ мы должны сдѣлать третье замѣчаніе, касательно безпорядочнаго помѣщенія дополненія, чрезвычайно отдаленнаго отъ слова, къ которому оно относится. Тоже должно замѣтить и о дополнительныхъ къ слову *любовь* прилагательныхъ: «несъблазнену и непреложну» въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ кромѣ того нельзя не обратить вниманія на совершенно оторванное отъ глагола *храните* дополненіе: «всегда и во вся лѣта,» помѣщенное въ самомъ концѣ періода.

Въ заключеніи Олегова договора видимъ тѣже явленія. Въ первомъ періодѣ выраженіе: «бывшій миръ» отдѣлено отъ существительныхъ: «утвержденіе и неподвиженіе», къ которымъ оно непосредственно относится, словами: «межи вами хрестьяны и Русью». Равнымъ образомъ глаголъ: «съствориховъ», согласно съ принятымъ нами чтеніемъ, отдѣленъ отъ непосредственно отъ него зависящаго выраженія: «извѣсти и дасть нашимъ словомъ» цѣлою вереницею дополненій. Точно также въ слѣд. періодѣ главное предложеніе: «мы же кляхомся къ царю вашему... не преступати».... раздѣлено на двѣ половины придаточнымъ предложеніемъ: «иже отъ бога суще». Въ заключительной же мысли договора выраженіе: «на утверженіе обоему пребывати таковому свѣщанію, на утверженіе и извѣщеніе межи вами бывающаго мира», какъ оффиціальное и неоднократно въ однихъ и тѣхъ же словахъ повторяющееся, не имѣетъ органической связи съ главною мыслію и какъ бы механически вставлено въ послѣднюю, такъ что это окончаніе

есть ничто иное, какъ обозначеніе времени составленія договора (datum), въ родѣ того, какое мы видимъ въ современныхъ намъ правительственныхъ актахъ:манифестахъ и проч. (данъ царства нашего въ такое то лѣто).

Совсѣмъ другой характеръ въ построеніи періодовъ господствуетъ въ самыхъ договорныхъ статьяхъ. Составленныя изъ краткихъ предложеній, большею частію изъ двухъ, они отличаются неизмѣннымъ однообразіемъ, почему мы и не разсматриваемъ ихъ здѣсь отдѣльно. Изъ всѣхъ статей Олегова договора можно привести здѣсь развѣ слѣдующую: «аще украдеть Русинъ что любо у Крестьянина или пакы Христьянинъ у Русина, и ятъ будеть въ томъ часѣ тать, егда татьбу створить, отъ погубившаго что-любо, аще приготовится, татьбу творяй и убіенъ будеть», гдѣ замѣчательно между прочимъ помѣщеніе подлежащаго на концѣ. Во всѣхъ же прочихъ статьяхъ послѣдовательность предложеній, а равно и размѣщеніе частей предложенія по большей части естественны, безъ признаковъ замѣченнаго безпорядка.

Въ чемъ же состоятъ существенныя черты построенія періодовъ въ Олеговомъд оговорѣ? — Общая характеристическая черта—періодичность рѣчи, облеченной въ искусственную оффиціальную форму. Въ частности эти черты могутъ быть выражены такъ: 1) различныя части главныхъ предложеній, непосредственно одна отъ другой зависящія, раздѣляются придаточными и вводными предложеніями, и при томъ такъ неестественно, что часто теряется связь между раздѣленными частями; 2) слишкомъ отдѣленное помѣщеніе опредѣленій и дополненій отъ тѣхъ словъ, которыя онѣ опредѣляютъ и дополняютъ, при чемъ, какъ и въ первомъ случаѣ, отдѣленіе бываетъ такъ неестественно, что иногда труднопоказать, къ чему относится то или другое опредѣленіе или дополненіе. Понятно, что обѣ эти черты суть

очевидные признаки искусственнаго построенія рѣчи, въ которой, въ слѣдствіе испорченнаго вкуса писателей и ложно понятой мысли о важности и торжественности, безпорядочно перемѣшаны всѣ части.

Какъ ни мало протекло времени между заключеніемъ Олегова и Игорева договоровъ, тѣмъ не менѣе мы находимъ рѣзкое различіе между ними не только относительно построенія періодовъ, но и всѣхъ синтаксическихъ особенностей. Если въ первомъ, въ его началѣ и концѣ, повсюду видимъ несомнѣнные, осязаемые, такъ сказать, грецизмы, и въ общемъ ходѣ рѣчи, и въ конструкціи, и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, то въ послѣднемъ грецизмы весьма малочисленны и могутъ быть открыты только при внимательномъ чтеніи именно съ этою цѣлію. Трудно съ достовѣрностію объяснить причину столь рѣзкаго различія, произошло ли оно отъ бо̀льшей опытности и искусства переводчика Игорева договора, или,—если признать справедливымъ мнѣніе Эверса, — отъ того, что Олеговъ договоръ былъ полный, составленный съ строжайшею формальностію, съ большею заботливостію не только относительно содержанія, но и относительно самой рѣчи, которая потому отличается бо̀льшею искусственностію, вводившею въ ошибки неопытнаго переводчика, между тѣмъ какъ Игоревъ додоговоръ былъ только дополнительный, наскоро составленный, безъ обращенія особеннаго вниманія на полноту и порядокъ статей, на самый языкъ, который оттого и отличается простотою и естественностію, произошло ли оно отъ исправленій позднѣйшихъ переписчиковъ, чему впрочемъ противорѣчатъ рѣзкіе и обильные архаизмы въ языкѣ, или отъ другихъ неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что если въ Олеговомъ договорѣ встрѣчаются утомительно — длинные періоды, съ безпорядочно разбросанными въ нихъ предложеніями и раз-

личными частями этихъ послѣднихъ, то въ Игоревомъ почти повсюду видимъ мысли, просто и кратко выраженныя, однимъ, или много двумя — тремя предложеніями, синтаксически правильно построенными. Для точнѣйшаго удостовѣренія достаточно сравнить вступленіе въ томъ и другомъ договорѣ. Такъ въ первомъ, отъ присоединенія къ поименованію Императоровъ, Князя Русскаго и пословъ объясненія цѣли посольства, произошла запутанность, которая еще болѣе увеличилась отъ неестественнаго помѣщенія этого объясненія и отъ повтореній: во второмъ исключено все, что могло затемнить смыслъ; въ немъ заключается только поименованіе пословъ и тѣхъ, отъ кого они посланы, между тѣмъ какъ цѣль посольства выражена отдѣльнымъ предложеніемъ, краткимъ, яснымъ и правильнымъ, хотя и съ легкимъ грецизмомъ. Таже мысль заключается и въ слѣд. предложеніи съ присовукупленіемъ именъ Визант. Императоровъ. Остальная же часть вступленія въ Олеговомъ договорѣ представляетъ бо́льшую полноту и формальность, потому что въ немъ обязанность неизмѣннаго сохраненія мира съ той и другой стороны составляетъ особую статью общаго содержанія, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ, въ краткихъ, но рѣзкихъ выраженіяхъ, изрекается только казнь противъ тѣхъ, *кто помыслить разрушити таку любовь.* Изъ вышеупомянутыхъ неправильностей относительно общаго построенія періодовъ мы замѣтимъ одну, относящуюся къ размѣщенію составныхъ частей предложенія, и именно въ выраженіи: «и отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ», гдѣ послѣднія слова, безъ сомнѣнія, относятся къ эпитетамъ дьявола [1]). Святославовъ договоръ въ

1) Сюда же должно отнести выраженіе: «аще ли *кто* отъ людій царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ, ускочить *челядинъ* нашъ къ вамъ».... (21). Въ немъ мѣстоименіе *кто* я отношу къ

этомъ отношеніи не подаетъ повода къ особымъ соображеніямъ, какъ состоящій изъ краткихъ увѣреній въ охраненіи мира и одного обязательства, принятаго на себя Святославомъ.—И такъ относительно построенія періодовъ мы открыли въ нашихъ договорахъ, преимущественно въ Олеговомъ, двѣ вышеупомянутыя особенности.

Эти особенности совершенно въ духѣ современнаго договорамъ Визант. краснорѣчія. Для доказательства нѣтъ нужды въ обиліи примѣровъ, потому что показанная безпорядочность въ устройствѣ періодовъ господствуетъ не только у такихъ писателей, каковы напр. Θеофанъ и его продолжатели, но и у писателей, заботившихся о ясности рѣчи, напр. у Константина, Льва Діакона и другихъ. Довольно привести хотя одинъ періодъ, обыкновенно занимающій цѣлую страницу, изъ жизнеописанія Θеофана, чтобы видѣть, какъ имъ однимъ подтверждается господство такой безпорядочности у Визант. писателей.—Что же касается до размѣщенія составныхъ частей отдѣльныхъ предложеній, то и оно въ нашихъ договорахъ совершенно въ Визант. характерѣ. Представимъ нѣсколько примѣровъ. Такъ 1) опредѣленія большею частію отдѣляются отъ опредѣляемыхъ словъ, — явленіе столь обыкновенное въ нашихъ договорахъ: τοὺς εἰθισμένους ἀπαιτεῖν ἔλεγον φόρους[1]); или: γεγωνοτέρα, τε χρησάμενος, ἣ ἔθιστο φωνῇ[2]). Или у Константина: καὶ γὰρ αἱ πολλαὶ τῶν ἀξιωμάτων ἀμαυρωθεῖσαι τῷ χρόνῳ προσκλήσεις, ἀλλὰ μὴν καὶ πᾶσαι αἱ μετ' ἐκείνας ἐφευρεθεῖσαι ἀξιωμάτων σκέπην καὶ ἀντίληψην

слову *челядинъ*, какъ его опредѣленіе, неестественно помѣщенное, и признаю буквальнымъ переводомъ Греч. τις. Въ Визант. подлинникѣ эта мысль могла быть выражена такъ: εἰ δε τις ἀπ' ἀνθρώπων τῆς ἡμετέρας βασιλέιας ἢ ἀπὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως, ἢ ἀπ' ἄλλων πόλεων ἀποπηδήσῃ δοῦλος ἡμῶν πρὸς ὑμᾶς....

1) Leo Diac. IV, p. 61, lin. 13.

2) Ibd. lin. 18.

εὕρομεν τὴν σὴν ὑψηλὴν καὶ μεγάλην βασιλείαν διαφοραὶ, σύγχυσιν τινα παρεισάγουσιν τῆς ἀκριβοῦς αὐτῶν καταλήψεως[3]). У него же: ταύτα δε παντα φυλάττεσθαι τηρεῖσθαι τε καὶ πράττεσθαι καὶ διαμένειν βέβαια[4]), и далѣе: καὶ ἐπειδὴ τὴν ἡμετέραν ἀμάθειαν τῆς ἀκριβοῦς τούτων καταλήψεως τὴν συγγραφήν ἐξητήσασθε[5]) и т. д. Изъ этихъ примѣровъ, а равно изъ соображенія языка Визант. писателей вообще, видно, что подобное размѣщеніе опредѣленій и опредѣляемыхъ, по понятіямъ того времени, составляло красоту рѣчи и было производимо намѣренно. 2) Тоже самое явленіе замѣчается и по отношенію къ тѣмъ частямъ предложенія, которыя тѣсно связаны между собою непосредственною зависимостію. Раздѣленіе этихъ частей было другою особенностію, характеризующею рѣчь Визант. писателей и почиталось ея украшеніемъ. Такъ существительное обыкновенно отдѣлялось отъ другаго, управляемаго имъ, существительнаго, напр. εἰς τὰς σκηνὰς χωρῆσαι τῶν πολέμων[6]); τινὶ ἂν ἔρκει πρὸς ἀποτροπὴν ἐχρήσω τῶν δυσμενῶν[7]); οὐ μόνον τὰ πρόσοικα φῦλα πέφρικε τῶν ἐθνῶν[8]); καὶ τοῦ παρακοιμωμένου καὶ αὐτὸς ἐπὶ τῶν τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου καιρῶν ἐνδιέπρεψεν ἀξιώματι[9]); πυρὶ θεότητος ἐν Ἰορδάνῃ φλόγα σβεννύει τῆς ἁμαρτίας[10]) и проч. Видя эту особенность столь господствующею, невольно приводишь себѣ на память извѣстныя выраженія Олегова договора: «*на извѣщеніе* отъ многыхъ лѣтъ межю Христіяны и Русью *бывшюю любовь*»; или: «*на схраненіе* прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Грекы исповѣданіемъ и написаніемъ съ клят-

3) Cerem II, p. 684 lin. 11—12.
4) Cerem. II, p. 725 lin. 8—9.
5) Ibd. cf. Theoph. I. p. 1 etc.
6) Uelit. bell. XXIV, p. 255 lin. 22.
7) Leo Diac. II. p. 57. lin. 17.
8) Ibd. III, 37 cf. III., 44.
9) Ibd. III, 46 lin. 21.
10) Cerem. I, 6. 41. lin. 13—14.

вою извѣщаемую *любовь»;* или: «*на утверженіе же и неподвиженіе* быти межи вами Хрестьяны и Русью *бывшій миръ*». Едва ли кто можетъ отрицать въ приведенныхъ выраженіяхъ ясные и несомнѣнные слѣды Визант. вліянія, слѣды буквальнаго перевода, рабски копировавшаго подлинникъ [1]). Кто можетъ отрицать, что слѣдующее начало одной изъ статей Игорева договора: «аще *кто* отъ людій царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ, ускочить *челядинъ* нашъ къ вамъ» не есть буквальный переводъ съ Визант. подлинника, прочитавъ напр. слѣд. предложеніе: «εἰ δε τίς ἐκ τῆς ἡμῶν ἀπροσεξίας ἐπισφαλῆς προσγένεται σύγχυσις τοῖς βασιλικοῖς κλητωρίοις [2])? Такихъ примѣровъ можно представить множество. Сюда же относится отдѣленіе глаголовъ отъ управляемыхъ ими существительныхъ и другихъ глаголовъ, напр: «τὸν μεν οὖν ἄμαχον κακὸν τοῦ λιμοῦ τῇ σιταγωγίᾳ, ἣν ἐκ τῶν ἁπανταχῆ ἐμπορίων προνοίᾳ διὰ τάχους συνήγαγε, διέλυσε (Leo Diac. VI, 113 lin. 5 — 7); δεῖ ἡμᾶς ἐν τῇ τοιαύτῃ λαχόντας διακονίας προσοχῇ μελέτης καὶ ἐπιστήμης (Cerem. II. 703. lin. 18); ἄξιον δε ἐστιν, καὶ τὴν ἐξαρχῆς τοῦ Θεοῦ εἰς Μαρκιανὸν τὸν βασιλέα ἐκλογὴν σημᾶναι (Theoph. I. 160, lin. 9—10); οὐδεμίαν ἀνάγκην τὸν αὐτοκράτορα Ῥωμαίων ὡς ἡμᾶς ἀφικέσθαι ὁρῶ κατάπειγουσαν Leo Diac. VI, 106, lin. 19 — 20) и проч. Не тоже ли видимъ въ нашихъ договорахъ въ выраженіяхъ: «многажды *право судихомъ*, но точью простословесенъ, и писаніемъ и клятвою твердою, клепшеся оружьемъ своимъ, такую любовь *извѣстити* и *утвердити*»..; или: «*състворихомъ* Ивановомъ написаніемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою..... *извѣсти*; мы же кляхомся къ царю

1) Сюда же должно быть отнесено и отдѣленіе сравнит. степеней отъ падежей, ими управляемыхъ, напр: μὴ περαιτέρω φυσῶεν τοῦ προσήκοντος. (Leo Diac. IV, 80. lin. 18—19. Theoph. XXIV lin. 18.

2) Cerem. II, p. 703 lin. 13—14. τις часто ставится и въ срединѣ: τῶν φιλῶν τις στρατιωτῶν Leo Diac. IV, 57. lin. 4.

вашему, иже отъ Бога суще яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего, не *преступати*».... Въ Игоревомъ договорѣ такое размѣщеніе взаимныхъ зависимостей встрѣчается рѣже. Выше мы замѣтили, что подлежащее въ договорахъ помѣщается иногда на концѣ: эта особенность также оправдывается современнымъ имъ Визант. языкомъ: «ἐπεὶ κατὰ τὸ δοκοῦν εαυτῷ τέλος ἐχώρει τὰ πράγματα (Leo Diac. III, 47. lin. 23); ὅτι βούλοιτο τοῖς Μυσοῖς ἡ τῶν φόρων, ἣν τῶν Ῥωμαίων αἰτοῦσιν, ἔισπραξις (ibd. IV, 62, lin. 1); οἷον τε πάσχουσι τὴν κοσμηκὴν διαπεραιόμενοι θάλατταν ἔμποροι (Theoph. vit. I. 1).

Вотъ все, что мы можемъ сказать, не вдаваясь въ излишнія подробности объ устройствѣ періодовъ въ договорахъ, на сколько отразилось на немъ Визант. вліяніе. Дальнѣйшія сближенія могутъ находить себѣ оправданіе только въ смѣлыхъ и не правдоподобныхъ предположеніяхъ. Въ толкованіи же и разсмотрѣніи языка столь древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ, каковы наши договоры, должно соблюдать величайшую осторожность, смотрѣть на ихъ текстъ какъ на святыню и только тогда допускать въ немъ какія либо видоизмѣненія, когда всѣ усилія извлечь изъ него смыслъ, при его настоящемъ видѣ, остаются тщетными и когда предпринимаемое видоизмѣненіе опирается на ясныхъ и положительныхъ доказательствахъ, подкрѣпляемыхъ историческими, филологическими и логическими соображеніями. Старина сохранила намъ эти памятники какъ величайшую драгоцѣнность; у нихъ мы можемъ спросить и узнать, если съумѣемъ спросить, о той или другой сторонѣ жизни нашихъ предковъ. Но при этомъ допросѣ каждая буква, каждая черта буквы должны быть неприкосновенны, потому что изъ совокупности ихъ, правильно понимаемыхъ, мы можемъ возсоздать болѣе или менѣе полный обликъ родной старины.

Смѣлость въ обращеніи съ текстомъ неизбѣжно сообщитъ ложное понятіе о событіяхъ и затемнитъ истину, которая есть первая и послѣдняя цѣль подобныхъ изслѣдованій. Если учоный Германецъ готовъ написать книгу въ защиту какой либо Греческой или Латинской формы, сохранившейся въ рукописи, единственно потому, чтобы избѣжать произвольнаго предположенія и сохранить древній текстъ, то какая должна быть осторожность въ объясненіи смысла нашихъ договоровъ, когда содержаніе ихъ состоитъ въ изображеніи общественной жизни Руси, и притомъ въ эпоху, столь скудную историческими памятниками! Тѣмъ менѣе мы имѣемъ право на смѣлыя предположенія, при объясненіи текста договоровъ, что можемъ съ увѣренностію утверждать о неповрежденности ихъ языка, заключающаго въ себѣ рѣзкіе и обильные слѣды глубокой древности.

III.

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ВЛІЯНІИ НА СИНТАКСИСЪ ЯЗЫКА ДОГОВОРОВЪ.

Если Византійскій языкъ, ко времени заключенія договоровъ, уже утратилъ простоту и естественность въ построеніи періодовъ, то, по отношенію къ словосогласованію и словоуправленію, онъ потерялъ первоначальную правильность. Такъ въ именахъ видимъ смѣшеніе падежей, въ глаголахъ — смѣшеніе формъ; тоже находимъ и въ неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи. Если присоединимъ къ тому смѣшеніе въ значеніяхъ, когда одно слово принимаетъ самыя разнообразныя и разно характерныя значенія, смѣшеніе самыхъ

частей рѣчи, то будемъ имѣть хотя и неполное понятіе о безпорядкѣ, господствовавшемъ въ Визант. языкѣ. На основаніи одного простаго соображенія, невозможно предположить, чтобы упомянутые недостатки въ строѣ рѣчи, въ большей или меньшей степени, не отразились въ языкѣ нашихъ грамотъ, какъ скоро справедлива мысль, что онп-переводы съ Визант. подлинника. Отраженіе этихъ недостатковъ признаетъ необходимымъ тотъ, кто знакомъ со старинными переводчиками, которые, держась буквы подлинника, не только переносили въ переводъ неправильности языка послѣдняго, но и присоединяли къ нимъ еще множество своихъ, единственно изъ желанія или ложнаго убѣжденія въ необходимости сохранить слова подлинника, которыхъ часто не понимали.

Впрочемъ, сравнивая договоры съ другими древнѣйшими Болгарскими и Сербскими переводами въ разсматриваемомъ отношеніи, находимъ рѣзкое различіе между ними въ степени ясности рѣчи и правильности языка. Для сравненія достаточно взять хотя одинъ отрывокъ переводовъ, помѣщенныхъ въ лѣтописи Нестора и заключающихъ въ себѣ несомнѣнные признаки глубокой древности. Въ договорахъ мы никогда не встрѣтимъ выраженій, подобныхъ слѣдуюшимъ; «не чюдисе прѣльститисе подобіемь, ниже извѣтомь явления искусити, иже глаголемымь истину [1])», гдѣ переводчикъ, не понявъ мысли, набиралъ только слова, болѣе или менѣе соотвѣтствующія подлиннику, руководясь извѣстными, однажды принятыми условіями перевода. Приведемъ еще слѣд. два примѣра буквальнаго перевода. «Царь же изиде воевати на Агараны, оставль вь градѣ Ори-

1) Μὴ θαῦμα ἀπατᾶσθαι προσήκει μήτε μὴν ἐπαγγελία ψιλή· δοκιμάζειν δε τῶν λεγομένων τὴν ἀλήθειαν. Чт. Общ. Ист. и Др. 1846 № 4. стр. 81. Переводчикъ принялъ προσήκει за существ., переведенное имъ—*подобіемь*, а ἀπατᾶσθαι за повелит. наклоненіе, отъ чего у него потерялась связь послѣдующаго съ предъидущимъ.

фа ипарха, иже не у цареви ни отихже поучаваашесе и вь умѣ имѣаше твориму, безбожныихь Русь вьзвѣсти нашьствіе, бывшу уже у Мавропотама [1])». «Сь кь Евксинскому Понту вь устии лову вь Іеро глаголемое вьнезапу нападе на не [2])». Изъ приведенныхъ примѣровъ также древнѣйшаго перевода видно, какое различіе между послѣднимъ и переводомъ договоровъ, что и понятно: для переложенія на языкъ Руссовъ столь важнаго дипломатическаго акта, безъ сомнѣнія, назначенъ былъ человѣкъ, извѣстный своимъ знаніемъ обоихъ языковъ, знакомый съ пріемами перевода и, вѣроятно, неоднократно исполнявшій подобныя порученія, между тѣмъ какъ переводчики Г. Амартола, не заключавшіе въ себѣ столь благопріятныхъ условій, перелагали подлинникъ совершенно механически, часто не понимая того, что

---

1) Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐξεστράτευσε κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν, καταλιπὼν ἐν τῇ πόλει ταύτην φυλάττειν Ὠορύφαν ὕπαρχον ὄντα, ὅστις οὔπω τοῦ βασιλέως μηδὲν ἐξ ὧν ἐμελέτα καὶ κατὰ νοῦν εἶχεν ἐργασαμένου τὴν τῶν ἀθέων Ῥῶς ἐμήνυσεν ἄφιξιν γεγενημένου ἤδε κατὰ τὸν Μαυροπόταμον. ibd. Здѣсь мы видимъ удивительное блужданіе переводчика: 1) онъ не понялъ род. самост. βασιλέως μηδὲν ἐργασαμένου. и, конечно, не понялъ потому, что причастіе отдѣлено отъ своего существ.; 2) не понялъ оборота, извѣстнаго въ Греч. языкѣ подъ именемъ аттракціи и употребленнаго здѣсь Георгіемъ Амартоломъ: μηδὲν ἐξ ὧν ἐμελέτα = ἐκ τούτων, ἃ ἐμελέτα; 3) потерялъ изъ вида существ., къ которому отнесено причастіе γεγενημένος и невѣрно перевелъ *бывшу*, относя это послѣдее, кажется, къ *цареви*.

2) οὗτος πρὸς τῷ τοῦ εὐξείνου πόντου στόματι παρεδρέυων ἐν τῷ ἱερῷ λεγομένῳ ἀθρόον τούτοις ἐπέθετο. Переводчикъ затруднялся членомъ τῷ, отнесеннымъ въ подлинникѣ къ στόματι, и предлогъ πρὸς отнесъ къ εὐξείνου πόντου, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ отъ него зависитъ существ. στόματι. Эти примѣры я заимствовалъ изъ отрывковъ Серб. перевода Хроники Г. Амартола, помѣщенныхъ Кн. Оболенскимъ въ Чт. Об. Ист. и Др. Рос. (1846 № 4). Рукопись означеннаго Серб. перевода писана въ Хиландар. монастырѣ, въ 1385 г. (стр. 75), слѣдовательно почти въ одно время съ нашими переводами. Болгарскій переводъ той же Хроники сохранился въ пергам. спискѣ исхода XIII столѣтія и заключаетъ въ себѣ тѣже недостатки, какіе и Сербскій. «Языкъ того и другаго перевода, говоритъ Кн. Оболенскій, отличается глубокою древностію, но кѣмъ и когда они были сдѣланы, неизвѣстно (стр. 74).

*

перелагали. Переводчикъ Олегова договора, по нашему мнѣнію, былъ знатокъ своего дѣла, умѣвшій, при подчиненіи общему направленію, усвоить своему переводу многія неоспоримыя достоинства. Еще съ большимъ уваженіемъ мы должны смотрѣть на переводчиковъ остальныхъ договоровъ: чистота и отчетливость во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ такую противоположность съ темнотою и запутанностію, господствующими въ другихъ древнѣйшихъ переводахъ Славянскихъ, что невольно поддаешся сомнѣнію касательно подновленія ихъ языка, хотя это сомнѣніе и устраняется древностію самаго языка.

Какова бы ни была однако опытность нашихъ переводчиковъ—пріемы и условія перевода въ древности были одни и тѣже и, въ слѣдствіе этихъ пріемовъ, Визант. вліяніе должно было отразиться и въ построеніи періодовъ, и въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ отъ синтаксиса роднаго языка. При обсужденіи предмета, необходимо разсмотрѣть какъ самый предметъ, такъ и его отношенія къ другимъ однороднымъ предметамъ съ возможною полнотою, и потомъ уже произносить заключеніе, а потому мы, касательно общихъ достоинствъ и недостатковъ нашихъ договоровъ, по отношенію къ синтаксической правильности ихъ языка, держимся того мнѣнія, что они съ одной стороны съ торжествомъ выдерживаютъ сравненіе съ другими почти одновременными переводами Болгарскими и Сербскими и тѣмъ ясно доказываютъ искусство переводчиковъ, съ другой, въ слѣдствіе ложнаго понятія объ условіяхъ перевода, при господствовавшей въ Визант. рѣчи искусственности и безпорядочности, не могли не оставить въ себѣ ясныхъ слѣдовъ своего Визант. происхожденія. На эти-то слѣды мы и постараемся теперь указать, при чемъ будемъ держаться слѣд. порядка: сначала обратимъ вниманіе на вступленія и заключенія, преимущественно Олегова договора, какъ на

части, наиболѣе отзывающіяся Греч. подлинникомъ, а потомъ укажемъ на Грецизмы въ самыхъ статьяхъ. Въ томъ же случаѣ, когда встрѣтятся однородныя явленія въ различныхъ частяхъ договоровъ, будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ.

Въ самомъ началѣ предстоящаго разбора, мы должны остановиться на самомъ замѣчательномъ и самомъ извѣстномъ выраженіи: *«равно другаго свѣщанья»*, повторяющемся неизмѣнно при началѣ каждаго договора. Съ одной стороны уже то обстоятельство, что оно неизмѣнно и всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчается въ договорахъ, свидѣтельствуетъ о его оффиціальномъ значеніи, съ другой то, что его синтаксическое построеніе, вовсе не отличающееся Славянскимъ, тѣмъ менѣе Русскимъ характеромъ, рѣшительно доказываетъ буквальный, насильственный переводъ съ иноземнаго языка. Оба эти обстоятельства побуждаютъ насъ обратить особенное вниманіе на это выраженіе. Мы почтемъ себя счастливыми, когда, разсмотрѣніемъ съ филологической стороны, успѣемъ указать на нѣсколько особенное его значеніе. Тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ распространиться объ этомъ предметѣ, что отъ достаточнаго его уясненія отчасти уясняются и наши свѣдѣнія о формѣ заключенія договоровъ. А чтобы избѣжать повтореній въ разныхъ мѣстахъ объ одномъ и томъ же выраженіи, мы присоединимъ здѣсь все, что къ нему ни относится.

Въ этомъ разборѣ мы постараемся 1) показать Греческое происхожденіе упомянутаго выраженія, 2) его значеніе, какое оно имѣло на Греческомъ языкѣ и 3) этимъ послѣднимъ объяснить значеніе его въ договорахъ. — Греческое происхожденіе выраженія: «равно другаго свѣщанья» несомнѣнно и главнымъ образомъ подтверждается двумя словами; *равно*, въ смыслѣ существительнаго, управляю-

щаго родит. падежемъ, и *свѣщанье*, имѣющимъ какое-то оффиціальное значеніе. Разсмотримъ и то и другое.

Соображая съ этою цѣлію всѣ три договора, мы замѣчаемъ, что во-первыхъ слово «равно» употреблено совершенно какъ существительное, управляющее род. падежемъ, между тѣмъ какъ, по общепринятому объясненію, оно почитается скорѣе за нарѣчіе: *на равнѣ*, *согласно*, или *на основаніи* [1]); во вторыхъ, что это существительное употреблено независимо, отдѣльно, безъ всякой связи съ предъидущими и послѣдующими выраженіями, такъ что невольно представляется какимъ-то *техническимъ терминомъ*, общеупотребительнымъ, общеизвѣстнымъ на дипломатическомъ, или вообще на юридическомъ языкѣ. Вотъ всѣ мѣста, въ которыхъ встрѣчается разсматриваемое выраженіе: 1) «и посла глаголя равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра» (стр. 13 Пол. Соб. Р. Лѣт.) Съ перваго взгляда нельзя не замѣтить глубокихъ слѣдовъ буквальнаго перевода. Переводъ обнаруживается и въ несогласованіи падежей: «при царихъ Лва и Александра». Здѣсь *равно* никакъ нельзя относить къ причастію *глаголя*: такая зависимость опровергается тотчасъ сравненіемъ этого мѣста съ другими, очевидно съ нимъ тождественными, въ которыхъ *равно* находится внѣ всякой связи съ предъидущими выраженіями. Можно съ достовѣрностію положить, что Несторъ,—если только онъ внесъ договоры въ свою лѣтопись, а не позднѣйшій ея дополнитель,—помѣщая его послѣ словъ: «посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью» и вовсе не понимая выраженія: «равно другаго свѣщанія», которымъ, по нашему мнѣнію, начинается актъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая связать его съ предъидущею своею мыслію, безъ всякаго

---

1) Эверсъ Древ. Р. Пр. стр. 135.

смысла прибавилъ слова: «и посла глаголя [1])». 2) Тоже должно сказать о томъ же выраженіи въ началѣ Игорева договора: «приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ, равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ» (стр. 19). Несогласованіе въ падежахъ и здѣсь даетъ полное право предполагать буквальный переводъ съ Греч. языка. Независимость же выраженія: «равно другаго свѣщанья» въ настоящемъ случаѣ подтверждается еще слѣд. соображеніями. Если принять господствовавшее доселѣ объясненіе мѣста, то должно было бы ожидать: «равно... бывшаго *при Игорѣ*», потому что предварительное соглашеніе происходило, безъ сомнѣнія, въ Кіевѣ, послѣ чего самъ Игорь отправилъ пословъ въ Константинополь: «присла Романъ, и Костянтинъ, и Стефанъ слы къ Игореви построити мира первого; *Игорь же глагола съ ними о мирѣ*. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману». Въ первомъ случаѣ могло быть сказано: «бывшаго при царихъ Лва и Александра», потому что въ лѣтописи не упоминается о посольствѣ въ Кіевъ, объ отправленіи Олегомъ пословъ прямо въ Константинополь для заключенія мира. Равнымъ образомъ и въ третьемъ договорѣ слова: «бывшаго при Святославѣ» могутъ быть допущены при общепринятомъ толкованіи выраженія: «равно другаго свѣщанія» (согласно съ предварительнымъ соглашеніемъ), хотя такому толкованію и въ этихъ двухъ мѣстахъ противорѣчатъ другія весьма важныя обстоятельства. Съ другой стороны предположеніе предварительнаго совѣщанія въ Константинополѣ Русскихъ пословъ съ Визант. Императорами заставляетъ предполагать полномочіе самыхъ пословъ, чего нельзя допустить, какъ справедливо замѣтилъ Эверсъ (стр. 91).

---

1) Впрочемъ *глаголя* нѣтъ ни въ Радз., ни въ Троиц. спискахъ.

3) Что же касается до того же выраженія въ Святославовомъ договорѣ, то оно менѣе прочихъ нуждается въ предположеніяхъ для своего объясненія, по причинѣ своей рѣшительной отдѣльности, тотчасъ побуждающей принимать его за оффиціальную формулу: «нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ писати. Глагола сице: равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналъдѣ, писано при Өеөелѣ» и т. д. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на это вступленіе, нельзя не видѣть, что слово *равно* употреблено въ особенномъ значеніи, и при томъ какъ озаглавливающее самый договоръ, слѣд. безъ всякой связи съ предъидущими и послѣдующими выраженіями. Слово *писано*, очевидно относящееся къ слову *равно*, еще болѣе подтверждаетъ употребленіе послѣдняго какъ существительнаго. Изъ всего предшествующаго изложенія можно сдѣлать то заключеніе, что слово *равно* имѣетъ особенное значеніе и вмѣстѣ съ другими словами служитъ заглавіемъ договоровъ, чѣмъ только и можетъ быть объяснено неизмѣнное его присутствіе. Эта особенность подтверждается и отрицательно — отсутствіемъ такаго значенія во всѣхъ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ. И такъ иноземное происхожденіе слова *равно* не подвержено никакому сомнѣнію, а особенность его формы обязана единственно буквальному переводу, а можетъ быть и тому, что самъ переводчикъ не понималъ надлежащимъ образомъ всего разсматриваемаго нами выраженія. На современномъ договорамъ Визант. языкѣ мы находимъ слово, буквально соотвѣтствующее нашему *равно* и имѣющее свое особенное, оффиціальное значеніе. Это слово есть τὸ ἴσον.

Если справедлива мысль, что *равно* можетъ имѣть только указанное нами значеніе, равно Греч. τὸ ἴσον, то тѣмъ самымъ уничтожается общеизвѣстное объясненіе другаго

слова — *свѣщанія,* какъ словеснаго соглашенія, совѣщанія. Кромѣ того, послѣднему объясненію противорѣчатъ историческія соображенія и внѣшняя форма самаго выраженія.

Мы уже сказали, что трудно предположить предварительное соглашеніе Русскихъ пословъ Игоря съ Византійскими Императорами въ Константинополѣ. Тоже, еще съ большею достовѣрностію, должно сказать и о первомъ договорѣ, потому что никакъ нельзя относить упомянутаго совѣщанія къ договору 907 года, по той указанной нами причинѣ, что это предварительное соглашеніе, какъ его обыкновенно называютъ, вовсе не вошло въ самый формальный договоръ 911 года, и что, слѣдовательно, послѣдній не могъ быть заключенъ на его основаніи. Если должно измѣнить значеніе слова *свѣщаніе* относительно первыхъ двухъ договоровъ, то оно будетъ инымъ и относительно Святославова. При томъ, разсматривая содержаніе послѣдняго, заключающаго въ себѣ собственно только два условія: не воевать съ Греками и воевать съ ихъ врагами, нельзя не видѣть, что онъ есть только необходимое дополненіе ко всѣмъ предъидущимъ, дополненіе, еще опредѣлительнѣе обезпечивающее Грековъ отъ опустошительныхъ набѣговъ Руссовъ на Имперію, такъ что прежнія условія касательно свободной торговли, а равно и прежнее опредѣленіе взаимныхъ отношеній Грековъ и Русскихъ въ Константинополѣ, оставались въ полной силѣ. Послѣднее обстоятельство подтверждается не только продолжавшимися и послѣ того сношеніями Русскихъ съ Греками, но и положительнымъ свидѣтельствомъ Льва Діакона, который упоминаетъ о слѣдующихъ условіяхъ: 1) сдать Доростолъ Грекамъ; 2) выдать плѣнныхъ; 3) Руссамъ возвратиться въ отечество; 4) предоставить имъ свободный выходъ изъ Имперіи; 5) снабдить ихъ продовольствіемъ и 6) *продолжать съ*

ними прежнія дружественныя торговыя сношенія[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что Левъ Діаконъ приводитъ только главнѣйшія условія, между тѣмъ какъ предварительныя соглашенія Святослава съ Цимисхіемъ, или лицъ, къ тому назначенныхъ, имѣли въ виду, покрайней мѣрѣ, бо̀льшую часть статей предшествовавшихъ договоровъ. Согласно съ сказаннымъ, можно съ увѣренностію полагать, что выраженіе: «равно другаго свѣщанья» въ началѣ Святославова договора, едва ли можетъ относиться къ краткому дополненію, помѣщенному въ лѣтописи.

Принявъ обыкновенное толкованіе разсматриваемаго выраженія: «на основаніи предварительнаго соглашенія», какъ въ первыхъ двухъ договорахъ, такъ особенно въ Святославовомъ, мы будемъ имѣть мысль неоконченную, прерванную на половинѣ, оторванную отъ всего предъидущаго и послѣдующаго, между тѣмъ какъ такой отрывочности, еще менѣе неоконченности мысли, нельзя ожидать въ дипломатическомъ актѣ, какъ скоро онъ былъ первоначально изготовленъ на Греческомъ языкѣ. Неприводя въ подтвержденіе тому господства періодической рѣчи на современномъ договорамъ Греческомъ языкѣ, но обращаясь единственно къ нашимъ договорамъ, мы видимъ, что именно тѣ мѣста, которыя обнаруживаютъ очевидные признаки перевода, отличаются длинными періодами, состоящими изъ тѣсно связанныхъ между собою предложеній. Итакъ ни въ одномъ изъ договоровъ слову *свѣщанье* нельзя придать значенія предварительнаго соглашенія, совѣщанія, а потому должно полагать, что во всѣхъ случаяхъ оно употреблено въ особенномъ смыслѣ, какъ и слово *равно*. Съ другой стороны эта особенность смысла вовсе не оправдывается древнѣйшими памятниками самобытной нашей письменности,

1) Καὶ φίλους ἡγεῖσθαι αὐτοὺς, κατ᾽ ἐμπορίαν πρὸς τὸ Βυζάντιον στελλομένους καθάπερ ἀνέκαθεν ἔθιμον ἦν. Leo Diac. IX pag. 156.

въ которыхъ часто употребляемыя слова: съвѣтъ, съвѣтникъ, свѣщевати, свѣтенъ и т. п. имѣютъ обыкновенныя значенія: совѣта, совѣтника и пр. [1]). Если же во всѣхъ трехъ мѣстахъ разсматриваемое слово не можетъ имѣть значенія предварительнаго соглашенія, совѣщанія, и если употребленіе его во всѣхъ нашихъ памятникахъ ограничивается исключительно послѣднимъ значеніемъ, то понятно, что оно не есть туземное, а заимствованное, и, конечно, изъ того же источника, откуда заимствовано слово *равно*. Въ современныхъ же договорамъ Византійскихъ памятникахъ мы дѣйствительно находимъ слово συμβόλαιον, также почти буквально соотвѣтствующее нашему *свѣщанію* и также имѣющее свое особенное, оффиціальное значеніе. Постараемся теперь объяснить, въ чемъ же состоитъ упомянутое нами особенное значеніе того и другаго слова на Византійскомъ языкѣ.

На Византійскомъ языкѣ, и именно на языкѣ юридическомъ, τὸ ἴσον имѣло значеніе *копіи* или *списка* съ какой-либо грамоты, буквально соотвѣтствующаго оригиналу относительно самаго содержанія, хотя и допускающаго различіе въ обозначеніи лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи мира съ той или другой стороны, даже въ обозначеніи мѣста и времени. Такъ, при заключеніи мирныхъ трактатовъ съ Византійскою Имперіею, изготовлялись два экземпляра — на Греческомъ языкѣ и языкѣ народа, съ которымъ производились переговоры. Это и были подлинныя, оффиціальныя договорныя грамоты, составленныя съ соблюденіемъ всевозможныхъ формъ, изъ которыхъ одна, писанная на Греческомъ языкѣ и скрѣпленная подписью договаривавшихся Грековъ и императорскою печатью, вручалась пос-

---

1) Напр. въ Нестор. лѣтописи: се есть съвѣтъ золъ, иже свѣщеваютъ на кровопролитье (стр. 33 Лавр.); исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье (стр. 88); ли съ моремъ кто свѣтенъ (ст. 19).

ламъ иноземнымъ, переведенная же на иноземный языкъ и скрѣпленная подписью пословъ, или другими знаками удостовѣренія, оставалась у императора. Это и были Менандровы tabulae exaratae, magis authenticae, quibus plenior fides haberetur et quae majores vires haberent [1]). Но понятно, что ни Греки, большею частію незнакомые съ языкомъ окружавшихъ ихъ иноплеменныхъ народовъ, ни послѣдніе, еще менѣе знакомые съ языкомъ Грековъ, не могли довольствоваться договорными грамотами, писанными на языкахъ, для нихъ непонятныхъ. Для устраненія этого неудобства, обыкновенно изготовлялись особые списки: одинъ на Греческомъ языкѣ для Грековъ, другой для иноземныхъ пословъ на ихъ языкѣ. Такіе списки съ буквальною точностію соотвѣтствовали своимъ подлинникамъ и изъ внѣшнихъ знаковъ удостовѣренія не имѣли только печатей. Подъ ними-то должно разумѣть Менандровы aeque ac authentica approbata exemplaria, sine ulla signorum impressione, quae ad solam rei gestae memoriam valerent [2]). Подъ ними-то, вѣроятно, должно разумѣть τὰ ἴσα — списки грамотъ, внесенные въ нашу лѣтопись [3]). Какъ заключающіе въ себѣ буквально-одинаковое содержаніе съ подлинникомъ, какъ такія же authentica approbata exemplaria, они нисколько не теряютъ своей достовѣрности и должны быть разсматриваемы, какъ самые подлинники, для насъ едва ли не на всегда утраченные, какъ утрачены и самые оригиналы списковъ, внесенныхъ въ лѣтописи. Въ этомъ состоитъ первое и непосредственное значеніе τὸ ἴσον на юридическомъ языкѣ, которое и подтвердимъ примѣрами. Первоначальное же значеніе слова

1) См. Эвера Др. Р. Пр. стр. 149.

2) Эверс, стр. 149.

3) Мы въ послѣдствіи увидимъ, что необходимыя измѣненія совершаемы были не съ дипломатическою точностію, а потому и въ нашихъ Русскихъ спискахъ укажемъ на слѣды ихъ происхожденія отъ Греческихъ подлинниковъ.

ἴσον, какъ происходящаго отъ прилагательнаго ἴσος, есть: равно, одинаково, тождественно, и въ такомъ случаѣ оно, какъ существительное, согласуется съ родительнымъ падежемъ. Такъ одинъ изъ продолжателей Θеофана говоритъ: «διὰ τὸ μηδὲν ἄλλο τῶν εἰς πολιορκίαν συντεινόντων ἴσα δύνασθαι τούτου [1]), или: τὰ ἴσα αἰτούμεθα τῆς ἐκ Θεοῦ νίκης ὑμῶν [2])». Последнее выраженіе, безъ сомнѣнія, должно понимать такъ: мы просимъ отъ Бога побѣдъ, равныхъ твоимъ побѣдамъ [3]). Это обыкновенное употребленіе въ послѣдствіи времени перешло въ языкъ юридическій и получило особенное, частное значеніе — *списка*, *копіи*. «Ἴσον, говоритъ Дюканжъ, Graecis recentioribus est quod veteribus ἀντίγραφον, simile quodvis scripti exemplar [4])», и въ этомъ случаѣ совершенно соотвѣтствуетъ Латинскому *par*, paricla, apparatus.

---

1) Joan. Cameniata. De excid. Thessal. p. 532 lin. 3.

2) Const. Porph. de cerem. I, pag. 320, lin. 13.

3) Такое употребленіе прилагательныхъ вмѣсто существительныхъ, не только въ множественномъ числѣ средняго рода, но и въ единственномъ, совершенно оправдывается современнымъ договорамъ Византійскимъ языкомъ, допускавшимъ несравненно болѣе свободы въ этомъ отношеніи сравнительно съ языкомъ классическимъ, напр. τὸ τῆς ἐγκρατείας στεῤῥὸν... τὸ τῆς σωφροσύνης λαμπρόν. Theoph. vit. p. XIV, или τὸ τοῦ Ἰωσὴφ δυσμενὲς τε καὶ ἄσπονδον ὑπολογιζόμενος. Leo Diac. III, 41, а на стр. 82: Ἀντιοχεῖς δε τῷ ἀπροσδοκήτῳ καταπλαγέντας εἰς οἰμωγὰς καὶ θρήνους τραπῆναι и пр.

4) Однозначущее съ τὸ ἴσον въ этомъ смыслѣ слово *paricula* или *paricla* Дюканжъ объясняетъ такъ: «paricula charta, exemplum chartae, ἰσότυπον, ἴσον, charta pari tenore scripta, ab archetypo expressa». Значеніе такихъ списковъ можно видѣть ясно изъ слѣдующаго мѣста, приведеннаго Дюканжемъ, завѣщанія аббата Леодебода: «quam donationem, ut firmior habeatur, gestis municipalibus alligare decrevi, et duas epistolas uno tenore conscriptas feci de re superius nominata: una, quae in archivo domini resideat Aniani, aliam vero pars Monasterii domini Petri per futura tempora reservandam recipiat: qualiter Monachi, ibidem Deo servientes, id quod eis per ipsam dedi, defensare valeant (Ducang. Glos. Lat. III, p. 105). Отсюда видно, что составленіе такихъ списковъ принадлежитъ къ чисто юридическимъ дѣйствіямъ—*gestis municipalibus*, скрѣплявшимъ самый актъ: ut (donatio) *firmior habeatur*.... qualiter Monachi.... id quod eis per ipsam dedi, defensare valeant. Въ томъ самомъ значеніи — *списка* встрѣчаемъ мы τὸ ἴσον и въ *Правилахъ Собор. и Св. Отецъ*, напр. ἄδειαν ἔχοντος ἑκάστου Μητροπολίτου τὰ ἴσα τῶν πεπραγμένων πρὸς τὸ οἰκεῖον ἀσφαλὲς ἐκλαβεῖν, что переведено такъ: каж-

При ближайшемъ однако разсмотрѣніи слова τὸ ἴσον, нельзя не видѣть, что оно можетъ имѣть болѣе обширное значеніе. *Равный* есть прилагательное относительное и предполагаетъ покрайней мѣрѣ два предмета, изъ которыхъ одинъ равенъ другому. Равенство же можетъ быть и относительно двухъ и болѣе подлинниковъ, совершенно равныхъ другъ другу, для опредѣленой цѣли изготовленныхъ въ двухъ и болѣе экземплярахъ. При томъ τὸ ἴσον, въ значеніи списка, не объяснитъ многихъ мѣстъ въ произведеніяхъ Византійскихъ писателей. Дѣйствительно, что препятствуетъ понимать τά ἴσα какъ автографы, какъ подлинные акты, составленные въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ и относительно содержанія буквально-равныхъ другъ другу, хотя и съ различнымъ обозначеніемъ времени, мѣста и лицъ? Такъ грамоты одного и того же содержанія, разсылаемыя по разнымъ частямъ государства и, слѣдовательно, заключающія въ себѣ различныя опредѣленія мѣста, даже времени, справедливо могутъ быть названы τὰ ἴσα. Тоже должно сказать и относительно договоныхъ грамотъ, изготовленныхъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, равныхъ по содержанію и различныхъ по мѣсту ихъ назначенія и лицамъ, скрѣплявшимъ ихъ своими подписями. Сколько естественно по сущности такое значеніе слова ἴσον, столько же оно необходимо для правильнаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Византійскихъ писателей. Въ слѣдующемъ выраженіи Өеофана нѣтъ никакого основанія принимать его въ значеніи списка: «Φήλιξ δὲ τά ἴσα τὰ πρὸς τὸν Μόγγον πεμφθέντα ἐδέξατο παρὰ τῶν

дый митрополитъ *для своего удостовѣренія* можетъ невозбранно взяти *списокъ* съ сего постановленія (см. Прав. Соб. и Св. От. на первоначальномъ Еллинскомъ нарѣчіи и въ прилож. Слов. Рос. Спб. 1839. Прав. 8 Ефес. Соб. стр. 53). Оно же встрѣчается и въ отрывкѣ перевода Кормчей: ἴσον θείας διατάξεως, ἧς ἡ ἀρχή. Въ переводѣ, къ сожалѣнію, опущено это выраженіе. Баронъ Розенк. Спб. 1839. стр. 54, пр. 28 и т. д.

ὀρθοδόξων προλαβόντα»[1]). Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о самомъ автографѣ. Также должно понимать и выраженіе Константина Багрянороднаго: «τὸ ἴσον τῆς διατάξεως αὐτῆς ἐπὶ χεῖρα λαβὼν[2]), т. е. взявъ въ руки автографъ, прототипъ *самаго* завѣщанія. Принимая въ соображеніе существо дѣла, нельзя не согласиться съ слѣдующими словами ученаго толкователя Константинова, Рейске, нѣкогда державшагося справедливаго, но односторонняго объясненія Дюканжа: «ἴσον, говоритъ онъ, certe est exemplum calamo scriptum alicujus συμβολάιου aut scripti vel acti, cujuscunque tandem naturae, tam originale, πρωτότυπον, Urschrift, Urkunde, quam copiae vel antigraphi». Упомянувъ о толкованіи Дюканжа, Рейске продолжаетъ: «Sed significat quoque *interdum* prototypum, originale scriptum, ut apud Latinos vocabulum *par.*» Radevicus l. 10: «porro, quia multa paria (id est exempla autographa) literarum apud eos reperta sunt, (*quae scilicet ejusdem omnes argumenti iisdemque formulis conceptae, sed ad diversos exaratae essent et tantum in paucis, nominibus nempe virorum, ad quos directae essent variarent*) et schedulae sigillatae ad arbitrium eorum scribendae, quales nos hodie *cartes blanches* appellamus»[3]). Въ описаніи *VI* Вселенскаго Собора также автографы названы ἰσότυποι, ἐναπόγραφοι τόμοι[4]). Представимъ еще одинъ примѣръ, заимствованный изъ Дюканжа: ἀνταπέστειλεν ὁ μακάριος Ἰννοκέντιος ὁ πάπας ἀμφοτέροις τοῖς μέρεσι τὰ ἴσα τῆς κοινωνίας[5]). Послѣ всего сказаннаго, ἴσον должно объяснять слѣдующимъ образомъ: отъ общаго значенія: *равно*, *одинакво*, *тождественно* оно перешло въ юридическій языкъ съ тѣснѣйшимъ опредѣленіемъ и приняло общеупотребительное и общеиз-

1) Theoph. p. 206.
2) Vit. Basil. Maced. p. 197.
3) Reiskii commentt ad cerem p. 324.
4) Ducangii Glos. Lat. I. 327.
5) Ibd.

вѣстное значеніе *списка*; это послѣднее, съ строгою послѣдовательностію вытекающее изъ перваго, со временемъ распространено было и на автографы, изготовлявшіеся для какой-либо цѣли въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Всѣ эти переходы значеній совершились еще до эпохи составленія нашихъ договорныхъ грамотъ. Такъ какъ мы не имѣемъ историческихъ указаній, по которымъ могли бы съ полною достовѣрностію отнести одно изъ двухъ послѣднихъ къ выраженію: «равно другаго свѣщанья», то въ настоящемъ случаѣ должны ограничиться тѣмъ только предположеніемъ, что и то и другое можетъ быть употреблено для его объясненія, т. е. что грамоты, помѣщенныя въ нашей лѣтописи, могутъ быть или оффиціальными подлинниками, переписанными лѣтописцемъ, или списками перевода, оставшагося въ Константинополѣ, отправленными съ нашими послами въ Кіевъ, какъ выше было замѣчено. Въ обоихъ случахъ подлинность ихъ остается неизмѣнною, потому что списки, скрѣпленные съ обѣихъ сторонъ договаривавшимися лицами, имѣли равную силу и достовѣрность съ оригиналами. Здѣсь для насъ важенъ тотъ только общій выводъ, что наше *равно*, въ начальномъ выраженіи всѣхъ договоровъ, прямо и несомнѣнно соотвѣтствуетъ Греческому τὸ ἴσον, слѣдовательно есть оффиціальный терминъ, служащій заглавіемъ всѣхъ договорныхъ грамотъ. Переходимъ къ объясненію слова *свѣщаніе*.

Если, согласно съ нашимъ толкованіемъ, *свѣщаніе* не можетъ имѣть значенія предварительнаго словеснаго соглашенія, совѣщанія, если оно должно означать самую договорную грамоту, то, по нашему рѣшительному убѣжденію, оно должно быть переводомъ Греч. слова συμβόλαιον, дѣйствительно имѣющаго оффиціальное значеніе. Покажемъ сначала его оффиціальность, а потомъ соотвѣтствіе нашему *свѣщанію*.

Примѣровъ для доказательства перваго обстоятельства такъ много и всѣ они такъ рѣшительно — утвердительны, что мы ограничимся только весьма немногими. Схоліастъ Basilicorum, ad lib. 22 p. 94, говоритъ: «οἶμαι νομοθετεῖν τὴν Νεαράν, ὅτι ὀφείλουσι τὰ συμβόλαια ἐν ξυλοχάρτοις γράφεσθαι· ἐν γὰρ αὐτοῖς μόνοις εὑρίσκονται τὰ πρωτόκολλα». Далѣе тотъ же Схоліастъ: «ἐπειδὴ ἐν τισι τόποις οὐκ εἰσὶ ξυλώδεις χάρται, δίδωσιν ἄδειαν ἐν ἑτέροις τὰ συμβόλαια γράφεσθαι». [1]). Изъ Визант. лѣтописцевъ представимъ только одинъ примѣръ: «καὶ ἐκέλευσε γράφεσθαι ἑαυτὸν ἐν τοῖς συμβολαίοις Τιβέριος Κωνσταντῖνος» [2]). Въ значеніи же указа оно встрѣчается почти на каждой страницѣ въ lib. Basilicorum. Дюканжъ объясняетъ это слово такъ: «συμβόλαιον, *vox jurisconsultorum familiaris*», и при этомъ приводитъ слѣд. толкованіе Схоліаста Basilicorum: «τὸ μίγμα τῶν βουλευμάτων τῶν συμβαλλόντων προσώπων, συμβολὴν λέγεσθαι· διὸ καὶ ἀπὸ ταύτης ἔγγραφον σύνταγμα Συμβολὴ καλεῖται, οἷς ὑπόμνημα τῶν συμφωνηθέντων μεταξὺ τῶν συμβαλλόντων ἤτοι συμμιξάντων καὶ συναινεσάντων καὶ εἰς ταυτὸ τὰς ἰδίας ἀγαγόντων γνώμας». Συμβόλαιον назывался также договоръ, который заключался между родителями жениха и невѣсты — наши рядныя записи [3]). Изъ приведенныхъ примѣровъ нельзя не удостовѣриться, что συμβόλαιον на Византійскомъ юридическомъ языкѣ имѣло свое особенное, спеціальное значеніе, точно такъ, какъ его имѣютъ современныя намъ подобныя же слова: манифестъ, рескриптъ, указъ и т. п. Это-то особенное его значеніе, по нашему мнѣнію, и переведено въ нашихъ договорахъ весьма неудовлетворительно словомъ *свѣщаніе*, потому что нельзя сомнѣваться

---

1) Ducangii Glos. Gr. II. pag. 1026 подъ словомъ ξυλοχάρτιον.
2) Theoph. p. 387 lin. 7.
3) Συμβόλαια εἰσὶ τὰ ἐπὶ γάμου γινόμενα γράμματα. Schol. Dion. Chrysot. Ducang. Glos. Gr. II. 1476.

въ томъ, что наши договорныя грамоты не могли быть означены на Византійскомъ языкѣ никакимъ другимъ словомъ, кромѣ приведеннаго нами.

Но если понятіе, заключающееся въ *συμβόλαιον* тождественно съ понятіемъ *свѣщанія*, то можно ли сказать тоже самое объ этимологическомъ составѣ того и другаго слова? На этотъ вопросъ мы надѣемся дать утвердительный отвѣтъ. Правда, вторая часть Греческаго слова, въ строгомъ смыслѣ, не соотвѣтствуетъ Русскому [1]), но насъ нисколько не будетъ затруднять это различіе, когда мы сообразимъ слѣд. обстоятельства: 1) не смотря на различіе составныхъ частей *συμβόλαιον* и *свѣщаніе*, первое заключаетъ въ себѣ именно то понятіе, какое выражается послѣднимъ, такъ что, если бы оно не имѣло спеціальнаго значенія въ юридическомъ языкѣ, его нельзя бы было перевести инымъ словомъ. Συμβολή собственно означаетъ *столкновеніе*, и въ этомъ значеніи весьма часто встрѣчается у Византійскихъ писателей, напр: «ὡς δὲ πάλιν ἐγένοντο συμβολαὶ καὶ πολὺς φόβος συνέπιπτε Σαρακηνῶν [2]).» Отсюда столкновеніе, соединеніе мнѣній со стороны лицъ, разсуждающихъ о какомъ-либо предметѣ, называется также συμβολή. Какимъ инымъ словомъ можно передать даже на современномъ языкѣ это послѣднее значеніе συμβολῆς, какъ не *совѣщаніемъ*? Вотъ почему Схоліастъ Basilicorum, объясняя συμβόλαιον, прямо говоритъ, что оно есть τὸ μίγμα τῶν βουλευμάτων τῶν συμβαλλόντων προσώπων! А потому нельзя не сказать, что переводчики договоровъ, переводя συμβόλαιον свѣщаніемъ, были совершенно справедливы, что они не могли найти болѣе точнаго, болѣе соотвѣтствующаго подлиннику слова. 2) Въ этомъ мы убѣдимся еще болѣе, если обратимъ вниманіе на древнѣйшіе, дошедшіе до насъ,

---

1) Συμβολαιον происходитъ отъ συν и βάλλειν.

2) Theoph. Continuat. p. 179. lin. 8.

переводы съ Греч. языка, существенный характеръ которыхъ состоитъ въ буквальности, рабскомъ подчиненіи буквѣ подлинника, подчиненіи, не ограничивающемся одними словами, но распространяющемся на самое построеніе предложеній, на словосогласованіе и словоуправленіе, причемъ, конечно, неизбѣжны самыя грубыя ошибки, наборъ словъ, въ которыхъ читатель тщетно будетъ доискиваться смысла. Но переводчики нашихъ договоровъ вообще не заслуживаютъ упрека въ столь важныхъ недостаткахъ. Вся погрѣшность ихъ въ переводѣ разсматриваемаго слова состояла въ томъ, что они переводили его какъ обыкновенное слово, согласно съ понятіемъ, въ немъ заключающимся, вѣроятно вовсе незная, что на юридическомъ языкѣ оно имѣетъ особенное, частное значеніе. Впрочемъ и эта погрѣшность, безъ сомнѣнія, была неизбѣжна уже потому, что языкъ, на который переводчики перелагали грамоты, еще не имѣлъ и не могъ имѣть строго-опредѣленной терминологіи въ области Права, какою отличался богатый въ этомъ отношеніи языкъ Латинскій, изъ котораго почерпалъ терминологію и Византійскій. 3) Къ подтвержденію нашего мнѣнія служитъ и то обстоятельство, что слово, вполнѣ соотвѣтствующее нашему *свѣщанію* и по этимологическому составу, чрезвычайно сходно съ συμβόλαιον. Различіе между συμβόλαιον и συμβούλιον состоитъ почти въ одномъ звукѣ, а потому переводчикъ весьма легко могъ принять одно вмѣсто другаго, тѣмъ болѣе, что понятія, въ нихъ заключающіяся почти тождественны [1]). 4) Наконецъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что *свѣщаніе* нашихъ договоровъ не можетъ и не должно быть ничѣмъ инымъ, кромѣ перевода συμβόλαιον, служатъ слѣд. примѣ-

1) Συμβουλία въ старинныхъ переводахъ передается словомъ *свѣтъ*, напр. въ такъ называемыхъ узаконеніяхъ Константина: «καὶ μετὰ συμβουλίας ποιῆσαι τὸν πόλεμον» переведено: «съ свѣтомъ же творити брань». Рус. Дост. II. 146.

ры, взятые нами изъ старинныхъ переводовъ Кормчей книги. На стр. 46, въ правилѣ 21 [1]), читаемъ: «ὅτι ἡ πλάνη τοῦ συμβολαιογράφου τὰς διαθήκας οὐκ ἀδικεῖ», что переведено такъ: «яко на соблазнъ *свѣщаніе пишущаго* завѣту не пакостити» [2]). Ниже συμβόλαιον переведено *въ разсужденіи* [3]). Что переводъ συμβόλαιον словомъ *свѣщаніе* въ древности былъ самымъ обыкновеннымъ и общеупотребительнымъ, подтверждается и тѣмъ, что оно перенесено на одинаковое по смыслу и также оффиціальное, хотя различное по своему этимологическому составу, слово σύμφονον, означающее также юридическій актъ особаго рода. Такъ въ томъ же отрывкѣ перевода Кормчей на стр. 92 въ прав. 81 читаемъ: «къ симъ же отъ брачнаго дара толикую часть елику же по скончаніи мужа подобаше взяти женѣ, *по совѣщанію*, еже *во обрученія грамотахъ* лежитъ», что въ подлинникѣ выражено такъ: καὶ πρὸς τούτοις ἐκ τῆς γαμικῆς δωρεᾶς τοσοῦτον μέρος, ὅσον ἐκ τῆς τελευτῆς τοῦ ἀνδρὸς ἥρμοζεν τῇ γυναικὶ κατὰ τὸ σύμφονον τὸ τοῖς προικώοις συμβολάιοις» [4]).

Всѣ предшествующія соображенія относительно словъ *равно* и *свѣщаніе* приводятъ къ тому общему заключенію, что и то и другое имѣетъ, въ начальномъ выраженіи нашихъ договоровъ, особенное, оффиціальное значеніе, что первое можетъ соотвѣтствовать Греч. τὸ ἴσον, а второе τὸ συμβόλαιον. Отсюда понятно, что выраженіе: «равно другаго свѣщанія» можетъ имѣть единственно слѣд. смыслъ: *списокъ* (или даже подлинникъ) *съ другой договорной грамоты.*

---

1) Обозр. Корм. Кн. Б. Розенк. СПб. 1839.

2) Въ Лат. переводѣ συμβολαιογράφος переведено notarius.

3) Приведу здѣсь это мѣсто какъ образецъ безсмыслицы: «тогда всѣмъ причетникомъ и монахомъ или *въ разсужденіи* (καὶ ἐν τῷ συμβολάιῳ) или одѣяніи поминаніемъ писанія, одинако совѣщающимъ и являющимъ яко на пользу тому быти».

4) И ниже: «праздну сущу, иже о вѣнѣ *совѣщанію*—ἀργούντων τῶν προικινέων συμφόνων.

Обращаемся къ объясненію слѣдующихъ зи тѣмъ словъ, относящихся къ разсмотрѣнному выше выраженію и также представляющихся буквальнымъ переводомъ съ Визант. подлинника.

Сюда относятся слѣдующія выраженія, повсюду, съ немногими измѣненіями, сопровождающія заглавія договоровъ: «бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра» — въ Олеговомъ договорѣ; «бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ»—въ Игоревомъ; «бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналъдѣ» — въ Святославовомъ. Въ нихъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе странное несогласованіе падежей, очевидно, относящихся къ одному и тому же предлогу. Уже одно это обстоятельство несомнѣнно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что все мѣсто есть буквальный переводъ съ Византійскаго подлинника. Знакомый съ пріемами нашихъ старинныхъ переводчиковъ съ Греческаго языка нисколько не удивится такой безпорядочности въ употребленіи падежей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ извѣстныхъ намъ отрывковъ Болгарскаго и Сербскаго переводовъ Георгія Амартола. Въ подлинникѣ Сербскаго перевода предлогъ περὶ управляетъ родительнымъ падежемъ существительнаго, къ которому относится причастіе въ томъ же падежѣ: переводчикъ, употребивъ предлогъ *о*, соотвѣтствующій Греческому περὶ, совершенно правильно согласуетъ съ нимъ причастіе въ предложномъ падежѣ, но тотчасъ же слѣдующее за нимъ существительное и зависящее отъ того же предлога ставитъ въ родительномъ падежѣ, согласно съ падежемъ подлинника. Такъ выраженіе: «περὶ τῶν σεισμῶν τῶν ἐπικειμένων τῇ πόλει—и о *належащіимь* граду *труса*» [1]); или «εἰς ἀποτροπὴν ζώων τετραπόδων καὶ πετεινῶν βλάπτειν δυνα-

1) Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846, № 4, стр. 79.

μένων ἀνθρώποις» переведено: «на възбраненіе *скотомь четвръногыимь и птицамь* врѣдити *могущіихъ* человѣкы» [1]). Представимъ еще одинъ примѣръ: «*καὶ ἄλλα εἰς ἕτερα τινὰ ἐπιφθορᾷ καὶ βλάβῃ ἀνθρώπων ὑπάρχοντα ἀπότροπα ἵστανται*», что переведено такъ: «и иная вь другая нѣкая на пагубу и врѣдь человѣкомь суща побоpительна стоеть». Предлогъ *εἰς* относится къ предъидущей мысли (*τὰ μεν εἰς ἀποτροπήν, τὰ δὲ εἰς ἀποχήν, τὰ δὲ εἰς ἕτερα τινά*), но переводчикъ потерялъ изъ вида связь и, хотя прежде вѣрно переводилъ *εἰς* предлогомъ *на*, въ послѣднемъ случаѣ безсмысленно употребляетъ *въ*. Изъ представленныхъ примѣровъ мы съ одной стороны удостовѣряемся въ возможности столь безсмысленнаго несогласованія падежей въ переводѣ съ Греческаго языка, съ другой—въ томъ, что послѣдніе родительные падежи: «Лва и Александра и христолюбивыхъ владыкъ» зависятъ отъ того же Греческаго предлога, отъ котораго зависятъ слова: «царихъ и цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ». Этотъ предлогъ переводчикъ передалъ предлогомъ *при*, правильно согласовалъ съ послѣднимъ въ предложномъ падежѣ рядомъ стоящее существительное, а потомъ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, забылъ объ управленіи предлога *при* и, по обыкновенію, продолжая буквальный переводъ, слѣдующіе за тѣмъ Греческіе родительные падежи и въ переводѣ передалъ родительными падежами. Полагаемъ, что предлогъ, управлявшій въ настоящемъ случаѣ родительными падежами въ подлинникѣ, былъ *πρὸς*, дѣйствительно означающій *у*, *при*, въ сочиненіи съ дательнымъ падежемъ. Здѣсь замѣтимъ другой недостатокъ старинныхъ нашихъ переводовъ съ Греческаго языка: или по безотчетному подчиненію буквѣ подлинника, или потому, что не понимали смысла переводимаго мѣста, пере-

1) Ibid.

водчики не умѣли, обыкновенно, сдѣлать удачнаго выбора изъ нѣсколькихъ значеній какого-либо слова. Выше мы видѣли, что предлогъ εἰς, употребленный въ одномъ и томъ же значеніи, переведенъ и посредствомъ *въ*, и посредствомъ *на;* или въ слѣдующемъ примѣрѣ: «οἱ πολλὰ πρὸς Βασίλειον διαβληθέντες» переводчикъ зналъ, что πρὸς съ винительнымъ падежемъ означаетъ *къ*, и, необративъ вниманія на другія его значенія при томъ же управленіи, переводитъ невѣрно: «яже многыми къ Василіеви оклеветана» [1]). Тоже, безъ сомнѣнія, случилось и въ разсматриваемыхъ мѣстахъ договоровъ: πρὸς переведено предлогомъ *при* вмѣсто *у*, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ тоже πρὸς переведено предлогомъ *къ* вмѣсто *предъ*.

Намъ остается показать значеніе причастія *бывшаго* въ данномъ выраженіи, столь же мало, по нашему мнѣнію, сохраняющаго свое первоначальное значеніе, какое оно имѣло при господствовавшемъ доселѣ толкованіи. Вообще измѣненія, допускаемыя при изъясненіи очевидно искаженныхъ буквальнымъ переводомъ мѣстъ въ договорахъ, какъ скоро онѣ оправдываются сравненіемъ съ другими древними переводами, не должны казаться смѣлыми и предосудительными. Никто, конечно, не будетъ упрекать насъ въ смѣлости, когда мы, съ подлинникомъ въ рукахъ, станемъ возстановлять смыслъ въ безсмысленно-буквальномъ переводѣ: можно ли же опасаться упрека въ томъ случаѣ, когда возстановляется съ нѣкоторыми измѣненіями смыслъ текста, несомнѣнно переводнаго, и при отсутствіи подлинника?—Мы полагаемъ, что упомянутое причастіе имѣетъ значеніе: *находящагося, сущаго*, а не *происходивтаго, бывшаго*, какъ доселѣ понимали. Измѣненіе времени причастія вовсе не можетъ быть отнесено къ числу смѣлыхъ предположеній. Оно

1) Ibd.. p. 100.

оправдывается слѣдующими соображеніями: 1) сходствомъ, по внѣшней формѣ, причастій настоящаго времени и прошедшаго, отличающихся другъ отъ друга однимъ звукомъ (γινομένου и γενομένου). При такомъ сходствѣ замѣна весьма естественна и даже не нуждается въ другихъ подтвержденіяхъ. Припомнимъ здѣсь σομβούλιον и συμβόλαιον. Замѣна будетъ для насъ еще понятнѣе, когда сообразимъ, что переводчикъ не понималъ смысла разсматриваемаго мѣста и, слѣдовательно, заботясь только о передачѣ отдѣльныхъ словъ, легко могъ смѣшать ι и ε. 2) Эта замѣна можетъ быть также объяснена и наоборотъ—намѣренностію переводчика. Такъ какъ онъ рѣшительно не понималъ этого выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, хотѣлъ нѣсколько его осмыслить, то и измѣнилъ намѣренно настоящее время въ прошедшее, сообщая всему выраженію тотъ смыслъ, какой предполагали въ немъ доселѣ всѣ толкователи и какой, дѣйствительно, съ перваго взгляда представляется единственно-возможнымъ. Этою только намѣренностію, вовсе не злоумышленною, а самою простодушною, можно объяснить и вставку словъ: «и посла глаголя», очевидно, неимѣющихъ никакого смысла. Такія произвольныя вставки подтверждаются старинными переводами, особенно юридическихъ памятниковъ, отличающихся вообще большею свобою. Нѣкоторыя изъ нихъ именно обнаруживаютъ намѣреніе исправить подлинникъ тамъ, гдѣ онъ, по мнѣнію переводчика, искаженъ. Такъ въ подлинникѣ: «ἀπέστειλεν οὖν ὁ βασιλεὺς τὸν στρατηλάτην Ἀνδρέαν ἐν τῇ χρυσοπόλει καὶ ἄλλους συγκλητικοὺς σὺν αὐτῷ μετὰ κλήρου καὶ κηρῶν καὶ ἀραμάτων» (въ Греческомъ печатномъ подлинникѣ ἀρμάτων съ колесницами), а въ переводѣ: «посла убо царь воеводу Андрѣа въ Кресополе, и инѣхъ болярского чину с нимь, съ клиросомь, и съ свѣщами, и *араматы*, рекше *во-*

нями добрыми» [1]). Или: «ἐν οὐδεμία δὲ τάξει κληρικὸν εἶναι ἀγράμματον», переведено: «ни во единой же заповѣди повелѣно бысть быти причетнику неграмотну, *рекше не умѣющу ни разумѣющу добрѣ грамотѣ»* [2]). Впрочемъ должно сказать, что несравненно болѣе случаевъ обратнаго явленія, т. е. переводчикъ, не понимая смысла какого-либо мѣста и придавая ему собственный смыслъ, не затрудняется отъ себя внести въ переводъ два-три слова, по его мнѣнію, необходимыя, какъ то, безъ сомнѣнія, случилось и въ разсматриваемомъ выраженіи договоровъ. Примѣровъ подобнаго явленія такъ много въ старинныхъ нашихъ переводахъ, что мы почитаемъ излишнимъ обременять ими вниманіе читателя. Изъ нихъ открывается возможность вставокъ, а вмѣстѣ и измѣненій словъ подлинника, согласно съ пониманіемъ мысли самимъ переводчикомъ. 3) Замѣна временъ одного другимъ подтверждается и множествомъ примѣровъ въ старинныхъ переводахъ. Такъ настоящее время замѣняется прошедшимъ, какъ въ нашемъ причастіи: «καὶ μὴ ἀποτελέσματα ἐπιτρέπειν τὰ παρ᾽ αὐτοῦ πραττόμενα» переведено: «а не твореними повелѣти, ижеотъ него *створеними»*. Или: «θαλάσσης ἠρεμούζης—морю *възмутившюсе»* [3]). Много примѣровъ и замѣны прошедшаго времени настоящимъ, напр. τό τε ἐπελθὸν στράτευμα... δεδιότες—*боящеся»* [4]) и пр.

---

1) Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846. № 4. стр. 99. Издатель справедливо въ этомъ случаѣ замѣчаетъ: «переводчикъ читалъ ἀρωμάτων, что вѣрнѣе печатнаго Греческаго изданія. Это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что Славянскими переводами Византійцевъ можно исправлять поврежденныя мѣста въ Греческихъ хроникахъ».

2) Прилож. къ Обозр. Кормч. кн. Б. Розенкампфа. Спб. 1839. стр. 27. Приведемъ здѣсь еще два примѣра: «ἕτερον δὲ βίου σχῆμα δόκειν переведено: «и иного житія образъ пріяти, *рекше бѣлецъ паки быти»*. Стр. 31 ibid. «ὑπερτιθέσθω ἡ τούτου χειροτονία переведено: «да преложится поставленіе его, рекше да преждется». Стр. 57 и пр.

3) Чт. и т. д. стр. 82.

4) Ibd. стр. 96.

4) Наконецъ та же замѣна рѣшительно подтверждается и нашими договорами. Изъ нихъ ясно видно, что перемѣна временъ для переводчика не представляла никакой важности. Такъ въ концѣ Олегова договора читаемъ: «на утверженіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью *бывшій* миръ, състворихомъ Ивановомъ написаніемъ», а черезъ пять строкъ, въ томъ же самомъ смыслѣ: «на утверженіе и извѣщеніе межи вами *бывающаго* мира». И въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ Олеговой договорной грамотѣ. Если переводчикъ не задумывался измѣнять времена въ одномъ и томъ же глаголѣ на пяти строкахъ, и при томъ въ мѣстѣ, которое онъ хотя нѣсколько понималъ, то почему же онъ не могъ позволить себѣ такого же измѣненія въ переводѣ выраженія, для него совершенно непонятнаго [1]). Въ заключеніе же, для окончательнаго подтвержденія нашего мнѣнія, приведу одно мѣсто изъ стариннаго перевода Кормчей, гдѣ причастіе настоящаго времени γινόμενος переведено причастіемъ прошедшаго времени—*бывшій*: «καὶ ἐι εὗροι τὴν κρίσιν ὀρθῶς γινομένην—аще обрящется судъ *бывшій* право» [2]). Всѣ вышеприведенныя соображенія несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что причастіе *бывшаго*, согласно со всѣмъ ходомъ нашего толкованія, нельзя понимать иначе, какъ *сущаго, находящагося*.

Такъ мы объясняемъ оффиціальное выраженіе, озаглавливающее всѣ наши договоры: «равно другаго свѣщанія» и т. д. Если это объясненіе справедливо, то оно измѣняетъ и самый смыслъ мѣста, какъ показано выше. Всѣ измѣне-

---

1) Доказательствомъ того, что γινομένος, γενόμενος и γεγονὼς дѣйствительно были употребляемы въ значеніи *сущій*, могутъ служить слѣдующіе примѣры, взятые изъ Прав. Собор. и Св. Отецъ: «διὰ τὸν πολὺν τάραχον καὶ τὰς στάσεις τὰς γινομένας. стр. 39. 5 прав.; παράνοιά γαρ καὶ παρὰ τάξιν ἔσ τὸ γινόμενον. стр. 41. Прав. 18; ἔδει δὲ μᾶλλον ἐλεῆσαι πρεσβύτην... ʼεν μακροῖς οὕτω γεγονότα χρόνοις». стр. 55 и пр.

2) Обозр. Корм. кн., стр. 72. Прав. 54.

нія, какія мы позволили себѣ, состоятъ единственно въ замѣнѣ прошедшаго времени причастія настоящимъ и предлога *при* предлогомъ *у*. Сомнѣваемся, чтобы эти измѣненія можно было назвать смѣлыми. Относительно же словъ: *равно* и *свѣщаніе* мы ограничились только тѣмъ, что, на основаніи положительныхъ доказательствъ, придали имъ юридическое значеніе. Если же допустимъ справедливость всего предшествующаго толкованія, то уже необходимо должны признать слова: «и посла глаголя» вставленными самимъ лѣтописцемъ, непонимавшимъ смысла мѣста. Въ заключеніе всего разбора представимъ собственное чтеніе заглавій всѣхъ договоровъ. Въ Олеговомъ, послѣ словъ: «посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью» непосредственно слѣдуетъ самая договорная грамота, и прежде ея заглавіе: «равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра», т. е. «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у тѣхъ же царей Льва и Александра». Въ договорѣ Игоря, послѣ словъ: «приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ» слѣдуетъ заглавіе: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ» т. е: «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у царей Романа, Константина и Стефана, Христолюбивыхъ владыкъ». Въ Святославовомъ договорѣ [1]): «равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналъдѣ, писано при Θефелѣ синкелѣ и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Гречьскому» и проч., т. е: «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, великаго князя Русскаго и у Свѣнальда, и у Іоанна, именуемаго Цимискіемъ, царя Греческаго, писанный при Θео-

1) Нѣкоторыя соображенія касательно заглавія Святославова договора, какъ дополненіе помѣщенныхъ здѣсь, см. ниже.

филѣ и т. д. [1]). Здѣсь нельзя необратить вниманія на слѣд. выраженіе Святославова договора: «да схранимъ правая съвѣщанья». Какъ объяснить употребленіе въ немъ множеств. числа? Нѣтъ сомнѣнія, что оно употреблено съ цѣлію. Утверждающій тождество слова *свѣщанье* съ словами: *совѣщаніе*, *словесное соглашеніе*, долженъ предположить уже не одно, а покрайней мѣрѣ два такихъ предварительныхъ соглашенія. Съ одной стороны рѣшительное отсутствіе поводовъ предполагать нѣсколько переговоровъ, съ другой— вредъ, происходящій вообще отъ произвольныхъ предпо-

---

1) Всѣ, предпринимавшіе объясненіе договоровъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, или вовсе не подозрѣвали возможности такаго толкованія ихъ заглавій, или только отчасти угадывали указанный нами смыслъ послѣднихъ. Такъ Татищевъ, рѣшительно не понимая значенія всѣхъ начальныхъ выраженій договоровъ, позволялъ себѣ самыя произвольныя и бездоказательныя предположенія, напр. въ Святославовомъ договорѣ измѣнилъ имя Святослава на Игоря потому, что, по его мнѣнію, слѣдовало въ этомъ случаѣ сослаться на Игоревъ договоръ. Карамзинъ, руководимый своимъ свѣтлымъ умомъ, весьма близко подошелъ къ истинному уразумѣнію слова *свѣщаніе*, сказавъ, что подъ нимъ должно разумѣть *мирныя условія* (I. Прим. 411), но, къ сожалѣнію, этимъ замѣчаніемъ и ограничился. Мнѣніе Эверса, лучшаго толкователя договоровъ съ юридической точки зрѣнія, наиболѣе обращаетъ на себя наше вниманіе. Подчиняясь господствующему объясненію разсмотрѣннаго нами выраженія, онъ положительно утверждаетъ, что подъ нимъ должно разумѣть предварительныя соглашенія Грековъ съ самими В. Князьями Русскими, предшествовавшія формальнымъ договорамъ (стр. 90—91. Срав. стр. 135 и др.), но въ тоже время онъ уже имѣлъ истинное понятіе о его значеніи, хотя это значеніе представлялось ему смутно и неопредѣленно. Мы неможемъ не привести здѣсь слѣд. прекрасныхъ строкъ почтеннаго юриста: «впрочемъ приведенныя начальныя слова договоровъ можно объяснять и тѣмъ, что *всѣ три хартіи были писаны въ двухъ экземплярахъ, и что оба экземпляра имѣли одинаковую важность, но, для предотвращенія всякаго обмана, въ каждомъ ясно было замѣчено, что онъ совершенно согласенъ съ экземпляромъ, находящимся въ рукахъ другой договаривающейся стороны*» стр. 93. прим. 26. Такое колебаніе въ объясненіи для насъ весьма замѣчательно, потому что оно указываетъ именно на тотъ смыслъ выраженія, до котораго мы дошли путемъ самостоятельнаго изслѣдованія. Еще шагъ — и Эверсъ взглянулъ бы окомъ истины на выраженіе: «равно другаго свѣщанія», которое освѣтило бы яркимъ свѣтомъ его превосходныя соображенія касательно внѣшней формы заключенія договоровъ. Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный намекъ не обратилъ на себя вниманія изслѣдователей нашей старины.

ложеній въ наукѣ, приводятъ къ тому заключенію, что въ настоящемъ случаѣ множеств. число должно объяснять инымъ способомъ: оно употреблено по отношенію ко всѣмъ грамотамъ въ совокупности, хотя Греки имѣли въ виду по преимуществу два оффиціальные экземпляра. Эти-то грамоты, или, что все равно, условія, въ нихъ заключающіяся, Святославъ клялся сохранять неизмѣнно, по правдѣ [1]). — Послѣ подробнаго разсмотрѣнія выраженія: «равно другаго свѣщанія» обращаемся къ указанію другихъ синтаксиче-

3) Въ концѣ Олегова договора упомянуто о двухъ экземплярахъ договорныхъ грамотъ: съствориxомъ Ивановомъ написаньемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою» (стр. 16). О намекѣ въ Святославовомъ договорѣ на нѣсколько экземпляровъ мы упомянули выше. Подобныя же указанія въ договорѣ Игоря, по нашему мнѣнію, отличаются еще бóльшею ясностію, и мы позволимъ себѣ относительно ихъ высказать здѣсь нѣкоторыя предположенія, не ручаясь впрочемъ за ихъ несомнѣнность. Эти указанія суть слѣд: «мы же съвѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши». И далѣе: «а отходяче со сломъ царства нашего, да допроводять къ великому князю Рускому Игореви и къ людемъ его; и ти пріимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ харатью сію, на ней же суть имяна наша написана» (стр. 22). Не справедливо-ли предположеніе, что здѣсь говорится о трехъ грамотахъ: двѣ изъ нихъ были съ Византійской и одна съ Русской стороны. Сначала было сказано, что одна изъ двухъ грамотъ, съ крестомъ и именами договаривавшихся Грековъ, осталась у Визант. Императоровъ, а потомъ видимъ, что точно такая же грамота была отправлена въ Русь съ Русскими и Визант. послами; на этой послѣдней Русскій В. Князь и Русскій народъ должны были присягать въ соблюденіи всѣхъ, заключающихся въ ней условій. Наконецъ упоминается о грамотахъ съ именами Русскихъ пословъ и гостей. Если же точно такъ должно понимать два вышеприведенныя мѣста и если, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній о формѣ заключенія нашихъ договоровъ, для ея объясненія, должно опять обратиться къ извѣстному разсказу Менандра о заключеніи договора между Греками и Персами, то подъ грамотой, отправленной въ Кіевъ и оставшейся въ Константинополѣ, съ именами Русскихъ пословъ и гостей, должно разумѣть оффиціальныя грамоты (tabulae exaratae, quibus plenior fides haberetur), а подъ третьею должно разумѣть списокъ, копію ad solam rei gestae memoriam. Здѣсь недостаетъ только четвертой грамоты — списка, вѣроятно, также отправленнаго въ Кіевъ. О ней, какъ необходимой для однихъ Руссовъ, весьма легко могли не упомянуть Греки, составители грамотъ, упомянувъ только о двухъ, оставшихся у нихъ.

скихъ особенностей, заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе ясные признаки Визант. вліянія.

Такая синтаксическая особенность представляется въ первомъ же періодѣ вступленія въ слѣд. словахъ: «*на удержаніе и на извѣщеніе* отъ многыхъ лѣтъ межю Христіяны и Русью *бывшюю любовь*». Сюда относятся и другія, тоюже особенностію отличающіяся выраженія: «на схраненіе.... любовь; на утвержееніе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью бывшій миръ». Это рѣзкое отступленіе отъ самаго извѣстнаго правила согласованія при двухъ, связанныимъ между собою взаимною зависимостію, существительныхъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ объясняется стараніемъ переводчика сохранить неизмѣннымъ подлинникъ, даже относительно порядка въ немъ словъ. Какъ часто случается видѣть, что, начавъ правильно переводить длинный періодъ, съ соблюденіемъ правилъ словосогласованія и словоуправленія на родномъ ему языкѣ, и слѣдуя неуклонно отъ одного слова къ другому, онъ скоро теряетъ связь между предложеніями, а равно и между словами, связанными между собою непосредственнымъ управленіемъ, но, согласно съ искусственностію Визант. склада рѣчи, чѣмъ-либо раздѣленными. Оттого такая отдаленная зависимость переводится иногда независимо отъ управляющаго ею слова, въ той же формѣ, въ какой она находилась въ подлинникѣ, потому что переводчикъ уже забылъ объ этомъ управленіи, съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ и смыслъ, заключающійся въ періодѣ. Представимъ нѣсколько примѣровъ этого явленія, замѣчаемаго иногда неоднократно на одной и той же страницѣ: «περὶ τῶν σεισμῶν τῶν ἐπικειμένων τῇ πόλει — о належащіимъ граду трусъ; ἅμα Ἰωάννῃ Ἁγιοπολίτῃ, λογίῳ πάνυ ὄντι — съ Іоанномь святоградцемь, *умну зѣло сущу*» (Чт. и т. д. стр. 100); οὐδὲ γὰρ ἔλαθον τὴν αὐτοῦ ἐγρηγορωτάτην καὶ γενναίαν ψυχήν — никакоже бо можаху утаитися ихъ

бодрую его и доблюю его душу» (ibd. стр. 96). Здѣсь переводчикъ, не обращая вниманія на управленіе глагола *утаитися*, буквально переводитъ Греч. винит. падежъ, зависящій отъ. ἔλαϑον. Не тоже ли самое явленіе видимъ мы и въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ договора? Не ясно ли, что винит. падежъ *любовь* зависитъ отъ существительныхъ: *схраненіе*, *извѣщеніе*, *утвержденіе* и *неподвиженіе*, что переводчикъ забылъ о послѣднихъ и Греч. винительный падежъ перевелъ буквально съ подлинника, не думая, что отъ того происходитъ безпорядочность въ словосогласованіи? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но теперь должно рѣшить другой вопросъ: какъ объяснить винит. падежъ *любовь*, когда и въ Греч. языкѣ существительное, зависящее отъ другаго существительнаго ставится въ родит. падежѣ? Мы вполнѣ убѣждены, что вмѣсто существительныхъ: схраненіе, извѣщеніе и проч. въ Визант. подлинникѣ были глаголы: φυλάσσειν и др., что въ немъ употребленъ извѣстный оборотъ: εἰς τὸ φυλάσσειν и проч., въ которомъ, какъ неестественномъ для Русскаго языка, при переводѣ, неокончательное наклоненіе измѣнено въ существительное, между тѣмъ какъ винит. падежъ, зависящій въ подлинникѣ отъ глагола, невѣрно удержанъ переводчикомъ [1]). При этомъ нельзя сомнѣваться въ возможности измѣненія упомянутаго неокончат. наклоненія въ существительное, потому что въ старинныхъ переводахъ мы весьма часто встрѣчаемъ и нѣкоторыя видоизмѣненія оборотовъ подлинника, доказывающихъ, что переводчики заботились и объ ясности выраженія, напр. ἡ συγκλη-

1) Всѣ эти выраженія договора я переложилъ бы на Греч. языкъ такъ: «εἰς τὸ ἐπέχειν τὲ καὶ ἐπαγγέλλειν ἀπὸ πολλῶν χρόνων μεταξὺ χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥῶς γενομένην ἀγάπην». «εἰς τὸ φυλάσσειν μεϑ᾽ ὑμῶν Ῥωμαίων ὁμολογίᾳ καὶ ἀπογραφῇ μεϑ᾽ ὅρκου ἐπαγγελλομένην ἀγάπην». «εἰς τὸ βεβαιοῦν τε καὶ ἀκινεῖν (или какъ въ одномъ мѣстѣ у Θеофанова продолжателя: εἰς τὸ βεβαιοῦν τε καὶ ἐμπεδοῦν Theoph. Cont. I, p. 31. lin. 13).... γενομένην εἰρήνην».

τικὴ βούλη — съвѣтъ вельмужии (Чт. и пр. стр. 91). Мы не говоримъ уже о такихъ переводахъ съ Греч. языка, которые имѣли болѣе или менѣе важное значеніе въ общественной жизни древней Руси, каковы переводы дѣйствовавшихъ у насъ Визант. законовъ. Въ нихъ не рѣдко встрѣчаются видоизмѣненія, происходящія отъ примѣненія какого-либо узаконенія къ нашимъ потребностямъ, къ нашему общественному быту. На основаніи представленныхъ соображеній, мы съ увѣренностію полагаемъ, что всѣ упомянутыя выраженія договоровъ — неправильный переводъ общеупотребительнаго Греческаго оборота εἰς τὸ съ неокончат. наклоненіемъ вм. существительнаго. Кромѣ того, по причинѣ господствовавшихъ на Визант. языкѣ безпорядочности и непослѣдовательности въ конструкціи, можно предположить, что одно выраженіе, напр. на *удержаніе*, соотвѣтствуетъ Греч. εἰς ἐποχὴν, между тѣмъ какъ другое— εἰς τὸ ἐπαγγέλλειν, εἰς τὸ φυλάσσειν, отъ которыхъ и зависитъ винит. падежъ *любовь.* Примѣръ точно такой безпорядочности мы находимъ въ опредѣленіи назначенія μεγάλου χαρτοφύλακος, приведенномъ Дюканжемъ въ его словарѣ: «ὁ μέγας χαρτοφύλαξ εἰς τὸ μεσάζειν καὶ εἰς τὰς σημειώσεις» (= σημειοῦν).

Выраженіе: «иже суть подъ рукою его сущихъ Руси», равно: «иже отъ Бога суще» и т. под. намъ кажутся буквально переведенными съ Греч. языка (τῶν ὑπὸ χεῖρα αὐτοῦ ὄντων Ῥῶς и οἱ ἀπὸ Θεοῦ ὄντες), на которомъ замѣтна особая наклонность къ причастіямъ, даже когда эти послѣднія не имѣютъ опредѣленнаго значенія, напр. «ἦν ὁρᾶν ἔργα χειρῶν καὶ τόλμης γιγνόμενα ἔμπλεα» (Leo Diac. I. 15), гдѣ причастіе не имѣетъ никакого значенія; или: «ὁ βασιλεὺς ἐξέρχεται τὴν οὖσαν πρὸς τὰ γραδήλια μέσην πύλην τοῦ νάρθηκος (Cerem. p. 105. lin. 5); Μάγιστρον Βάρδαν, ᾧ Σκληρὸς ἡ ἐπίκλησις, ὁμαίμονα τῆς ἀποιχομένης Μαρίας.... τυγ-

χάνοντα (Leo Diac. III, 107. lin. 15) и проч. Также часто у Византійцевъ употребляются причастія: πεφυκὼς, ὑπάρχων, τελῶν и др.

Равнымъ образомъ наклонность къ знаменательнымъ причастіямъ весьма замѣчательна. Такъ у Константина въ одномъ предложеніи девять причастій (Cerem. p. 517. lin. 2. и пр. cf. de velit. bell. XXV, p. 225. Leo Diac. VI, 106, lin. 5, VII, 117. lin. 5 и пр.). По той же наклонности, Византійцы употребляли описанія съ причастіями вмѣсто одного глагола, напр. καταπειθὴς γεγονὼς вмѣсто καταπυθόμενος (Leo Diac. III, 49. lin. 20) и проч. Сюда же относится употребленіе причастій вмѣсто другихъ формъ глагола, напр. вмѣсто неоконч. наклоненія. Приведу здѣсь гордый отвѣтъ Святослава Цимискію: «οὐδεμίαν ἀνάγκην τον αὐτοκράτορα Ῥωμαίων ὡς ἡμᾶς ἀφικέσθαι ὁρῶ καταπείγουσαν· διὸ μη κάμῃ μέχρι τῆς δὲ τῆς γῆς ἀφικόμενος (=ἀφικέσθαι). Leo Diac. VI, 106, lin. 20. Или: «ὁ δὲ αὐτοκράτωρ αἰκίαις καταξάναι τὸν αὐτοφονευτὴν ἑαυτοῦ τῷ λοχαγῷ ἐγκελεύεται ἐκτεμόντι (=ἐκτεμεῖν) τε καὶ ῥῖνα θεατρίσαι κατὰ τὸ στρατόπεδον[1]). Изъ предложенныхъ примѣровъ видно, что причастная конструкція была въ величайшемъ употребленіи на Визант. языкѣ, а потому едвали не будетъ правдоподобно предположеніе, что по крайней мѣрѣ случаи употребленія беззнаменательныхъ причастій въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ (къ нимъ относятся и вышеприведенныя выраженія договоровъ) обязаны своимъ происхожденіемъ языку Византійскому. Появившіяся сначала въ переводѣ Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ, потомъ перешедшія въ духовное краснорѣчіе и отличавшіяся, по самой сущности своей, нѣкоторою величавостію и торжественностію, причастныя конструкціи мало по малу проникли и въ лѣтописи

---

1) Leo Diac. VI. 57. lin. 20.

и встрѣчаются, хотя весьма рѣдко, въ тѣхъ ихъ мѣстахъ, которыя запечатлѣны истинно-разговорнымъ характеромъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописи Нестора: «что придосте съ хромьцемъ симъ, о вы плотници *суще* (стр. 61); Боголюбивому князю Ярославу, любящу Берестовое и церковь ту *сущюю* Св. Апостолъ (67); и видѣ ту монастыря *суща*» (67) и пр. Что же касается до другихъ причастныхъ конструкцій, — изъ которыхъ наиболѣе употребительна въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ та, которая состоитъ изъ распространенія одного глагола на его причастіе и глаголъ вспомогательный [1]), — то онѣ могутъ принадлежать къ характеристическимъ чертамъ синтаксиса древне-Русскаго языка. То же повсемѣстное господство разнообразныхъ причастныхъ конструкцій на Визант. языкѣ уполномочиваетъ насъ признать приведенныя выраженія договора буквально переведенными съ Визант. подлинника.

Въ слѣдующемъ періодѣ мы остановимся на причастіи *хотящихъ* и на выраженіи: «но точію простословесенъ.» Первое обыкновенно, безъ всякаго объясненія, читаютъ вмѣсто *хотящи*, относя его къ существ. *свѣтлость*, хотя форма *хотящихъ* находится во всѣхъ спискахъ, кромѣ Троицкаго, гдѣ это слово совсѣмъ пропущено. Это согласіе списковъ такъ важно, что въ томъ и другомъ случаѣ необходимо объясненіе упомянутой формы. Мы полагаемъ, что въ подлинникѣ употреблено было βουλόμενοι [2]), соглас-

1) Напр. Бяху ловяща звѣрь (Полн. Соб. Р. Лѣт. стр. 4); си суть свой языкъ имуще (стр. 5); идѣже бяху лежаще кости его голы (16); бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевскія (23) и пр. Особенно замѣчательно слѣд. мѣсто по обилію причастій: «Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зла створше, проливше кровь хрестьяньску (стр. 86).

2) Мы представляемъ себѣ эту мысль въ подлинникѣ выраженною такъ: «ἡ ἡμετέρα περιφάνεια τῶν ἄλλων μᾶλλον βουλόμενοι.»

но съ общеизвѣстнымъ обычаемъ употреблять множеств. число вмѣсто единственнаго. Перелагая это причастіе множественнымъ числомъ, переводчикъ забылъ, а можетъ быть и не понималъ, что оно относится къ существит. περιφάνεια, и, нисколько не затрудняясь, согласилъ его съ рядомъ стоящимъ родит. падежемъ (ἄλλων). Примѣровъ такого блужданія переводчика и смѣшенія падежей въ предъидущемъ предложеніи мы представили довольно. Отсюда видно, что было бы правильнѣе признавать форму *хотящихъ* равною *хотяще*, нежели *хотящи*, и относить ее также къ существ. *свѣтлость*, которое, какъ титулъ князя, требуетъ послѣ себя причастія во множеств. числѣ. Важно то, что мы въ состояніи объяснить себѣ происхожденіе этой неправильной формы, не приписывая ее позднѣйшему переписчику, что всегда бываетъ удобнѣе, а самому переводчику, при чемъ сохраняется также важность отсутствія варіантовъ. Обращаемся къ объясненію выраженія: «но точію простословесенъ.»

Все мѣсто, среди котораго находится упомянутое выраженіе, мы читаемъ такъ: «наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю межю Христіяны и Русью, многажды право судихомъ, (но точію простословесенъ), и писаніемъ и клятвою твердою» и т. д., а потому не соглашаемся съ чтеніемъ г. Бѣляева, который нарѣчіе *многажды* относитъ къ предшествующему предложенію и съ этимъ послѣднимъ непосредственно соединяетъ предложеніе: «но точію простословесенъ[1]).» Дѣйствительно, если еще можно допустить соединеніе *многажды* съ предъидущимъ предложеніемъ, потому что отъ того ни сколько не страдаетъ

1) Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю межю Христіяны и Русью многажды, но точью просто словесемъ» (Изв. Имп. Ак. Н. Т. I. стр. 321).

*

текстъ, то перестановка упомянутаго выраженія рѣшительно невозможна безъ явнаго вреда тексту. Присвоивая себѣ право размѣщать слова по собственному произволу въ древнѣйшихъ памятникахъ, развѣ только потому, что намъ не понятна мысль, мы вносимъ хаосъ въ область филологической критики: понятно, что изъ 20 или 30 словъ періода можно сдѣлать нѣсколько сочетаній, изъ которыхъ каждое или дастъ новую мысль, или одной и той же мысли придастъ особые оттѣнки. Мы съ такимъ уваженіемъ смотримъ на древнія хартіи и видимъ такой вредъ для нихъ отъ упомянутаго новаго права, что отвергаемъ его безусловно. Подобныхъ перестановокъ мы допустить не можемъ уже и потому, что намъ извѣстны пріемы старинныхъ нашихъ переводчиковъ: они могли терять изъ вида связь между предложеніями періода, между частями предложенія, перепутывать различныя управленія, различныя зависимости, но, слѣдуя въ переводѣ неуклонно отъ одного слова къ другому, не могли производить никакихъ перемѣщеній не только въ цѣлыхъ предложеніяхъ, но и въ словахъ одного и того же предложенія. Если же и могло когда-либо случиться подобное перемѣщеніе, — мы не имѣемъ на то примѣровъ, — то оно составляетъ величайшую рѣдкость, а потому на него и не долженъ расчитывать толкователь. Нельзя также не видѣть и замѣчательной странности перемѣщенія: возможно ли предположить, чтобы переводчикъ цѣлое выраженіе, относящееся къ предъидущему предложенію, помѣстилъ послѣ сказуемаго послѣдующаго предложенія? Какъ же объяснить это выраженіе? 1) На основаніи принятаго нами правила и мнѣнія о старинныхъ нашихъ переводчикахъ, мы оставляемъ его на томъ мѣстѣ, на какомъ оно дошло до насъ отъ отдаленной древности; 2) разсматриваемъ его какъ вводную, прибавочную мысль, которую теперь отдѣ-

лили бы скобками, и относимъ ее непосредственно къ выраженію: «многажды право судихомъ»; 3) мы видимъ здѣсь извѣстную фигуру ζεῦγμα, въ силу которой въ настоящемъ случаѣ глаголъ (судихомъ), относящійся къ двумъ предложеніямъ, находится только въ одномъ, а въ другомъ подразумѣвается, такъ что полная мысль имѣла бы слѣдующій видъ: «мы много разъ справедливо разсуждали (но только *разсуждали* словесно) и т. д.[1]) 4) Наконецъ прилагат. *простословесенъ* мы также оставляемъ безъ всякаго измѣненія и признаемъ его неправильнымъ переводомъ Греч. ἁπλόλογον, употребленнаго вмѣсто нарѣчія (ἁπλολόγως). Весьма естественно, что переводчикъ, не понимая, къ чему должно относить прилагат. и принявъ средній родъ за мужескій, невѣрно перевелъ: *простословесенъ*[2]). Согласны, что сущность мысли при томъ и другомъ чтеніи остается одна и таже, но мы должны сохранить древній текстъ, какъ скоро есть какое-либо средство объяснить его. Старина могла ошибаться, а мы должны объяснять, какъ и почему она ошибалась, потому что самая ошибка старины, какъ ее характеризующая, для насъ поучительна. Такъ и

---

1) Впрочемъ здѣсь можно предположить и то, что переводчикъ сохранилъ одинъ только глаголъ изъ двухъ, находившихся въ подлинникѣ. Такія ошибки переводчиковъ, а еще болѣе позднѣйшихъ переписчиковъ, весьма многочисленны и понятны, особенно если припомнимъ, что они занимались своимъ дѣломъ механически. Въ доказательство можно привести также слѣдующія слова изъ статьи объ убійствѣ: «доньдеже обрящется, яко да умреть.» Здѣсь, безъ сомнѣнія, опущено выраженіе: «аще ли обрящется,» находящееся въ сходной статьѣ Игорева договора (стр. 22). Нерѣдко случается и съ нами при перепискѣ сходныхъ или повторяющихся выраженій перемѣшивать цѣлыя строки и вмѣсто двухъ выраженій писать одно.

2) Впрочемъ, на основаніи часто весьма отдаленнаго помѣщенія опредѣленія отъ опредѣляемаго слова на Визант. языкѣ, можно предположить что ἁπλόλογον, какъ прилагат. двухъ окончаній, можетъ относиться и къ ἀγάπην. Въ такомъ случаѣ переводчикъ еще легче могъ потерять связь его съ послѣднимъ существительнымъ и перевести муж. родомъ — *простословесенъ*.

здѣсь: ошибка во первыхъ служитъ новымъ доказательствомъ перевода, по крайней мѣрѣ этого періода, а во вторыхъ подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе объ общихъ пріемахъ старинныхъ нашихъ переводчиковъ. Весь этотъ періодъ въ Византійскомъ подлинникѣ мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: «ἡ ἡμετέρα περιφάνεια μᾶλλον τῶν ἄλλων βουλόμενόι δε ἐν Θεῷ ἐπέχειν τε καὶ ἐπαγγέλλειν τοιάυτην τὴν ἀγάπην γενομένην μεταξὺ τῶν χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥῶς, πολλάκις δίκαιον ἐκρίναμεν (ἀλλὰ μόνον ἁπλόλογον, т. е. ἐκρίναμεν) καί ἀπογραφῇ καὶ ὅρκῳ βεβαίῳ, ὁμόσαντες τοῖς ὅπλοις εαὐτῶν, τοιάυτην τὴν ἀγάπην ἐπαγγέλλειν τε καὶ βεβαιοῦν κατὰ τὴν πίστιν καὶ κατὰ τὸν νόμον ἡμῶν.»

Въ слѣдующемъ предложеніи замѣчательно употребленіе двухъ союзовъ: *яко понеже*, изъ которыхъ послѣдній, по нашему мнѣнію, едва-ли можно почитать за союзъ уже потому, что онъ здѣсь совершенно лишній и не имѣетъ никакого смысла. Болѣе правильный видъ приметъ все выраженіе, когда мы *понеже* будемъ разсматривать состоящимъ изъ двухъ частей — предлога *по*, управляющаго винит. падежемъ и мѣстоименія (по неже вм. по няже = по ѩже), относящагося къ *главы*. Искаженіе же формы мѣстоименія могло произойти отъ невѣжества переписчика, смѣшавшаго его съ союзомъ. Въ такомъ случаѣ глаголъ *иматися* сочинялся бы правильно съ предлогомъ *по* (иматися по дань и проч.) ближайшей и съ предлогомъ *о* отдаленной зависимости. Что *понеже* дѣйствительно имѣетъ значеніе мѣстоименія съ предлогомъ, можно видѣть изъ слѣд. словъ Игорева договора: «аще ускочить челядинъ (нашъ), *по неже* придуть въ страну царствія нашего» (стр. 21), а равно и изъ слѣд. мѣста Несторовой лѣтописи: «а отъ перваго лѣта Олгова, *по неже* сѣдѣ въ Кіевѣ»... (стр. 8). Въ заключеніе приведемъ здѣсь изъ древнѣйшаго перевода одно мѣсто, по внѣшней формѣ сходное съ разсматривае-

мымъ: «*бываютъ* убо отъ Адама до начала царства Августова... лѣтъ 5437», чему въ Визант. подлинникѣ соотвѣтствуетъ: «γίνοντο οὖν πάντα ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως ἀρχῆς βασιλείας Αὐγούστου ἔτη ͵ευνζ».

Въ выраженіи, начинающемъ собою самыя статьи: «а о головахъ, иже ся ключитъ проказа», мы не можемъ не обратить вниманія на частицу *иже*, которая здѣсь, очевидно, не имѣетъ значенія мѣстоименія, а союза *если*. Замѣчая другіе случаи употребленія *иже* въ договорахъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что оно въ именит. падежѣ утратило свою измѣняемость по родамъ, напр. «часть та, *иже* ищеть неятью вѣры; часть его, сирѣчь *иже* его будеть по закону». Равно и въ словахъ: «а иже на убившаго», если принять чтеніе древнѣйшаго Лаврент. списка, *иже* имѣетъ тотъ же характеръ [1]).

Отсюда видно, что *иже* въ Олеговомъ договорѣ употребляется съ характеромъ неизмѣняемой частицы, въ одной и той же формѣ для всѣхъ родовъ, откуда уже недалекъ переходъ къ значенію союза, какое оно дѣйствительно имѣетъ въ первомъ случаѣ [2]). Трудно представить въ этомъ случаѣ вліяніе Визант. подлинника, особенно потому, что и въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, напр. Новгородскихъ, замѣтно употребленіе *иже* безъ правильнаго согласованія [3]). Мы даже полагаемъ, что *иже* въ выраженіи: «да часть его, сирѣчь

1) Присоединимъ сюда еще слѣд. мѣсто Олегова договора: «оже обрящеться Русинъ или Гречинъ», гдѣ *оже* Лавр. списка въ Хлѣбн. замѣнено *иже*, а въ Радз. и Троиц. *аще*.

2) Подобное несогласованіе встрѣчается и во множеств. числѣ, напр. въ такъ называемыхъ узаконеніяхъ Константина: «да не будеть пьяница, ни которы имуща съ тѣми, *яже* начнуть строити». (Рус. Дост. II. стр. 196). И на оборотъ, вмѣсто сред. рода множ. числа встрѣчается мужескій: «а не творении повелѣти, *иже* отъ него сътворенимь, что въ Визант. подлинникѣ выражено: «καὶ μὴ ἀποτελέσματα ἐπιτρέπειν τὰ παρ᾽ αὐτοῦ πραττόμενα». Чт. и т. д. стр. 80.

3) Въ старинныхъ переводахъ съ Греч. языка *иже* весьма часто переводитъ членъ, чѣмъ всегда затемняетъ мысль, напр. «ὁ παρ᾽ αἰγιαλοῖς Ὀρέν

иже его будеть по закону» не относится къ слову *часть*, а употреблено въ сред. родѣ единств. числа, такъ что все послѣднее предложеніе есть какъ бы толкованіе слова *часть*, имѣвшаго на Визант. юридическомъ языкѣ строго опредѣленный смыслъ, но, конечно, неимѣвшаго его на Русскомъ. Это, вѣроятно, одно изъ тѣхъ толкованій, которыми испещрены Визант. законы, когда еще неустановилась юридическая терминологія, или вообще въ родѣ тѣхъ, какія не рѣдко встрѣчаются въ старинныхъ нашихъ переводахъ, при словахъ не вполнѣ понятныхъ или малоупотребительныхъ [1]). Оно могло быть помѣщено даже на полѣ и быть внесено въ текстъ позднѣйшимъ переписчикомъ, могло быть въ текстѣ Визант. подлинника и оттуда перейти въ Русскій переводъ. Не имѣя въ настоящее время положительныхъ свидѣтельствъ на то, что слово *часть* въ древнѣйшихъ переводахъ дѣйствительно было предметомъ подобнаго толкованія, я ограничусь слѣд. примѣромъ изъ статьи о раздѣленіи добычи изъ такъ называемыхъ узаконеній Константина: «ὁ εὑρισκόμενος στρατηγὸς ἐκ τοῦ εἰρημένου ἕκτου μέρους τοῦ δημοσίου ἵνα παράσχῃ: князь или воевода въ то время отъ *урочнаго урока* княжа да подаеться» [2]), а послѣ уже читаемъ: «яко же лѣпо есть, да емлеться *по части*». Смыслъ разсматриваемаго мѣста останется въ

της — *иже* приморьскыи Рентіе» (Чт. и т. д. стр. 79); «τῶν ἀνθρώπων τῶν εὐκόλως ὑποκλεπτομένων εἰς τὰ τοιαῦτα ὑπὸ διαβόλου — человѣкомъ, *иже удобь украдаемымъ* въ таковая отъ діавола». (ibd. стр. 80) и пр. Весьма замѣчательно, что *иже*, съ значеніемъ члена, встрѣчается весьма часто и въ Русскихъ лѣтописяхъ, напр. въ лѣтописи Нестора: «яже нынѣ зовомая Русь» (стр. 11) и пр. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Сербскаго перевода г. Амартола: «εἰς ἀποτροπὴν ζώων τετραπόδων — на възбраненіе скотомь четврѣно*гыимь* (Чт. стр. 79); καὶ (ὑπὸ) σατανικῶν ἔργων — сотониньс*кыими* дѣлы (ibd. стр. 80); πρὸς ἀνθρώπων ἀπειροκάλων — на прѣльщеніе человѣкомь неискусн*ыимь* о добрѣ». На оборотъ: «τοῖς ἔνδοθεν — сущ*имь* (ibd. стр. 82) и пр.

1) Примѣры подобныхъ толкованій будутъ приведены ниже.

2) Русск. Дост. II, 148. Срв. Обозр. Корм. Кн. стр. 133. Здѣсь же видно,

сущности одинъ и тотъ же: «чтобы часть его, т. е. что будетъ его по закону» и т. д. Точно такое же значеніе придаемъ мы мѣстоименію въ выраженіи: «а иже на убившаго», если допускаемъ чтеніе древнѣйшаго Лаврент. списка. Толкователи договоровъ [1]) читаютъ это мѣсто: «а и жена убившаго». Не говоря объ основномъ правилѣ филологической критики — предпочитать труднѣйшее чтеніе легчайшему, мы не находимъ никакой причины не признавать этого мѣста совершенно сходнымъ съ предъидущими, заключающими въ себѣ *иже* въ смыслѣ частицы. Правда, сохраняя труднѣйшее чтеніе, мы получаемъ почти туже мысль, но во-первыхъ только *почти*, а во-вторыхъ сохраняемъ неприкосновеннымъ интересъ языка. Въ такомъ случаѣ смыслъ разсматриваемаго выраженія будетъ слѣдующій: «а *что* (приходится) на убившаго (то есть на его *семью*, не причастную злодѣянію), то онъ имѣетъ столько, сколько придется по закону». Отсюда видно, что здѣсь идетъ рѣчь не объ одной женѣ, а о всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ право на имущество убившаго: по этому закону на долю послѣднихъ приходится столько, сколько оставалось послѣ вознагражденія родственниковъ убитаго. Понятно также, что второе предложеніе: «да имѣеть тольцѣмъ же прибудеть по закону» не имѣетъ грамматическаго подлежащаго, которое логически должно извлечь изъ сущности мысли. Насъ нисколько не будетъ затруднять это обстоятельство, когда

что переводчикъ избѣгалъ этого слова: «κατὰ δε τὴν μερίδα εὑρισκομένων — иже обрѣтается»; или: «ἡ μερὶς τῶν ἐν τοῖς τούλδοις ἀπερχομένων — и остають на стану« (стр. 148). Мы заимствуемъ примѣры изъ такъ называемыхъ Узаконеній Констант. потому, что переводъ ихъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ первымъ временамъ Христіанства въ Руси и языкъ ихъ отличается глубокою древностію. См. предисл. Дубенскаго Руск. Достоп. II, 139. Обозр. Корм. стр. 118).

1) Шлецеръ (Несторъ II, 711), а за нимъ Эверсъ (Др. Рус. Пр. стр. 159), и др.

припомнимъ ту свободу, какая господствовала въ этомъ отношеніи въ древне-Русскомъ синтаксисѣ, и когда обратимъ вниманіе на сходныя мѣста въ самыхъ договорахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописи Нестора: «медъ бо каплеть отъ устъ ея..... послѣди же горчае золчи обрящуть (стр. 34) [1]); не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнѣеть (35); кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ» (47) и проч. Равно и въ договорахъ мы находимъ господство той же свободы, напр: «аще ли ударить мечемъ... да соиметь съ себя и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходять (14); да проводимъ ю въ Русскую землю и да продають рухло тоя лодья....выволочимъ имъ мы Русь (15); Игорь великій князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяетъ и весь миръ стоить.» Выведемъ общее заключеніе: *иже* въ договорахъ представляется какъ-бы окаменѣвшею формою, употребляется неизмѣнно, и въ значеніи союза (*иже* ся ключитъ проказа), и въ муж. родѣ (и обрящються тамо иже отъ насъ Руси), и въ женскомъ да не кленеться часть та, иже ищеть), и въ среднемъ родѣ (да часть его, сирѣчь *иже* его будеть по закону; или: а иже на убившаго).

Начало статьи объ убійствѣ: «аще кто убьетъ Крестьяна Русинъ, или Христьянъ Русина,» по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ признаки перевода съ Визант. подлинника. Сюда принадлежитъ также слѣд. выраженіе Игорева договора: «аще ли *кто* отъ людій царства нашего... ускочить *челядинъ*» (стр. 21). Такое употребленіе *кто* вм. *который*, или *какой*, при такомъ способѣ согласованія съ существительнымъ, мы необинуясь признаемъ тождественнымъ съ

1) Это весьма замѣчательный примѣръ употребленія именит. самостоят. Приведу здѣсь еще одинъ изъ той же лѣтописи: «конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети» (стр. 16).

употребленіемъ Греч. τις. Вмѣсто *кто*, въ этомъ смыслѣ, въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ всегда употребляется *который*: «а *которая* села покуплена, на тѣхъ селѣхъ» и т. д. (Собр. Гос. Гр. и Дог. I. № 16) и пр. Если же иногда и встрѣчаемъ мѣстоименіе *кто*, то всегда въ сопровожденіи родит. падежа множ. числа, напр. «до кого ти насъ жалоба (Несторъ. стр. 111), кто ся осталъ живыхъ (Новг. I, 90), кто жилъ Христіанъ въ Корѣлѣ (ibd. стр. 78); что волостии всехъ Новгородьскыхъ (Рум. Собр. Гос. Гр. и Дог. I, 3) и т. д. Принимая въ соображеніе способъ согласованія мѣстоименія *кто* въ древнѣйшихъ памятникахъ, мы утверждаемъ, что въ разсматриваемыхъ мѣстахъ договоровъ оно прямо взято изъ Визант. языка, на которомъ такое согласованіе τις общеупотребительно. Это заключеніе подтверждается и способностію Греч. мѣстоименія отдѣляться на значительное разстояніе отъ своего существительнаго, что мы видѣли въ вышеприведенномъ мѣстѣ Игорева договора и на что уже прежде указали.

Въ этой же статьѣ объ убійствѣ останавливаетъ наше вниманіе выраженіе: «да имѣеть тольцѣмъ же прибудеть по закону». Не позволяя себѣ упрекать позднѣйшаго переписчика въ искаженіи текста во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя кажутся не вполнѣ понятными, мы оставляемъ и здѣсь древнѣйшее чтеніе неприкосновеннымъ, признаемъ его понятнымъ и только постараемся объяснить себѣ встрѣчающіяся въ этомъ выраженіи формы [1]). Ограничивая обвиненіями переписчиковъ всѣ усилія уяснить себѣ отдаленную и скудную историческими матеріалами эпоху изъ столь драгоцѣннаго памятника, мы лишаемъ сами себя этого памятника, а съ тѣмъ вмѣстѣ и надежды на успѣхъ своихъ усилій. По-

1) Шлецеръ оставляетъ его безъ перевода (II, 714). Карамзинъ (I, 137) и Эверсъ (Др. Р. Пр. 159) переводятъ правильно, хотя безъ объясненія: «получитъ часть, какая слѣдуетъ по закону (=законная часть)».

средствомъ многообразныхъ сочетаній и остроумныхъ сближеній, мы можемъ создать свои договоры, но этими последними никогда не возсоздадимъ жизни нашихъ предковъ. Намъ кажется, что какъ бы ни было грубо невѣжество позднѣйшихъ переписчиковъ, едва ли можно допустить замѣну словъ: *же прибудеть* словами: *еже ее будеть.* Для описки вообще необходимо предполагать или сходство въ звукахъ, или сходство въ начертаніяхъ. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго. Предположеніе же, по которому *тольцѣмъ* должно читать *то лицемъ*, мы почитаемъ несостоятельнымъ уже и потому, что *лице* въ смыслѣ *поличнаго* ни разу не встрѣчается во всѣхъ договорахъ, хотя и есть случаи, когда оно могло бы быть употреблено, слѣдовательно оно или вообще было неизвѣстно въ эпоху составленія договоровъ, или не было извѣстно переводчику. Послѣ, даже въ Русской Правдѣ, *лице* постоянно употребляется въ смыслѣ *поличнаго* [1]), между тѣмъ какъ въ одномъ мѣстѣ Игорева договора, когда необходимо было употребить слово *лице*, употреблено слово *едино:* «аще ли ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Грьчину отъ Руси, достоино есть да възворотити неточью *едино*, но и цѣну его» (стр. 21). Равнымъ образомъ въ Олеговомъ договорѣ введено описаніе, замѣняющее слово *лице:* «и отдасть *то, еже смѣ створить*, и створить трижды о семъ». Послѣднее выраженіе также весьма замѣчательно: черезъ двѣ строки въ томъ же смыслѣ сказано: «да въспятить троичь». Вообще нельзя не видѣть, что Олеговъ договоръ заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе признаковъ древности, чѣмъ Игоревъ. Видно, что, ко времени его заключенія, не только не установилась еще хотя сколько нибудь опредѣленная юри-

1) «А что будетъ *личе*, то тому третьему платити за *личе* кунами, а съ *личемъ* ити до конча» (Рус. Дост. II, 36).

дическая терминологія, но не выработались и самыя юридическія понятія. Такія наблюденія надъ языкомъ древнѣйшихъ памятниковъ важнѣе самыхъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, потому что онѣ прямо ведутъ къ правильному заключенію объ объемѣ, такъ сказать, и степени развитія умственнаго богатства народа въ отдаленнѣйшую эпоху. Прошло немного лѣтъ до заключенія Игорева договора—и мы встрѣчаемъ въ немъ для тѣхъ же понятій болѣе опредѣленныя выраженія: «възворотити неточью едино, но и цѣну его; вдасть цѣну его сугубо». Необходимо еще было полстолѣтіе для того, чтобы выработалось слово *лице* въ смыслѣ *поличнаго*. Мы съ своей стороны полагаемъ, что слово *тольцѣмъ*, которое въ настоящемъ случаѣ есть crux interpretum, сокращено ошибкою писца изъ двухъ словъ: столько, сколькимъ и т. д. (τόσον, ὅσῳ). Такія ошибки совершенно въ характерѣ старинныхъ нашихъ переводчиковъ: слѣдуя неуклонно за словами подлинника, они весьма часто ошибаются въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ повторяются или однѣ и тѣже слова, или сходныя между собою; они смѣшиваютъ ихъ и вмѣсто двухъ переводятъ одно. Явленіе это подтверждается множествомъ примѣровъ и вполнѣ понятно; оно ежедневно подтверждается писцами, которые переписываютъ что-либо механически, не думая о содержаніи. При нашемъ объясненіи, необходимо, конечно, предположить, что глаголу *прибудеть* въ Византійскомъ подлинникѣ соотвѣтствовалъ глаголъ, управлявшій дательнымъ падежемъ, или падежемъ съ предлогомъ, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «καὶ τὸ ἐπὶ πέμπτον προστιθέτω, μεθ᾽ οὗ ἔλαβεν», что перевено: «и *пятерицею* да приложитъ къ тому, что взялъ» [1]). Отсюда видно, что полное предложеніе имѣло бы видъ: «да имѣетъ столько, сколькимъ при-

1) Прав. Соб. стр. 72, Прав. 25.

будеть по закону». Предположеніе наше подтверждается нѣсколько и чтеніемъ, находящимся въ древнемъ Троицкомъ спискѣ: «да имѣеть та *олицьмъ* же прибудеть по закону», гдѣ *олицьмъ*, вѣроятно, есть искаженное *колицьмъ*. Что касается до частицы *же*, то мы не можемъ приравнивать ее *еже* и потому, что она служитъ здѣсь для показанія соотвѣтствія этого предложенія предъидущему: выше было сказано, что ближній убіеннаго долженъ взять часть, слѣдующую ему по закону; точно также и ближніе убившаго берутъ часть, приходящуюся имъ по закону. Въ примѣръ подобнаго опущенія мѣстоименій приведу здѣсь одно мѣсто изъ узаконеній Константина: «по подобни будуть, *яцьмъ же* лѣпо устроити» [1].

Въ-окончаніи статьи *о побояхъ*: «яко никакоже иному помощи ему, да пребываеть тяжа оттолѣ невзискаема о семъ», мы также видимъ слѣды перевода съ Византійскаго подлинника. При всемъ обиліи случаевъ употребленія независимаго неокончательнаго наклоненія въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, употребленія, по видимому, вытекающаго изъ самаго характера синтаксиса древнѣйшаго Русскаго языка, мы готовы утверждать Византійское происхожденіе всего переведеннаго выраженія на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Если множествомъ доказательствъ неопровержимо подтверждается переводъ нашихъ договоровъ, то къ числу оборотовъ, усиливающихъ эти доказательства, мы не замедлимъ отнести и упомянутое неокончательное наклоненіе, какъ оборотъ общеупотребительный, господствующій на Византійскомъ языкѣ. Трудно найти страницу въ современныхъ договорамъ памятникахъ Византійской письменности, въ которой бы не было употреблено независимое неокончательное наклоненіе, а потому слова: «яко никако-

1) Рус. Достоп. II, 196.

же иному помощи ему», безъ сомнѣнія, соотвѣтствуютъ словамъ подлинника: ὡς μηδαμῶς τὸν ἄλλον βοηθεῖν αὐτόν. Еще болѣе Византійскимъ характеромъ отзывается окончательное выраженіе статьи, не только по неестественному размѣщенію словъ, обличающему явный переводъ, но и по употребленію прилагательнаго *невзискаемый*, которое, отличаясь весьма замѣтною искусственностію, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и представляется заимствованнымъ изъ языка образованнаго, выработавшаго себѣ юридическую терминологію. Нельзя не подумать, что языкъ Олегова договора, съ такимъ патріархальнымъ характеромъ, неуспѣвшій еще выразить самыхъ обыкновенныхъ понятій, что этотъ языкъ не могъ усвоить себѣ столь определеннаго юридическаго выраженія. При первой же мысли о заимствованіи прилагательнаго *невзискаемый*, представляется прямо соотвѣтствующимъ ему прилагательное ἀνέγκλητος, ἀνεπιφώνητός, въ томъ же самомъ смыслѣ постоянно употреблявшееся на Византійскомъ юридическомъ языкѣ [1]. «Ἀνεπιφώνητον, говоритъ Дюканжъ, dicitur quidquid nullo reclamante vel intercedente possidetur aut agitur. Ἀνεπιφώνητος δεκαετία, ἀνεπιφνητὸς χρόνος, ἀνεπιφνητὸς δωρεά и т. д. 2) Наше предположеніе о переводѣ упомянутыхъ выраженій еще болѣе подтверждается сравненіемъ ихъ съ сходными выраженіями въ Игоревомъ договорѣ, въ которомъ языкъ отличается большею правильностію, чистотою и опредѣленностію терминологіи. Такъ въ настоящемъ случаѣ, вмѣсто: «яко никакоже иному помощи ему» читаемъ: «яко не имѣя ничтоже», а вмѣсто выраженія: «да пребываеть тяжа оттолѣ невзискаема о семъ», читаемъ: «ти тако пущенъ будеть».

Къ замѣчанію о грецизмѣ выраженія: «идеть снадбѣти» мы присоединимъ слѣдующее. Дѣйствительно, въ

1) Nov. Niceph. Phocae. Libri Basilic.

тѣхъ случаяхъ, когда употребляется въ Латинскомъ языкѣ supinum и въ нашемъ — достигательный видъ, на Византійскомъ языкѣ всегда находимъ неокончательное наклоненіе, съ членомъ родительнаго падежа τοῦ, наприм. *ἀποςέλλειν τοὺς ἀνθρώπους καὶ ἐμπειροτάτους τοῦ ἐφορᾷν αὐτοὺς* (Velit. bell. I 187. lin. 21, cf. p. 189. lin. 8, p. 191. lin. 3 и пр.); *τῷ γὰρ Βιταλιανῷ σάκρον ἦν πέμψας τοῦ πέμψαι* (Theoph. p. 248. lin. 12); *ἐξωπλίζετο τοῦ κατελθεῖν εἰς ἐκδίκησιν* (ibd. p. 111. lin. 10); *ἐξῆλθε εἰς τὰ θερμὰ τοῦ θερμίσαι* (ib. p. 286. lin. 14). Сюда относится также выраженіе Игорева договора: «на роту идуть хранити истину» (стр. 28).

Предположеніе, что слова: *бороненіе земное* соотвѣтствуютъ Греч. ἡ βραχέα намъ кажется вѣроятнымъ. Мы позволимъ себѣ однако высказать, по поводу этого предположенія, слѣд. недоразумѣнія: 1) въ этой статьѣ такъ замѣтна игра словъ: «ли отъ буря, или бороненія земнаго боронима не можеть възборонитися»...., что подборъ ихъ со стороны переводчика невольно представляется намѣреннымъ, а потому едва ли не должно предположить, что всѣ три слова употреблены съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, заключаютъ въ себѣ одно и тоже первоначальное понятіе *препятствія.* 2) Если переводчикъ дѣйствительно передавалъ здѣсь Греч. βραχέα, то почему же онъ не ограничился однимъ словомъ *бороненіе*, когда оно одно въ то время означало *мель*? 3) Приведенныя же, для доказательства, слова: *заборолъ*, въ значеніи насыпи, и *переборъ*, въ значеніи рѣчнаго порога, едва ли могутъ быть принимаемы въ соображеніе, какъ происходящія отъ корня *брать* (боръ, заборъ и т. д.), отличнаго отъ корня, образующаго слово *боронить.* Правда, понятія, въ нихъ заключающіяся, могутъ быть сближаемы, однако несомнительно то, что оба слова происходятъ отъ различныхъ источниковъ. Что же

касается до *брони*, въ смыслѣ насыпи, и *брони княжей*, въ смыслѣ укрѣпленія, то мы полагаемъ, что такое значеніе ихъ есть переносное, между тѣмъ какъ первоначальное- *оборона, защита*. Въ этомъ первоначальномъ значеніи употреблено слово *боронь* въ словѣ о Полку Игоревѣ: «яръ туре Всеволодѣ! стоиши на *борони*, прыщеши на вои стрѣлами [1])». Отсюда уже происходитъ понятіе препятствія, съ какимъ употребляется слово *боронь*, напр. въ договорѣ Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ: «продати свои товаръ безъо всякыя борони» и далѣе: «вольно же ему продати безъ всякой борони». Въ этомъ же значеніи употребляется и слово *боронити*: «аще которыи Нѣмчиць хочеть поити съ своимъ товаромъ въ иныи городъ, князю не боронити Смолняномъ [2])». Мы хотимъ только сказать, что если въ подлинникѣ и дѣйствительно въ этомъ случаѣ употреблено было ἡ βραχέα, то переводчикъ словами: *бороненіе земное* сдѣлалъ только его описаніе.

Выраженіе въ этой статьѣ договора: «и аще что можеть *продати* отъ лодья» замѣчательно по употребленію дѣйствит. формы *продати* вмѣсто страдат. *продано быти*, что видимъ и въ слѣд. выраженіи Игорева договора: «да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ болярь» (стр. 22). Сюда же принадлежитъ употребленіе возвратныхъ глаголовъ безъ *ся*, встрѣчающееся въ договорахъ: «и жаловати начнуть Русь; да жалують Русь Хрестьянскому царству; и хотять остати у царя вашего». Съ одной стороны такая неправильность можетъ быть объяснена Визант. языкомъ, въ которомъ господствуетъ удивительное смѣшеніе значеній и

1) Рус. Дост. III. 64. Карамзинъ думаетъ, что *боронь* въ этомъ случаѣ означаетъ брань, передовой отрядъ. Едва-ли не справедливѣе принимать въ прямомъ смыслѣ — *стоишь на защитѣ* (= обороняешь, защищаешь), особенно когда мы обратимъ вниманіе на украшенный языкъ Слова.

2) Русск. Достоп. II. 261.

формъ глаголовъ[1]), съ другой нельзя не сказать, что и въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ возвратные глаголы безъ *ся* были въ большемъ употребленіи, напр. «начася *прозывати* Руска земля (П. Соб. Р. Л. Т. I. 7); Меѳодій *оста* въ Моравѣ (стр. 11, срв. 59, 110, 142, 144, Лѣт. Пер. стр. 63, 66); Андрѣева же дружина пріѣздяче къ нему *жаловаху* (стр. 140); почата быть *писати* церкы (150, 193); почата же бысть здати» (172 и пр.). Мы можемъ также указать на одинъ случай, когда Греч. φυλάσσειν, соотвѣтствующее нашему *хранити*, именно употреблено вмѣсто φυλάσσεσθαι (= хранитися), а именно: «τοὺς ἐξερχομένους εἰς ἐχθροὺς ἐπὶ πολέμῳ φυλάξαι δεῖ ἀπὸ παντὸς πονηροῦ ῥήματος καὶ πράγματος». Впрочемъ переводчикъ такъ называемыхъ узаконеній Константина соблюлъ бóльшую точность въ этомъ отношеніи: онъ перевелъ: «подобаеть имъ хранитися[2])». Принимая однако въ соображеніе смѣшеніе значеній и формъ глаголовъ на языкѣ Визант. и послѣдній примѣръ употребленія φυλάξαι вм. φυλάξασθαι, мы готовы признать Визант. вліяніе въ формахъ *хранити* и *продати*.

Полагаемъ также, что слова *отъ тѣхъ*, начинающія статью о плѣнникахъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ словъ, которыя служатъ яснѣйшимъ доказательствомъ перевода договоровъ съ Визант. подлинника и которыя, конечно, съ большею осторожностію должны быть сближаемы съ Визант. языкомъ. Признавая этотъ путь единственно-надежнымъ въ истолкованіи помянутыхъ словъ, мы положительно утверждаемъ, что онѣ составляютъ только

1) Такъ средніе глаголы весьма часто употреблялись вм. дѣйствительныхъ и наоборотъ: βασιλεύειν — regem facere, συμποσιάζειν — ἑστιᾶν, χυμαίνειν — in aestum dare и пр. См. Reiskii commentt. ad cerem p. 458.

2) Рус. Достоп. II. 147. Въ тѣхъ же узаконеніяхъ находимъ форму *продати* вм. *продано быти*, какъ въ договорѣ Олега: «а робу ту достоить отъ князя земля тоя *продати*» (ibd. p. 148).

переходъ отъ одной статьи къ другой, — отъ статьи, охраняющей взаимныя торговыя сношенія между Руссами и Греками, къ статьѣ о плѣнникахъ. Обращаясь къ этимъ переходамъ между различными статьями, замѣчаемъ, что они почти вездѣ соблюдены съ величайшею точностію; весьма рѣдко можно встрѣтить статью, въ которой бы видимымъ образомъ не обозначена была связь ея съ предъидущею. Такая связь выражается большею частію частицами: *ли*, *же*, *а*[1]). Особый способъ обозначенія послѣдовательности между статьями состоитъ въ заглавіи: о Руси о полоненьи[2]); о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Хрестьяньского царя». Третій способъ выраженія той же послѣдовательности состоитъ въ мѣстоименіяхъ *томъ* или *сей* съ предлогомъ *о*: «*о томъ*, аще украденъ будеть челядинъ Рускый; и *о томъ*, аще обрящють Русь кубару Гречьскую въвержену на коемъ

1) Аще ли убѣжить, аще ли украдеть; егда же требуеть на войну ити, си же вся да творять; а о Корсуньстѣи странѣ».

2) Въ этомъ мѣстѣ мы предпочитаемъ чтеніе Лавр. списка a) какъ древнѣйшаго, b) какъ труднѣйшее чтеніе, c) какъ обнаруживающее слѣды буквальнаго перевода. Чтеніе же другихъ списковъ: «о Руси о полонѣй (Хл.), отъ Руся отполонени (отполоненіи)» (Р. Т) почитаемъ поправками позднѣйшихъ переписчиковъ, не понимавшихъ смысла мѣста. Въ подлинникѣ, безъ сомнѣнія, было сказано: «περὶ τῆς τῶν Ῥῶς αἰχμαλωσίας (или просто ἁλώσεως), а переводчикъ прежде всего перевелъ буквально περὶ τῶν Ῥῶς — *о Руси*, вовсе непонимая, что род. падежъ τῶν Ῥῶς зависитъ отъ αἰχμαλωσίας, а потомъ вспомнилъ. что род. пад. αἰχμαλωσίας зависитъ отъ того же предлога περὶ, повторилъ соотвѣтствующій ему предлогъ *о*, съ которымъ правильно согласовалъ существит. *полоненье*. Так. обр. явилось заглавіе: «о Руси о полоненьи», измѣненное въ послѣдствіи въ болѣе понятное: «о Руси о полонѣй, отъ Руси отполонени». Такія заглавія въ подлинникѣ, а равно и въ первоначальномъ переводѣ, вѣроятно, помѣщались отдѣльно и перенесены въ самый текстъ позднѣйшими переписчиками. Отдѣльно также помѣщены заглавія въ Русской правдѣ, въ узаконеніяхъ Константина и др. Впрочемъ въ нашихъ туземныхъ договорныхъ грамотахъ, напр. Новгородцевъ съ своими князьями и пр. заглавія помѣщаются въ самомъ текстѣ: «а што волостии Новгородьскыхъ, тѣхъ волостии тобѣ не дѣржати» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 8. стр. 9); или: «*про полонъ*, кто кде заточенъ, или человѣкъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи». (ibd. №. 3 стр. 4) и пр.

*

любо мѣстѣ (стр. 22); а *о сихъ*, оже то приходять Черніи Болгаре» (22). Къ этому-то послѣднему способу обозначенія послѣдовательности между статьями мы и относимъ слова *отъ тѣхъ*. Если же онѣ и не тождественны съ перечисленными выше, то несомнѣнно однохарактерны, то есть, выражая туже послѣдовательность, онѣ могутъ означать: *потомъ*, *послѣ того*. Обозначеніе перехода въ настоящемъ случаѣ представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что предшествующая статья, охраняющая торговлю между Руссами и Греками, по своему содержанію, совершенно отлична отъ статьи о плѣнникахъ, начинающейся словами *отъ тѣхъ*.— Хотя изъ сказаннаго видно, что начальныя слова статьи о плѣнникахъ служатъ переходомъ отъ предъидущей статьи, однако для бо́льшаго удостовѣренія полезно бы было показать, что въ современныхъ договорамъ Визант. памятникахъ дѣйствительно подобнымъ же образомъ обозначалась послѣдовательность между различными частями ихъ содержанія. Въ настоящее время мы можемъ представить только слѣд. два замѣчательные примѣра, заимствованные изъ исторіи Льва Діакона. Описывая осаду города Тарса и капитуляцію, заключенную его жителями съ Императоромъ Никифоромъ, Левъ Діаконъ говоритъ: «ἐπὶ οὖν οὐχ' οἷοι τε ἦσαν (Ταρσεῖς) πρός τε τὸ ἄμαχον τοῦ λιμοῦ πάθος καὶ πρὸς τοσαύτην στρατιὰν διαμάχεσθαι, σπένδονται τε τῷ βασιλεῖ καὶ ὑπείκουσιν, ἐφ' ᾧ τὸν βουλόμενον ἐπὶ τὰ ἐνδοτέρω Συρίας ἀκολύτως χωρεῖν [1])». Тоже самое видимъ у него и при описаніи мира, заключеннаго Іоанномъ Цимискіемъ съ Святославомъ: «καὶ δῆτα παρὰ τὴν ἕω πρέσβεις ὡς τὸν ατοκράτορα Ἰωάννην στείλας, πίστεις ᾔτει ξυμβάσεων, ἐπὶ τῷ Ταυροσκύθας μὲν τό τε Δορύστολον ἐγχειρίσαι Ῥωμαίοις [2])» etc. Изъ обоихъ этихъ

---

1) Leo Diac. IV. p. 60. lin. 16 — 19.
2) Ibd. IX, p. 155. lin. 19 — 24.

примѣровъ нельзя не видѣть, что выраженія ἐφ' ᾧ и ἐπὶ τῷ — что одно и тоже [1]) — составляютъ переходъ отъ разсказа къ самому перечисленію условій договора, употреблены при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и буквально соотвѣтствуютъ выраженіямъ: *о томъ, а о сихъ, и о томъ* въ нашихъ договорахъ. Кто, руководясь единственно здравымъ смысломъ, не признаетъ здѣсь осязаемаго, такъ сказать, грецизма? Кто не признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великой важности подобныхъ сближеній переводныхъ памятниковъ съ ихъ подлинниками? Давно-ли мы безотчетно толковали о томъ, что наши договорныя грамоты переведены съ Визант. подлинника — и долго ограничивались одними голословными предположеніями. Давно-ли мы, равнодушные къ своей старинѣ, такъ односторонне смотрѣли на драгоцѣнные, завѣщанные ею памятники: обращали исключительное вниманіе на ихъ содержаніе, толковали послѣднее, не уяснивъ себѣ достаточно ихъ значенія, не изучивъ ихъ языка, а потому часто впадали въ непростительныя ошибки. Не говоримъ о первыхъ слабыхъ опытахъ нашихъ въ этомъ дѣлѣ: вспомнимъ незабвеннаго Шлецера, который также не избѣгъ погрѣшностей при объясненіи договоровъ единственно потому, что не изучилъ, или лучше не могъ предварительно изучить ихъ языка; видѣли мы также нѣкоторыя изъ погрѣшностей ученаго Эверса, взглянувшаго окомъ юриста на договоры, погрѣшности, происшедшія изъ того же источника. И такъ мы признаемъ несомнѣннымъ, что выраженіе, начинающее статью о плѣнникахъ, буквально соотвѣтствуетъ Греч. ἐφ ᾧ и ἐπὶ τῷ и что слѣдовательно служитъ только для обозначенія перехода отъ одной статьи къ другой, а не выдумано отъ себя переводчикомъ, старавшимся отстранить *свою личность* отъ двухъ договаривавшихся народовъ.

1) См. Hasii annott. ad. Leon. Diac. p. 486.

Въ этой же статьѣ замѣчательна конструкція, состоящая въ слѣд: мѣстоименіе, относящееся къ предшествующему существительному, имѣетъ позади себя, въ видѣ дополненія, другое существительное съ своимъ опредѣленіемъ: «да не купять и възвратять и скупленое лице въ свою страну». Сюда же относятся выраженія договоровъ, въ которыхъ мѣстоименіе находится позади дополняемаго существительнаго: «да пустимъ я съ честью проданое рухло лодья ихъ; обрѣтаемое да имуть ѐ». Не имѣя основанія утверждать Визант. вліяніе во всѣхъ этихъ выраженіяхъ, я ограничусь только приведеніемъ немногихъ сходныхъ мѣстъ изъ лѣтописи Нестора: «и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ (стр.26); шедъ я *во́рона* и принесе ему предо всѣми повары (стр. 84); сего не бывало есть въ Русьскѣй земьли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, *якого зла*» (стр. 111).

Несогласіе во временахъ, которое замѣчаемъ въ статьѣ о выкупѣ плѣнныхъ: «многажды отъ коея убо страны *пришедшимъ* въ Русь.... многажды отъ коея-любо страны *приходящимъ* въ Русь», хотя и могло произойти отъ непослѣдовательности переводчика, совершенно оправдывается неточностію въ этомъ отношеніи, господствовавшею на Визант. языкѣ, почему и можно полагать, что оно находилось и въ самомъ подлинникѣ. На испорченномъ Визант. языкѣ нерѣдко въ одномъ и томъ же предложеніи видимъ безпорядочное употребленіе временъ. Такъ аористъ часто употребляется и вмѣсто преходящаго (Leo Diac. IX. p. 143. lin. 12), и вмѣсто будущаго (ibd. VIII. p, 131. lin. 9), и вмѣсто настоящаго, что у того же писателя встрѣчается весьма часто, напр: «οὕτω δε γνωσιμαχήσαντι καὶ βουλευσαμένῳ τῷ στρατηγῷ Λέοντι ἐπῆλθε» и пр. (II. 20). Такая неточность въ употребленіи временъ встрѣчается безпрестанно и ею можно объяснить туже неточность въ до-

говорѣ. Переходимъ къ разсмотрѣнію въ томъ же отношеніи Игорева договора.

Въ первомъ предложеніи, послѣ перечисленія именъ пословъ, какъ замѣчено выше, разстановка словъ совершенно Греческая, обличающая буквальный переводъ. Вторую половину этого предложенія мы читаемъ такъ: «разорити дьявола, отъ многъ лѣтъ ненавидящаго добра и враждолюбца», и полагаемъ, что слово *дьяволъ* въ этомъ случаѣ употреблено вмѣсто отвлеченнаго понятія — раздоръ, размирье и т. п. (concretum pro abstracto), что вполнѣ согласно съ употребленіемъ его на языкѣ Византійскомъ. Выраженіе: «отъ многъ лѣтъ» можно сравнивать съ весьма употребительнымъ и близкимъ къ нему выраженіемъ ἐκ πολλῶν χρόνων[1]), или ἐκ παλαιοῦ[2]). Въ послѣднемъ же періодѣ вступленія замѣчательна непослѣдовательность въ употребленіи падежей: «да не ущитятся *щиты своими*, и да посѣчени будуть *мечи своими*, *отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего*»... Если такую неточность не объяснять какимъ-либо опущеннымъ глаголомъ, находившимся послѣ словъ: *мечи своими* и управлявшимъ слѣдующими за нимъ существительными (напр. *да погибнуть* и т. п.), то едва-ли можно отнести ее къ самому переводчику, который, какъ ясно видно изъ языка всего договора, въ совершенствѣ разумѣлъ свое дѣло; тѣмъ менѣе, кажется, можно приписать ее позднѣйшему переписчику. Хотя въ поздпѣйшихъ нашихъ памятникахъ и довольно часто встрѣчается подобная непослѣдовательность[3]), однако, принимая въ соображеніе точ-

1) Χρόνος на языкѣ Визант. весьма часто употребляется вмѣсто ἐνιαυτὸς, ἔτος, напр. ὀφείλει ἐξκουσέυεσθαι ἐπὶ τρισὶ χρόνοις (= per triennium).... καὶ μετὰ τοὺς τρεῖς χρόνους πάλιν ὀφείλει τελεῖν и т. д. Cerem. II, p. 695, lin. 7—9. cf. Theoph. p. 556, lin. 12, p. 564, lin. 3. p. 565, lin. 9 и др.

2) Ἐκ παλαιοῦ διατέτακται. Procop. Anecdot p. 104, 16 и др.

3) Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописи Нестора: «предасть княженье свое *Олгови*, отъ рода ему *суща* (9); помроша (Торци) бѣгаючи

ность и правильность въ выраженіяхъ переводчика Игорева договора, мы скорѣе готовы отнести ее къ вліянію языка Византійскаго, на которомъ, какъ того должно ожидать, неправильное употребленіе падежей, встрѣчается весьма часто, напр. «καρτερούντων δὲ ἔτι ἐν ἐκείνῳ τῷ χρόνῳ καλῶς ἑαυτοὺς ἀσφαλιζόμενοι καὶ παραφυλάττοντες καὶ βουλομένων ἀνερευνῆσαι τὰ ὄρη... δέον φυλαχθῆναι»..(Cer. p. 244, lin. 22). Здѣсь удивительное смѣшеніе падежей: вмѣсто продолженія родительнаго самостоятельнаго слѣдуетъ именительный падежъ и за нимъ опять родительный самостоятельный. «Πέρσης μεν γὰρ ἦν τῷ γένει, δοῦλος δὲ τὴν τύχην. (Theoph. p. 207, lin. 16); ἐν τῷ εἰσέρχεσθαι αὐτὸν ὀψικευόμενος»... и т. д. (Cerem. p. 616, lin. 18). Этою весьма употребительною на Визант. языкѣ непослѣдовательностію въ согласованіи падежей, полагаемъ, удовлетворительно можно объяснить туже непослѣдовательность въ нашихъ договорахъ. Сюда же принадлежитъ выраженіе: «да пріимуть *месть* отъ Бога Вседержителя, *осуженья* на погибель» (стр. 20), гдѣ, безъ сомнѣнія, оба существительныя зависятъ отъ одного глагола—*пріимуть*. Равнымъ образомъ выраженіе: «и отходящеи Руси отсюда взимають отъ насъ еже надобѣ брашно *на путь*, и еже надобѣ *лодьямъ*» (стр. 21).

Первая статья самаго договора представляетъ нѣкоторый безпорядокъ въ словосогласованіи: «нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бываютъ отъ нихъ сли и гостье да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее выраженіе: «яко послахъ корабль селько» ни къ чему предъидущему не можетъ быть отне-

---

Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови *отъ зимы*, друзіи же *гладомъ*, инии же моромъ и судомъ Божьимъ (70); знаменья бо въ небеси, или въ звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимь не благо бывають» (стр. 71).

сено, кромѣ слова *князь*. Но тогда и причастіе *пишюче* должно относиться къ тому же слову, чему, по видимому, противорѣчитъ различіе въ числахъ. Впрочемъ это противорѣчіе можетъ быть устранено упомянутымъ нами обычаемъ, господствовавшимъ въ Визант. правительственной письменности—употреблять множественное число при именахъ императоровъ, хотя въ другихъ глаголахъ, относящихся къ слову *князь*, мы видимъ единственное число: такая неточность могла произойти отъ непослѣдовательности переводчика, чему видимъ множество примѣровъ въ старинныхъ нашихъ переводахъ, даже въ самомъ Игоревомъ договорѣ въ слѣдуюшихъ словахъ: «аще ли хотѣти *начнеть* наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же *хочемъ*» (стр. 22). Слова же: «иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и гостье, да приносять грамоту», по нашему мнѣнію, служатъ только поясненіемъ предъидущихъ, вовсе не находятся въ тѣснѣйшей синтаксической связи съ цѣлою мыслію и могутъ быть разсматриваемы какъ помѣщенныя въ скобкахъ. Это тѣмъ болѣе кажется намъ правдоподобнымъ, что въ нихъ дѣйствительно не заключается особеннаго смысла и что поясненіе мысли вставочными предложеніями было въ употребленіи у Византійскихъ писателей, отличавшихся наклонностію къ реторическимъ украшеніямъ. Во всякомъ случаѣ причастіе *пишюче*, по самому смыслу мѣста, нельзя относить къ посламъ и гостямъ, какъ получавшимъ подобныя грамоты отъ князя; тѣмъ менѣе можно относить къ нимъ глаголъ *послахъ*, а между тѣмъ и то и другое должно допустить, если согласиться съ общепринятою пунктуаціею. На основаніи предложеннаго объясненія, первая статья Игорева договора получитъ слѣдующій видъ: «нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему (иже посылаеми бывають отъ нихъ сли

и гостье, да приносять грамоту) пишюче сице: яко послахъ корабль селько».

Что касается до тавтологическаго выраженія: «да въспятять и опять», находящагося въ статьѣ о побѣгѣ рабовъ, то оно совершенно въ характерѣ древне-Русскаго языка. Тавтологія составляетъ неотъемлемую синтаксическую особенность послѣдняго [1]), хотя въ тоже время оно едва-ли не болѣе составляетъ неотъемлемую принадлежность Византійскаго языка, который, какъ языкъ испорченный и въ полномъ смыслѣ подражательный, конечно, нуждается въ искусственныхъ украшеніяхъ. Вотъ два самые замѣчательные примѣра Византійской тавтологіи: «ὁι μεν γὰρ ζῆλον ἐζηλωκότες τοῖς ἀγαθοῖς ἀζήλωτον ὑπεξηρήσθωσαν τοῦ λόγου (Theoph. Cont. p. 4, lin. 3); или «τινὶ ὡμοιώσατε κύριον, καὶ τινὶ ὁμοιώματι ὡμοιώσατε αὐτόν; μὴ εἰκόνα ἐποίησε τέκτων, ἢ χρυσόχοος χωνέυσας χρυσίον περιχρύσωσεν αὐτόν» (ibd. p. 32, lin. 18—19).

Проходя здѣсь молчаніемъ тѣ немногія синтаксическія особенности языка Игорева договора, которыхъ мы коснулись выше, остановимся на послѣдней статьѣ, которою Руссы обязуются доставлять Византійскому Императору вспомогательное войско, по его востребованію: «аще ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же хочемъ». Рѣзкіе слѣды Византійскаго подлинника здѣсь очевидны повсюду и повсюду замѣтно блужданіе переводчика, который былъ приведенъ въ сильное замѣшательство особенностію Греческаго выраженія, для него непонятнаго. Эта особенность состояла во-первыхъ въ употребленіи βασιλεία, вмѣсто βασιλεὺς и употребленіи мно-

1) Въспятися въспять (Нов. I, стр. 48); пѣнія пѣти (Лѣт. Пер. 45). месть мстити (Пск. I. 218); пословати посольство (ib. 266); извечествовати безчестьемъ (ib. 236) и пр.

жественнаго числа при существительномъ *βασιλέια*. Уже одно то обстоятельство, что онъ переводитъ *βασιλέια* буквально словомъ *царство*, вовсе неупотребительнымъ на Славянскомъ языкѣ въ такомъ значеніи, ясно доказываетъ, что онъ не понималъ его какъ слѣдовало, и потому постоянно дѣлалъ ошибки въ согласованіи съ нимъ глаголовъ, какъ скоро послѣдніе при немъ находились. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Византійскомъ подлинникѣ находилось первое лице множественнаго числа, которое сохранилось въ нашемъ договорѣ въ выраженіи: «елико же хочемъ», довольно далеко отстоящемъ отъ существительнаго *царство* и, вѣроятно, уже успѣвшемъ ускользнуть изъ памяти переводчика. Наши старинные переводы служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ того, что формы, находящіяся въ отдаленныхъ отъ главнаго, придаточныхъ и вводныхъ предложеніяхъ, всего чаще обличаютъ ошибки переводчика и вмѣстѣ указываютъ на формы, находившіяся въ подлинникѣ. Оттого часто безъ труда и съ точностію можно возсоздать выраженіе подлинника и въ подробности показать пріемы нашихъ старинныхъ переводчиковъ [1]). Что же касается до формы *пишють*, то она употреблена безлично, а потому и не имѣетъ никакого отношенія къ слову *царство*. Такая безличная форма есть

1) Къ приведеннымъ выше примѣрамъ подобнаго блужданія переводчиковъ не могу здѣсь не присовокупить слѣдующаго весьма замѣчательнаго: «διὰ τὰς συνεχεῖς τῶν ἐκεῖσε ληστῶν πρὸς τοὺς ἐπιξενουμένους καταδρομὰς, οὓς» и т. д. Зане частое ту разбоиничьство, на страшныя нагнаніе, ихже» и т. д. (Чт. стр. 95). Переводчикъ не понялъ, что συνεχεῖς относится къ довольно отдаленному существительному καταδρομὰς, и потому отнесъ его къ ближайшему — λῃςῶν, хотя и вопреки всѣмъ правиламъ грамматики. Еще труднѣе ему было понять, что οὓς относится къ λῃςῶν, а потому онъ, измѣнивъ послѣднее въ *разбоиничьство* и продолжая свой буквальный переводъ, безотчетно переводитъ οὓς—*ихже* и тѣмъ обличаетъ какъ свои ошибки, такъ и формы подлинника. Какъ не припомнить здѣсь напр. упомянутаго выше заглавія: «о Руси о полоненьи» и не сказать, что оно можетъ быть *единственно* буквальнымъ переводомъ Греч. выраженія: «περὶ τῆς τῶν Ῥῶς ἁλώσεως?

могательнаго правленія будетъ еще дѣйствовать нѣкоторое время до тѣхъ поръ, пока новый кризисъ произведетъ въ ней окончательное разрушеніе.

Съ 1837 года. 2-*, за низамомъ Гайдерабадскимъ, слѣдуетъ Мага-Раджа-Синдіахъ, государь Гваліорскій. Пространство владѣній его полагаютъ въ тридцать двѣ тысячи девять сотъ сорокъ четыре англійскія квадратныя мили; народонаселеніе — въ четыре милліона душъ; чистый доходъ — въ 1,500,000 фунтовъ стерлинговъ ($37\frac{1}{2}$ милліоновъ франковъ).

По трактату 1837 года, государство это должно содержать, подъ именемъ резервнаго войска, корпусъ изъ двухъ тысячъ конницы и нѣкотораго числа пѣхоты, которое, впрочемъ, неопредѣлено — подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ, съ назначеніемъ на содержаніе этого корпуса 102,419 фунтовъ стерлинговъ. Для обезпеченія своевременной выдачи жало-

еже смѣ створить, и *створить* трижды о семъ» и пр. Равнымъ образомъ есть случаи употребленія настоящаго времени вмѣсто повелительнаго наклоненія, напр. «а некрещеная Русь *полагають* щиты своя и мечѣ своѣ наги» и пр.; неокончательное наклоненіе также полагается вмѣсто повелительнаго, напр.: «яко да и порты, въ нихъ же ходять, да и то съ него *сняти.*» Всѣ эти случаи, особенно первый и послѣдній, весьма употребительны: замѣна повелительнаго наклоненія будущимъ временемъ и неокончательнымъ наклоненіемъ существуетъ во всѣхъ языкахъ и вытекаетъ изъ самаго характера формъ, а потому присутствіе ихъ въ договорахъ нельзя объяснять Византійскимъ вліяніемъ, хотя дѣйствительно можно представить множество примѣровъ такой замѣны у Византійскихъ писателей [1]), и особенно въ современномъ договорамъ законодательномъ кодексѣ [2]). Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ изъ Лаврентьевской лѣтописи, замѣчательный потому, что въ немъ несоблюдена послѣдовательность формъ: будущее время тотчасъ же смѣняется самимъ повелительнымъ наклоненіемъ: «яко по умертвіи моемъ не *погребешь* тѣла моего, но ужемъ поверзше за позѣ мои, *извлечѣте* мя изъ града и *поверзѣте* мя псомъ на расхытаніе» [3]).

Въ Святославовомъ договорѣ мы обратимъ вниманіе на заглавіе и присоединимъ нѣсколько замѣчаній къ тому, что сказали при разсмотрѣніи выраженія: «равно другаго свѣщанья.» Заглавіемъ Святославова договора яснѣе всего подтверждается справедливость нашего толкованія. Оно заключаетъ въ себѣ такую запутанность, такую безпорядочность, и въ

1) Напр. на весьма не многихъ строкахъ сочиненія: περὶ παραδρομῆς πολέμου, приписываемаго Никифору Фокѣ, видимъ: «μελετήσεια, παρασκευάσῃς (=σεις), τραυματίσεις, ἐκθροήσεις, παρασκευάσεις.» Cap. XX, p. 244. lin. 17—21.

2) Libri Basilicorum.

3) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 149.

расположеніи словъ, и въ употребленіи предлоговъ, вообще такъ непонятно въ его настоящемъ видѣ, что ясно обличаетъ самый грубый, буквальный переводъ съ Византійскаго подлинника. Прежде всего должно замѣтить неправильное помѣщеніе выраженія: «писано при Ѳефелѣ синкелѣ,» которое, очевидно, должно быть поставлено послѣ поименованія Императора Греческаго Съ той и другой стороны здѣсь упоминаются два лица: Государь и его вельможа — Святославъ и Свѣнальдъ, Цимискій и Ѳеофилъ, изъ которыхъ послѣдній, по естественному порядку, долженъ занять мѣсто послѣ своего Императора. Если справедлива наша мысль, то заглавіе приметъ слѣдующій видъ: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналъдѣ, и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Гречьскому, писано при Ѳефелѣ синкелѣ, въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479.» При самомъ поверхностномъ взглядѣ на это заглавіе, даже въ этомъ его видѣ, нельзя не признать его бо́льшей естественности и ясности. Остается непонятнымъ только то, къ чему должно относить выраженіе: «къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію,» которое не имѣетъ, по видимому, связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими. Но съ одной стороны предлогъ *къ* въ упомянутомъ выраженіи есть ни что иное, какъ непонятый переводчикомъ πρὸς съ дательнымъ падежемъ, переведенный также неправильно, какъ въ приведенномъ выше выраженіи: «πρὸς Βασίλειον διαβληθέντες — къ Василіеви оклеветана;» съ другой стороны мы замѣчаемъ здѣсь одинъ изъ главныхъ пріемовъ старинныхъ нашихъ переводчиковъ, ясно обличающихъ, и слѣпое подражаніе подлиннику, и вмѣстѣ неудачную попытку отдалиться отъ него, хотя единственно въ согласованіи и управленіи словъ, согласно съ требованіемъ своего языка. Мы видѣли, что старинные переводчики до

того рабски подражали буквѣ подлинника, что если изъ двухъ одинаковыхъ формъ, особенно отдаленныхъ одна отъ другой и зависящихъ отъ одного и того же слова, правильно передавали первую, то при второй уже забывали о ней и удерживали форму подлинника, такъ что слѣдовательно послѣдняя всегда обнаруживаетъ словосогласованіе и словоуправленіе, находящіяся въ подлинникѣ. Тоже самое должно сказать и о выраженіи: «и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію.» Мы убѣждены, что предлогъ *при* (при Святославѣ) и предлогъ *къ* соотвѣтствуютъ одному и тому же Греческому πρὸς, только въ первомъ случаѣ переводчикъ, не понявъ смысла подлинника, неправильно перевелъ его предлогомъ *при*, желая тѣмъ хотя сколько-нибудь осмыслить переводимое предложеніе, при чемъ совершенно правильно употребилъ предложные падежи, тогда какъ во второмъ, встрѣтившись съ тѣмъ же предлогомъ πρὸς и потерявъ изъ вида прежній свой переводъ, безотчетно принялъ обыкновенное значеніе предлога πρὸς — *къ* (съ винительнымъ падежемъ) и правильно согласовалъ съ нимъ относящіяся къ нему слова (въ дательныхъ падежахъ). Такъ самое непродолжительное наблюденіе надъ старинными нашими переводами облегчаетъ разумѣніе непонятныхъ и совершенно испорченныхъ мѣстъ въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, переведенныхъ съ Греческаго языка. Согласно съ принятымъ нами толкованіемъ заглавій Олегова и Игорева договоровъ, мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ заглавіе Святославова договора: «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, великаго Князя Русскаго и у Свѣнальда, и у Іоанна, именуемаго Цимисхіемъ, писанъ при Ѳеофилѣ Синкеллѣ въ Дерестрѣ, мѣсяца Іюля, индикта 14, въ лѣто 6479 [1]).» —

1) Можетъ быть, это заглавіе позднѣйшими переписчиками, не понимавшими его, до такой степени испорчено, что слова: «при Свѣналъдѣ»

Въ выраженіи: «аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ,» очевидно, не достаетъ одного слова, отъ котораго зависятъ родительные падежи. Это слово, по нашему мнѣнію, есть *что*, соотвѣтствующее Греческому τι: «аще ли *что* отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ.» Все приведенное выраженіе вообще обнаруживаетъ самые ясные слѣды Византійскаго происхожденія и мы представляемъ его въ подлинникѣ въ слѣдующемъ видѣ: «εἰ δε τι ἀπὸ τῶν αὐτῶν (или просто τῶν αὐτῶν) προειρημένων οὐ φυλάξομεν, ἐγὼ μεν, οἱ δε μετ' ἐμοῦ, καὶ ὑπ' ἐμέ» и т. д. Этимъ мы и заключимъ разсмотрѣніе Византійскаго вліянія на языкъ договоровъ въ синтаксическомъ отношеніи.

IV.

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ВЛІЯНІИ НА ОТДѢЛЬНЫЯ СЛОВА И ВЫРАЖЕНІЯ.

Здѣсь мы будемъ держаться принятаго уже нами правила — разсматривать сначала вступленіе и заключеніе договоровъ, а потомъ самыя статьи. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «иже суть подъ рукою его,» которое, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ признаки Византійскаго происхожденія. Перечитывая все вступленіе въ Олеговомъ договорѣ, замѣчаемъ, что оно употребляется съ особенною точностію и какъ бы намѣренно — часто, для обозначенія власти Русскаго Великаго

должно читать вмѣстѣ съ словами: «писано при Өефелѣ синкелѣ.» Въ такомъ случаѣ заглавіе это приметъ слѣдующій видъ: «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава Великаго Князя Русскаго и у Іоанна, именуемаго Цимискіемъ, писанъ при Свѣнальдѣ и при Өеофилѣ Синкеллѣ (или при Өеофилѣ Синкеллѣ и при Свѣнальдѣ)» и проч.

Князя и его отношеній къ подданнымъ. Такую строгую точность Греки особенно старались соблюдать относительно варварскихъ князей, унижая ихъ политическое значеніе и тѣмъ возвышая достоинство Имперіи. Изъ сочиненій Константина и другихъ Византійскихъ писателей видно, съ какою точностію Императоры опредѣляли свои отношенія къ сосѣднимъ владѣтельнымъ лицамъ, изъ которыхъ каждое, согласно съ своимъ политическимъ значеніемъ, имѣло свой титулъ, равно и Императорскій титулъ относительно каждаго изъ нихъ измѣнялъ свою форму. Припомнимъ постановленія, которыми Константинъ старается показать сыну необходимость особенной осторожности въ сношеніяхъ съ варварами. Притомъ Греки и Руссы въ первый разъ вступаютъ въ соотношенія этого рода, въ первый разъ принимаютъ на себя взаимныя письменныя обязательства. Ихъ взаимныя права и обязанности были доселѣ или вовсе не опредѣлены, или опредѣлены только отчасти, и то словесно, а потому требовалась особая терминологія, которая бы съ выгодою для Имперіи опредѣлила политическое значеніе Русскаго Князя. Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на нѣкоторыя выраженія договоровъ и нашъ взглядъ служитъ новымъ подтвержденіемъ ихъ подлинности. Къ числу ихъ должно отнести и приведенное нами выраженіе: «иже суть подъ рукою его.» Его неизмѣняемость, исключительность и намѣренно-частое повтореніе [1]) наводятъ на мысль о его оффиціальномъ значеніи, какъ бы указываю-

1) Неболѣе какъ на 15 строкахъ оно повторяется 4 раза, а именно: «мы... иже послани отъ Олга великаго Князя Рускаго, и отъ всѣхъ, *иже суть подъ рукою его*, свѣтлыхъ бояръ»; чрезъ двѣ строки: «похотѣньемъ нашихъ Князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, *иже суть подъ рукою его* сущихъ Руси;» далѣе: «и не вдадимъ, елико наше изволеніе быти отъ *сущихъ подъ рукою* нашихъ князь свѣтлыхъ, никакому же съблазну или винѣ»; наконецъ: «такоже и вы, Греци, да храните такуже любовь къ Княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ и къ всѣмъ, *иже суть подъ рукою* свѣтлаго Князя нашего.»

щемъ на степень власти Олега по отношенію къ подданнымъ. Оно становится еще замѣчательнѣе, когда мы вникнемъ въ самую его сущность: 1) оно заключаетъ въ себѣ всѣ признаки *искусственности.* Это не есть прямое, обыкновенное, общеупотребительное выраженіе; метафора, въ немъ заключающаяся, рѣзко отзывается реторизмомъ и можетъ имѣть мѣсто только въ произведеніяхъ, писанныхъ возвышеннымъ слогомъ, съ реторическими украшеніями, каковы напр. произведенія современныхъ договорамъ Византійскихъ писателей. Наоборотъ такой искусственности всего менѣе можно ожидать въ дипломатическомъ актѣ, главное достоинство котораго — точность и строгая опредѣленность. Тѣмъ менѣе столь искусственное выраженіе, безъ особенной цѣли, могло быть принято за оффиціальное и повторяться почти черезъ каждыя три строки. Особенность его значенія подтверждается также 2) и неопредѣленностію заключающагося въ немъ смысла. Понятно, что выраженіемъ: «иже суть подъ рукою его,» не обозначается строго ни степень власти, ни степень подчиненности, и оно можетъ быть прилагаемо ко всѣмъ лицамъ, находящимся въ нѣкоторой зависимости, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ, а равно и въ безусловномъ подчиненіи отъ другаго лица. И то и другое обстоятельство невольно вызываетъ предположеніе о намѣренномъ внесеніи въ договоръ Олега этого выраженія его составителемъ. Постараемся, сколько возможно, опредѣлить его истинное происхожденіе. Что касается до нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ, то можно съ увѣренностію сказать, что въ нихъ оно не было общепринятымъ, какъ того и должно ожидать, по причинѣ его искусственности, хотя изрѣдка и встрѣчаются сходныя съ нимъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «вся бо зломыслы его *вда Богъ подъ руцѣ* его» (Лавр. 129). Еще рѣже можно встрѣтить разсматриваемое выраженіе въ правительствен-

ныхъ грамотахъ, всегда отличающихся простотою, краткостію и строгою опредѣленностію выраженій. Совсѣмъ другое явленіе въ этомъ отношеніи представляютъ Византійскіе памятники[1]). Употребленіе на Византійскомъ языкѣ совершенно соотвѣтствующаго нашему выраженія: «οἱ ὑπὸ χεῖρα такъ часто, что мы почитаемъ излишнимъ приводить примѣры и ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, взятыхъ безъ всякаго выбора, напр. Theoph. p. 326 lin. 15. Theoph. Cont. I, 11, 42. lin. 23. p. 170. lin. 12. Georg. Mon. p. 888. lin. 16—17, p. 892. lin. 22. Const. de Cerem. p. 5, lin. 8 и пр. и пр. Въ одномъ мѣстѣ Кормчей читаемъ даже: «ὑπὸ τὰς τῶν νόμων χεῖρας γίνεσθαι,» что въ старинномъ переводѣ выражено такъ: «подъ законнѣи руцѣ предану быти на казнь[2]).» «Eo sensu, говоритъ Рейске, apud Nicephorum Patr. Cpt. et alios quoque occurrit ea dictio *sub manu alicujus esse*, notat in ejus potestate esse, obedire imperanti[3]).» Столь же часто встрѣчается выраженіе: «οἱ ὑπ᾽ ἐμὲ, οἱ ὑπὸ σε, οἱ ὑπ᾽ αὐτὸν,» прямо соотвѣтствующія выраженію Святославова договора: «иже подо мною,» или: «подъ Ольгомъ суще» (стр. 13). Такъ у Льва Діакона постоянно, въ сочиненіи de Velit. bell, I. p. 184. lin. 14, 192. lin. 8, 200. lin. 17 и т. д., въ переводѣ Кормчей безпрестанно. Также часто встрѣчается выраженіе: покорить, подчинить кого-либо себѣ, образованное съ помощію существительнаго χεὶρ, напр. «κραταιοτάτῃ χειρὶ τὴν τῶν

1) Вообще понятіе руки играло на Византійскомъ языкѣ весьма важную роль въ обозначеніи власти и подчиненности. Обычай посредствомъ разнаго сложенія рукъ выражать покорность былъ въ употребленіи еще у древнихъ и получилъ только большее развитіе у Грековъ позднѣйшихъ. Рейске полагаетъ, что послѣдніе заимствовали этотъ обычай отъ Персовъ (Commentt. ad cerem. p. 608). Съ большею подробностію разсуждаетъ объ этомъ предметѣ Дюканжъ въ Gloss. Lat. подъ словомъ *manus*.

2) Обозр. Корм. Кн. стр. 37. Срв. Прав. Соб. и Св. от. стр. 53, Прав. 8, стр. 83, Прав. 12 и пр.

3) Commentt. ad cerem. p. 9.

*

Ῥωμαίων βασιλείαν ὑπὸ τὴν αὐτοῦ χεῖρα ποιῆσαι καθυποσχόμενος.» (Theoph. Cont. I. 57. lin. 11. Cf. ibd p. 54. lin. 22 и др. [1]). Въ томъ же смыслѣ употребляется выраженіе: «ὑποχείριον ποιεῖν τινα (Theoph. p. 663. lin. 19 и др.). Вообще прилагательное ὑποχείριος, по значенію своему, одинаково съ выраженіемъ: «ὁ ὑπὸ χεῖρα.» «Ὑποχείριοι, говоритъ Дюканжъ, famuli, subditi» и приводитъ слѣдующее весьма замѣчательное мѣсто изъ Алексіады Анны Комнены: «ὥστε λίζιον τοῦ σκήπτρου σου ἄνθρωπον, καὶ ἵνα σαφέστερον εἴποιμι καὶ φανερώτερον, οἰκέτην καὶ ὑποχείριον,» и далѣе: «καὶ τῆς βασιλικῆς ῥάβδου δοῦλον εἶναι καὶ λίζιον ὑποχείριον.» Такое господствующее присутствіе понятія *руки* въ обозначеніи власти, господства и подчиненности, такое буквальное сходство выраженія договоровъ съ Греческимъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ его въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, полагаемъ, могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за справедливость мнѣнія въ пользу Греческаго происхожденія, какъ выраженія: «иже суть подъ рукою его,» такъ и сходныхъ съ нимъ: «иже подо мною, иже подъ Ольгомъ суще.»

Обращая вниманіе на употребленіе Греч. οἱ ὑπὸ χεῖρα, замѣчаемъ, что оно весьма неопредѣленно и прилагается ко всѣмъ властямъ равно, чего нельзя сказать о другихъ однородныхъ, но болѣе опредѣленныхъ словахъ, напр. ὑπήκοος, subditus и т. п. На основаніи двухъ приведенныхъ примѣровъ, заимствованныхъ Дюканжемъ изъ Алексіады, можно бы было предположить, что въ выраженіи: «иже суть подъ рукою его» заключается понятіе, однородное съ понятіемъ о ленной зависимости, но такое предположеніе нуж-

1) Замѣчательно одно мѣсто у Θеофана, гдѣ οἱ ὑπὸ χεῖρα противополагается τοῖς κρατοῦσι: «μεγάλου κακοῦ σημεῖον εἶναι τοῦτο τοῖς τε κρατοῦσι καὶ τοῖς ὑπὸ χεῖρα.» p. 759. lin. 6. Сюда же относится выраженіе: ὑπ᾽ αὐτὸν ποιεῖν. Прав. Соб. стр. 53. Прав. 8 и пр.

дается въ болѣе прочныхъ и многочисленныхъ доказательствахъ, которыхъ мы не имѣемъ. Эверсъ такъ опредѣляетъ отношенія князей, «иже суть подъ рукою великаго князя Рускаго». «Таковые князья повелѣвали своимъ народомъ совершенно какъ самовластные Государи, только они обязаны были платить дань Верховному Князю, покорившему ихъ своей власти и, вѣроятно, помогать ему въ военное время войскомъ. Далѣе сего непосредственное дѣйствіе Верховнаго Князя на покоренныя племена не простирались»[1]). Такая зависимость отлична отъ совершеннаго подданства, чѣмъ подтверждается упомянутая неопредѣленность разсмотрѣннаго выраженія.

Рядомъ съ этимъ выраженіемъ можетъ быть поставлено сходное съ нимъ: «аще *вдасть руцѣ* украдый». Если понятіе *руки* столь постоянно входило на Византійскомъ языкѣ для образованія понятія пріобрѣтенія власти, самой власти, то и безъ доказательствъ можно съ увѣренностію полагать, что оно же участвовало и въ образованіи понятія *подчиненія, покоренія себя чьей либо власти.* Дѣйствительно выраженія, подобныя слѣдующимъ: *διδοῦναι χεῖρας* (Nov. Niceph. Ph. I, p. 315, lin. 14), *βάλλειν ἑαυτὸν εἰς τὰς χεῖρας* (Comment. ad Cerem. p. 279), *παραδιδοῦναι εἰς χεῖρας* (Theoph. 274, lin. 10), равно какъ и противоположныя имъ: *χεῖρας τινι ἐπιβαλεῖν* (Theoph. 326, lin. 15), *ἐπιτίθεσθαι* (Alexiad. I, 66, lin. 14), *χεῖρας ἀνταῖραι* (ibd. I, 68, lin. 5), *ἐπιφέρειν* (Basil. I, p. 14) и пр., встрѣчаются у Визант. писателей въ такомъ множествѣ, что тотчасъ можно бы было составить рѣшительное заключеніе о заимствованіи выраженія: «аще вдасть руцѣ украдый» изъ Византійскаго подлинника, если бы въ тоже время древнѣйшіе наши памятники не представляли въ значительномъ количествѣ при-

1) Древн. Р. Пр. стр. 50.

мѣровъ его употребленія[1]). Должно полагать, что переводчикъ, передавая слова подлинника — χεῖρας διδοῦναι или т. п., имѣлъ на своемъ языкѣ уже готовое для нихъ выраженіе, воспользовался имъ и буквально передалъ мысль.

Совершенно въ противоположномъ смыслѣ употребленъ въ Олеговомъ договорѣ глаголъ *приготовиться*: «аще приготовится, татьбу творяй и убіенъ будеть». Понятно, что употребленіе его, безъ особеннаго опредѣленія, въ смыслѣ: *обороняться, сопротивляться, принять видъ защищенія* (Эвер. Др. Рус. Пр., стр. 170), не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Понятіе *приготовленія* есть относительное, а потому не только на древнемъ, но и на современномъ языкѣ нуждается въ ближайшемъ опредѣленіи предмета приготовленія. Отсутствіе такого опредѣленія, какъ придающее особенное, частное значеніе глаголу, останавливаетъ на себѣ вниманіе и вызываетъ на сравненіе его употребленія въ древнемъ Русскомъ и Византійскомъ языкахъ. Первый, не представляя вовсе примѣровъ упомянутаго частнаго значенія глагола *приготовиться*, даже въ обыкновенномъ своемъ значеніи, большею частію замѣняется простымъ глаголомъ: *готовитися, готову быти*. На оборотъ на Византійскомъ языкѣ мы находимъ многочисленныя указанія на такое *особенное* употребленіе прямо соотвѣтствующаго нашему глагола: παρεσκευάζεσθαι. Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ множества: «τῶν δὲ πρὸς τὸν σὸν πόλεμον παρασκευαζομένων (velit. bell. XXI, 248, lin. 2); πρὸς μάχην παρασκευασθῆναι (ibd. XXIII, 252, lin .4). Слѣдующіе примѣры на употребленіе того же глагола безъ опредѣленія: «καὶ Βελισάριον ἐμπαράσκευον ἐκέλευσεν ἔιναι, ὡς ἐν Λιβύῃ στρατη

1) Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Лавр. Лѣтописи: «въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря (9); подобаше намъ преданымъ быти въ руки языку странну (95); а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава (104); иде шюрину своему въ руцѣ (130); се Богъ вдалъ есть князи Русскіѣ и полкы ихъ въ руцѣ наши (167); вда Богъ подъ руцѣ его», 184.

γήσοντα (Theoph. p. 291, lin. 11); οἱ δὲ βάρβαροι ἀπαρασκέυαστοι εὑρεθέντες εἰς φυγὴν ἐτράπησαν κραταιάν (ibd. pag. 298, lin. 16); καὶ ἀπαρασκέυαστον κυκλώσας τὴν πόλιν (Theoph. p. 624, lin. 8) и проч. [1]). Такое значеніе глагола παρασκευάζεσθαι, какъ особенное, частное, и притомъ безъ ближайшаго опредѣленія, вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ нашего глагола, а потому послѣдній, безъ сомнѣнія, есть буквальный переводъ перваго. Нельзя не упомянуть здѣсь о другомъ глаголѣ — ἐνσκευάζεσθαι, въ опредѣленіи значенія котораго мы будемъ руководиться прекрасными замѣчаніями Газе, помѣщенными въ его толкованіяхъ на исторію Льва Діакона, по поводу слѣдующаго выраженія: «ἁρπάσωμεν τὸν καιρὸν, καὶ ὡς ἔχομεν τάχους ἐνσκευασάμενοι, τὴν ἐστενωμένην ὁδὸν παροδεύσωμεν» (VIII, p. 131, lin. 5). Σκευὴ собственно означаетъ снарядъ, одежда, украшеніе, откуда первое значеніе ἐνσκευάζεσθαι — снарядиться, устроиться, одѣться; за нимъ слѣдуютъ другія сходныя значенія и наконецъ весьма важное для насъ — *вооружиться, приготовиться къ бою* — *parari*, *accingi*, какъ у Льва Діакона (X, p. 161): «ὁ δε... ὡς εἶχεν ἐνσκευασάμενος ᾔει πρὸς τὸ στρατόπεδον», т. е. *приготовивъ себя* (къ бою), пошелъ къ лагерю. Въ томъ же смыслѣ употребленъ глаголъ ἐνσκευάζεσθαι и на 171 стр. той же книги: «ἐνσκευασάμενος συνάμα τῇ στρατιᾷ τὴν ἐπι τὸ Βυζάντιον ᾔει. Сказаннаго нами почитаемъ совершенно достаточнымъ для убѣжденія въ томъ, что выраженіе договора: «аще приготовится» представляетъ собою буквальный

---

1) Употребленіе глагола παρασκευάζεσθαι на Византійскомъ языкѣ весьма разнообразно. Такъ встрѣчается въ значені *побуждать* (Франц. faire), напр. παρεσκέυασε τὸν βασιλέα γράψαι (Theoph. p. 137, lin. 18). Cf. vel. bell. XXI, p. 245, lin. 15 и пр.; въ значеніи *стараться*, напр. εἰσπράξεις καὶ ἔνδον τῶν ἱερῶν γίνεσθαι μετὰ τοῦ πρέποντος παρασκευάσεις (curabis). Basil. lib. VI, p. 162, cap. 28, ibd. lib. VI, p. 176 и пр.; въ значеніи *сдѣлать* (reddere, rendre), напр. δύσπρακτον αὐτῷ τὸν Ἀττήλαν παρεσκέυασαν (reddiderunt). Excerpta e Prisci Historia de legationibus, p. 179, lin. 22.

переводъ Греческаго идіотизма—*ἐι δὲ παρασκευάσεται* или *ἐκ (ἐν)σκευάσεται.*

Въ договорѣ Олега князья, *сущіе подъ рукою великаго князя*, называются *свѣтлыми* и самъ великій князь говоритъ о себѣ: «наша *свѣтлость*», а потому мы прежде всего обратимъ вниманіе на этотъ титулъ. Во всемъ вступленіи въ договоръ титулъ *свѣтлый* повторенъ четыре раза, изъ коихъ одинъ отнесенъ къ боярамъ, другой и третій—къ князьямъ и четвертый — къ князю, безъ сомнѣнія, тому, который въ самомъ началѣ договора названъ *великимъ*. Такое безразличіе въ употребленіи титула мы назвали бы неточностію, если бы нѣкоторыя соображенія не давали права предполагать, что *свѣтлые бояре* въ договорѣ равняются *свѣтлымъ князьямъ.*

Въ первомъ періодѣ Олегова договора, при перечисленіи Русскихъ властей, послѣ великаго князя видимъ *свѣтлыхъ бояръ:* «иже послани отъ Олга великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ», между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось тоже перечисленіе, вмѣсто *бояръ* постоянно видимъ *князей*: «да храните таку же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Рускымъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего». Наоборотъ въ Игоревомъ договорѣ въ первомъ случаѣ употреблено слово *князь*, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, употреблено слово *бояринъ:* «мы... посланіи отъ Игоря великого князя Рускаго, и и отъ всякоя *княжья*, и отъ всѣхъ людіи Рускія земля», а черезъ двѣ строки: «и великій князь нашъ Игорь, и *боляре* его, и людье вси Рустіи послаша ны» и т. д. Въ Святославовомъ договорѣ неизмѣнно употребляются *боляре.* Ясно, что во всѣхъ этихъ выраженіяхъ упоминаются одни и тѣже лица, что слѣдовательно *бояре* равняются *князь-*

ямъ [1]). Съ другой стороны тождество князей и бояръ подтверждается старинными переводами, въ которыхъ весьма часто ἄρχων безразлично переводится и тѣмъ и другимъ словомъ, напр. «οὐ γὰρ βουλόμεθα τοιαύτας ὑποθέσεις γινώσκεσθαι τοῖς πολιτικοῖς ἄρχουσι—не хотящемъ бо да увѣдятъ таковыи вины градъстіи *боляре*», а на слѣдующей страницѣ «καὶ δεκρήτου γενομένου παρὰ τῷ τῆς ἐπαρχίας ἄρχοντι» переведено: «и собравшемся у *князя* области тоя», и ниже «προνοίᾳ τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου καὶ τοῦ ἄρχοντος — промысломъ боголюбиваго епископа и князя области тоя» [2]) и пр. Неоспоримымъ же доказательствомъ того, что Русскіе Великіе Князья въ X вѣкѣ дѣйствительно назывались ἄρχοντες служитъ приведенная выше булла χρυσῆ δισόλδια... πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας» [3]). Отсюда съ достовѣрностію можно утверждать, что въ нашихъ договорныхъ грамотахъ, въ упомянутомъ перечисленіи, должно принимать три члена дѣленія: Великаго Князя, бояръ (князей) и остальныхъ людей. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, въ началѣ Олегова договора, послѣ *свѣтлыхъ бояръ* упомянуто еще о *князьяхъ*, такъ что съ перваго взгляда представляется различіе между тѣми и другими, и во вторыхъ, какъ объяснить то замѣчательное явленіе, что въ Олеговомъ договорѣ въ первый разъ употреблено слово *бояринъ*, которое уже не встрѣчается болѣе на всемъ пространствѣ договора, бывъ замѣнено *княземъ*, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ на первомъ же мѣстѣ употрено слово *князь*, невстрѣчающееся болѣе во всемъ договорѣ

1) Замѣтимъ, что въ началѣ Олегова договора *свѣтлые бояре* въ Радз. и Тр. спискахъ замѣнены: *свѣтлыми и великими князьями и его великими боярами;* такая замѣна, очевидно, отзывается позднѣйшимъ толкованіемъ.

2) Обозр. Кормч. Кн., стр. 37, 38 и 49. Срв. 72, прав. 54 и пр.

3) Cerem. II, p. 691, lin. 1. Титулъ ἄρχοντος между титулами иноземныхъ Государей занимаетъ седьмое мѣсто: ἐξουσιοκράτωρ, ἐξουσιάρχης, ἐξουσιαστὴς ἄρχων τῶν ἀρχόντων, ἀρχηγὸς, ἀρχηγέτης, ἄρχων. Cerem. II, p. 679.

и замѣненное вездѣ *боярами*. Если бы даже и то и другое явленіе произошло отъ непослѣдовательности переводчика, то и тогда онѣ весьма замѣчательны, потому что представляютъ хотя одну черту, характеризующую переводчика, а въ изслѣдованіяхъ о столь отдаленной и скудной историческими матеріалами эпохѣ каждая черта драгоцѣнна, если и не сама по себѣ, то по приложенію своему къ существующимъ уже историческимъ даннымъ той эпохи.

Выраженіе: «похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнію», по нашему мнѣнію, относится къ вышеупомянутымъ В. Князю и свѣтлымъ боярамъ въ смыслѣ Князей. Такое излишнее, по видимому, повтореніе составители грамотъ могли почесть необходимымъ потому, что между первыми двумя членами дѣленія и послѣднимъ: «и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» вставлено поименованіе трехъ Греческихъ Царей съ ихъ титуломъ и объясненіе цѣли письменнаго договора, отъ чего теряется связь между всѣми членами. Конечно, согласно съ характеромъ современнаго намъ размѣщенія взаимныхъ управленій, послѣдній членъ должно бы помѣстить непосредственно послѣ *свѣтлыхъ бояръ*; тогда вся мысль была бы вполнѣ ясною и не нуждалась бы въ повтореніи. Но не таковъ былъ характеръ упомянутаго размѣщенія на современномъ договорамъ Визант. языкѣ: наклонность къ длиннымъ періодамъ, къ накопленію вводныхъ и придаточныхъ предложеній, дополненій, опредѣленій и къ неестественному ихъ расположенію — вотъ уже указанныя нами отличительныя черты построенія рѣчи въ произведеніяхъ средневѣковыхъ Визант. писателей. А потому отдѣленіе послѣдняго члена дѣленія отъ первыхъ двухъ въ разсматриваемомъ предложеніи Олегова договора, помѣщеніе его на самомъ концѣ, какъ-бы внѣ всякой зависимости, вполнѣ согласно съ характеромъ словорасположенія, господствовавшаго на Визант. языкѣ.

Составители договоровъ, чтобы тѣснѣе связать всѣ члены дѣленія и тѣмъ сдѣлать мысль болѣе понятною, почли полезнымъ повторить первые два члена въ одномъ общемъ выраженіи и потомъ уже присовокупить къ нимъ послѣдній членъ. Употребленіе такого пріема въ каждомъ языкѣ и во всякое время такъ обыкновенно, естественность и польза его такъ понятны, что вовсе нѣтъ нужды въ примѣрахъ.

Что касается до втораго явленія, то объясненіе его представляетъ болѣе затрудненія. Если принять въ соображеніе варіантъ *для свѣтлыхъ бояръ* и понимать ихъ какъ позднѣйшее измѣненіе *свѣтлыхъ князей*, то во всемъ Олеговомъ договорѣ не будетъ болѣе рѣчи о боярахъ въ противоположность Игореву и Святославову договорамъ. Какъ же объяснить это рѣзкое различіе? — Допустивъ, какъ положеніе доказанное, тождество князей и бояръ по отношенію къ Греческому подлиннику, гдѣ и тѣ и другіе обозначены были однимъ словомъ ἄρχων, мы тотчасъ откроемъ причину упомянутаго различія въ различіи пріемовъ, которыми руководились переводчики, или лучше въ большей или меньшей свободѣ, съ какою они обращались съ подлинникомъ. Несомнѣнно, что переводчикъ Олегова договора несравненно болѣе держался буквы подлинника, чѣмъ переводчики остальныхъ договоровъ, особенно во вступленіи и заключеніи, гдѣ его пріемы въ главныхъ чертахъ совпадаютъ съ пріемами нашихъ старинныхъ переводчиковъ. А потому при переводѣ ἄρχων онъ не въ состояніи былъ отступить отъ обыкновеннаго и общеупотребительнаго его значенія, если бы даже и зналъ, что на родномъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ слово *бояринъ*. Наоборотъ переводчикъ Игорева договора, перелагая съ замѣчательною свободою мысли подлинника, не ограничивалъ эту свободу областію синтаксиса, а распространялъ ее и на измѣненіе

нѣкоторыхъ выраженій, согласно съ условіями жизни того народа, на языкъ котораго переводилъ: зная, что подъ ἄρχοντες должно разумѣть не князей, а бояръ, онъ не замедлилъ внести туземную терминологію. Во всякомъ случаѣ мы полагаетъ, что причину показаннаго явленія должно искать въ переводчикѣ, что подтверждается и строгою постепенностію, съ какою изгоняется слово князь, въ смыслѣ боярина, изъ языка договоровъ. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ Славяно-Руссы сближались съ Греками и точнѣе усвоивали ихъ языкъ, переводчики менѣе стѣснялись подлинникомъ, позволяли себѣ значительнѣйшія отъ него отступленія и мало по малу измѣняли Византійскую терминологію на туземную [1]). Съ признаніемъ же тождества бояръ съ князьями, уничтожается и упомянутая неточность въ употребленіи титула, потому что Греки, имѣя въ виду одно только наименованіе *князя*, переведенное ими, безъ сомнѣнія, словомъ ἄρχων, почитали себя въ правѣ употребить одинъ титулъ, не полагая различія между княземъ и В. Княземъ. Обращаемся къ объясненію самаго титула — *свѣтлый и свѣтлость.*

Въ немъ мы замѣчаемъ всѣ признаки перевода съ Византійскаго подлинника, что несомнѣнно подтверждается какъ рѣшительнымъ отсутствіемъ его во всѣхъ памятникахъ не только древнѣйшей, но и позднѣйшей нашей письменности, такъ и употребленіемъ его въ Византійской Им-

1) Съ другой стороны едва-ли можетъ быть оправдано предположеніе, что *князья* Олегова договора означаютъ тѣхъ выходцевъ Руссовъ поселившихся между Славянами вмѣстѣ съ Рюрикомъ и въ послѣдствіи выселявшихся, которые въ началѣ X вѣка все еще продолжали свое отдѣльное существованіе, были господствующимъ классомъ, представителями племени въ самомъ Константинополѣ при составленіи договора, но которые, въ теченіе слѣдующаго полстолѣтія, значительно слились съ сильнымъ элементомъ Славянскимъ, замѣнивъ и прежнее свое названіе *боярами.* Такое различіе едва-ли могло входить въ соображеніе переводчика, обнаруживающаго замѣчательные признаки рабскаго подражанія буквѣ подлинника.

періи. Изъ всѣхъ титуловъ, которыми украшались сановники Имперіи, наиболѣе сходства съ нашимъ имѣютъ слѣдующіе: 1) Λαμπρότατος, прилагаемый къ Патриціямъ и Консуламъ. «Λαμπρότατος, говоритъ Дюканжъ, graecis scriptoribus dicuntur, qui Latinis viri *clarissimi*» и приводитъ слѣдующіе примѣры: «οἱ Λαμπρότατοι ἔπαρχοι τοῦ ἱεροῦ πραιτωρίου», или: «ὑπατίᾳ Ἰουλίου Κωνσταντίνου τοῦ λαμπροτάτου Πατρικίου ἀδελφοῦ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως Κωνσταντίνου τοῦ Αὐγούστου, καὶ Ῥουφίνου Ἀλβίνου τῶν λαμπροτάτων» и пр. Былъ въ употребленіи также титулъ ὑπερλαμπρότατος и относился къ префекту Преторіанцевъ [1]). 2) Περιφανέστατος — также оффиціальный титулъ, относившійся обыкновенно къ сенаторамъ. «Περιφανέστατοι, говоритъ Дюканжъ, compellati συγλητικόι seu senatores» [2]). Въ томъ же самомъ смыслѣ употреблялся въ Римѣ титулъ *splendidissimus* и самый сенатъ назывался splendidissima curia, даже Константинополь иногда назывался splendidissima urbs [3]). 3) Извѣстно также, что Латинскіе титулы, только съ перемѣною окончаній, переносимы были изъ Рима въ Константинополь. Къ числу такихъ титуловъ принадлежитъ и сходный съ нашимъ ἰλλούστριος (illustris), о которомъ Рейске говоритъ: «titulus nulli officio soli alligatus, sed tantum comitabatur summas dignitates» [4]). Это объясненіе Рейске для насъ имѣетъ ту важность, что безразличіе титула *свѣтлый*,

---

1) Превосходная степень этого прилагательнаго, какъ титулъ, имѣла оффиціальное значеніе, но положительная его степень, кажется, не имѣла того же значенія. По крайней мѣрѣ относительно его Дюканжъ ограничивается только слѣдующимъ примѣромъ: «ὁ δεῖνα τὴν ἰταλῶν γλῶσσαν ἐκπαιδευθεὶς ἐν τοῖς βασιλείοις ἐςι λαμπρὸς καὶ πάντα ἄγει καὶ φέρει τὰ ἔνδον». (II, 214).

2) Анна Комнена въ своей Алексіадѣ упоминаетъ о титулѣ περιφανεστάτη κεφαλὴ, изобрѣтенномъ ея отцемъ. См. Слов. Дюканжа подъ словомъ κεφαλή. I, 1156.

3) См. Дюканж. Gloss. Lat. подъ словомъ splendidissimus.

4) Commennt ad. cerem. 68.

отнесеннаго въ нашемъ договорѣ и къ В. Князю, и къ подчиненнымъ князьямъ, можетъ быть оправдано такимъ же безразличіемъ сходнаго титула Византійскаго. Такою неопредѣленностію могли воспользоваться составители договоровъ, безъ сомнѣнія, съ величайшею осторожностію употреблявшіе титулы. 4) Наконецъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что титулъ *свѣтлый* былъ въ полномъ употребленіи при дворѣ Византійскомъ и относился даже къ иноземнымъ владѣтельнымъ лицамъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ, служитъ Константиново перечисленіе титуловъ иноземныхъ Государей [1]). Здѣсь упоминаются слѣдующіе титулы, которые могутъ быть названы первообразами нашего: περιφανὴς, περιφανέςατος, ἀγλαὸς, ἀγλαώτατος, φάιδιμος, φαιδιμώτατος (cerem. II, pag. 679). Если же эти наименованія, съ ихъ оффиціальнымъ значеніемъ, употреблялись даже во внѣшнихъ сношеніяхъ, то, не находя никакого оправданія въ памятникахъ отечественныхъ постоянному эпитету *свѣтлый* нашихъ договорныхъ грамотъ, мы съ достовѣрностію утверждаемъ Греческое происхожденіе послѣдняго, соотвѣтствующаго которому-либо изъ вышеприведенныхъ Византійскихъ титуловъ, заключающихъ въ себѣ тоже понятіе.

Мнѣніе наше еще болѣе подтверждается употребленіемъ того же титула въ отвлеченной формѣ: «*наша свѣтлость*». Въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ не только нельзя встрѣтить слова *свѣтлость* въ смыслѣ титула, но и

---

1) Константинъ въ сочиненіи: de ceremoniis aulae Byzant. посвящаетъ на то особенную главу: «ὅις ὀφείλει ὁ βασιλεὺς ὀνόμασι τιμᾶν τοῖς μεγιστᾶσι καὶ πρώτοις τῶν ἐθνῶν». Нельзя не указать здѣсь и на слѣдующее обстоятельство: въ этой главѣ сначала исчисляются владѣтельныя лица въ числѣ 38-ми, за тѣмъ, послѣ ταξιάρχης, слѣдуютъ ихъ титулы, и между послѣдними седьмое мѣсто занимаетъ περιφανὴς, какъ бы прямо соотвѣтствующій ἄρχοντι, также занимающему седьмое мѣсто. Можно полагать, что особенно относительно первыхъ владѣтельныхъ особъ соблюдалась большая точность.

въ прямомъ, обыкновенномъ его значеніи, такъ что оно съ перваго же взгляда представляется буквально переведеннымъ съ Визант. подлинника и образованнымъ самимъ переводчикомъ. На современномъ же договорамъ Визант. языкѣ мы находимъ съ одной стороны господствующею замѣну конкретныхъ понятій титуловъ отвлеченными вообще, съ другой прямое соотвѣтствіе нашему отвлеченному понятію *свѣтлости* однозначущаго Греческаго титула въ особенности. Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія титуловъ въ отвлеченной формѣ: σεμνοπρέπεια (ἡ ὑμετέρα ὑπερφυὴς σεμνοπρέπεια. Theoph. p. 524. lin. 4.), αὐθεντία (См. Дюканж. Gloss. Gr.), κράτος (Theoph. p. 253. lin. 5 и др. Basilic. lib. VI, p. 43 и др.), γενναιότης (Cerem. I. 419. lin. 1), ἁγιότης и ἀγάπη (γνωρίζομεν τῇ ὑμετέρᾳ ἁγιότητι καὶ ἀγάπῃ. Прав. Соб. и Св. От. стр. 49), θεοσέβεια (ibd. стр. 55) и пр. «Mos ille, говоритъ Рейске, hodie tam tritus et vulgaris, viros in abstracto, ut ajunt logici, appellandi... jam illis temporibus obtinebat, non sub Anastasio natus, neque sub Leone Magno... sed jam in scriptoribus historiae Augustae ejus vestigia prostant[1])». Изъ титуловъ же, прямо соотвѣтствующихъ *свѣтлости*, можно привести здѣсь ἐνδοξότης (Theoph. p. 416. lin. 15. Leo Diac. I, 38) и въ особенности περιφάνεια (ἔγνων ἀνακαλύψαι τὸ ἀπόῤῥητον τῇ περιφανείᾳ σου Leo Diac. I. p. 38[2]). На основаніи предложенныхъ примѣровъ, мы позволяемъ себѣ не сомнѣваться въ очевидномъ переводѣ нашихъ титуловъ съ Визант. подлинника, особенно когда обратимъ вниманіе на отсутствіе ихъ въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ.

Есть поводъ думать, что слово *любовь*, столь часто встрѣ-

1) Commentt. ad Cerem. p. 434—5. Византійскій Императоръ въ сношеніяхъ съ Персидскимъ царемъ называлъ себя ἀδελφότης, напр: «ἡ ἀδελφότης τοῦ Καίσαρος Πέτρῳ μαγίστρῳ τῶν Ῥωμαίων καὶ Εὐσεβίῳ ἐκέλευσε» и проч. (Menandr. pag. 354 lin. 3).

2) Газе едва-ли правильно переводитъ περιφάνεια словомъ *amplitudo*.

чающееся во вступленіи и заключеніи договоровъ, заключаетъ въ себѣ признаки иноземнаго происхожденія. Такое мнѣніе подтверждается очевидно Визант. характеромъ предложеній, среди которыхъ оно находится, и особымъ оттѣнкомъ въ значеніи, сближающимъ его съ соотвѣтствующимъ ему словомъ на Визант. языкѣ. Всматриваясь въ употребленіе этого слова на пространствѣ всѣхъ договоровъ, замѣчаемъ, что вездѣ оно имѣетъ значеніе *мира*, *мирныхъ отношеній*, существующихъ между двумя или болѣе народами и установленныхъ письменными актами. Вездѣ, гдѣ слѣдовало употребить слово *миръ* (εἰρήνη, pax), въ нашихъ грамотахъ съ удивительнымъ постоянствомъ употребляется слово *любовь*, такъ что въ одномъ вступленіи въ Олеговъ договоръ, на 12-ти строкахъ, оно повторяется 6 разъ. Какъ скоро переступаемъ за предѣлы договоровъ и вступаемъ въ область лѣтописи собственно, преимущественно въ тѣ мѣста, которыя не предполагаютъ ни малѣйшаго заимствованія,—*любовь*, въ смыслѣ мира, исчезаетъ и замѣняется самымъ *миромъ* [1]). Такое обстоятельство не можетъ не обратить на себя вниманія. Нельзя также не замѣтить, что всѣ выраженія, въ которыхъ встрѣчается слово *любовь*, совершенно однохарактерны, состоятъ почти изъ одних и тѣхъ же словъ, имѣющихъ какъ-бы оффиціальное значеніе. Самаго невнимательнаго читателя могутъ заставить задуматься глаголы: *извѣстить*, *удержать и утвердить*, а равно и происходящія отъ нихъ существительныя, являющія-

1) Замѣчательно, что въ изложеніи обстоятельствъ, предшествовавшихъ заключенію Святославова договора, не смотря на то, что все изложеніе отличается истинно-разговорнымъ характеромъ, находимъ слѣд. выраженіе: «хочю имѣти *любовь* со царемъ Гречьскимъ *свершеную прочая вся лѣта*», сильно отзывающееся буквальнымъ переводомъ съ Византійскаго подлинника. Должно полагать, что лѣтописецъ, приступая къ описанію обстоятельствъ, сопровождавшихъ самое заключеніе договора, и знакомый съ особенностями языка грамотъ, старался подражать этому языку и внѣ самыхъ грамотъ.

ся всегда какъ неизмѣнные спутники слова *любовь*. Эта оффиціальность выраженій неопровержимо свидѣтельствуетъ о дипломатическомъ значеніи договоровъ и устраняетъ всякій намекъ на поддѣлку. Должно предположить небывалое искусство въ поддѣлкахъ этого рода, чтобы, по разборѣ каждой формы, не открыть ихъ слѣда. Еслибы Шлёцеръ, вмѣсто общихъ сужденій о невозможности существованія у Русскихъ Славянъ въ началѣ X вѣка подобныхъ дипломатическихъ актовъ, обратился къ ихъ языку, вникнулъ въ ихъ терминологію, въ строжайшую послѣдовательность въ употребленіи выраженій, то никогда не произнесъ бы слѣд. словъ: «есть множество древнихъ актовъ, подложность коихъ можно неопровержимымъ образомъ доказать изъ одного внутренняго ихъ содержанія, и, къ сожалѣнію, это самое, кажется, надобно сказать о нашемъ трактатѣ 912 года. *Я бы могъ насчитать въ немъ цѣлый десятокъ такихъ мѣстъ, которыхъ никакъ не могли написать лица, приведенныя въ немъ* [1])». Послѣ ближайшаго разсмотрѣнія языка договоровъ оказывается совершенно излишнимъ приведеніе такихъ мнимо-подложныхъ мѣстъ, потому что читатель вполнѣ убѣжденъ, что наши грамоты не были писаны лицами, въ нихъ приведенными, а опытными Греческими дипломатами, въ совершенствѣ знакомыми со всѣми пріемами, условіями и формами, соблюдаемыми въ подобныхъ актахъ. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе всматриваемся въ наши договоры, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ ихъ несомнѣнной подлинности; такія убѣжденія выпадаютъ только на долю исторической истины [2]).

Есть основаніе думать, что слово *любовь* имѣетъ еще

1) Несторъ II, 758.

2) Столь же часто и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ слово *любовь* повторяется въ договорѣ Игоря; такъ во вступленіи оно повторено на пяти строкахъ три раза и однажды въ заключеніи. Въ Святославовомъ договорѣ *любовь* встрѣчается однажды.

частное значеніе самаго договора со всею совокупностію заключающихся въ немъ условій. Такъ въ грамотѣ Олеговой читаемъ: «многажды право судихомъ, но точію *простословесенъ*, и *писаніемъ* и клятвою твердою... такую любовь извѣстити и утвердити». Здѣсь прямо разумѣются два *договора*—словесный и письменный. Тоже должно понимать и о любви, *извѣщаемой исповѣданіемъ и написаніемъ*. Игорь предъ самою *харатьею* клянется *сохранить эту любовь по правдѣ*, — выраженіе, совершенно равное выраженію Святославова договора: «схранимъ правая съвѣщанья», гдѣ *съвѣщанье*, вѣроятно, есть самый списокъ или автографъ грамоты. Можно даже съ нѣкоторою увѣренностію полагать, что выраженіе: «Игорь великій князь да хранить *си любовь правую*» совершенно равняется предъидущему: «аше ли же кто... преступить се, *еже есть писано на харатьи сей*»... Въ такомъ случаѣ *любовь* прямо означаетъ самыя мирныя условія, самую договорную грамоту, самую *харатью*. Кромѣ того изъ многихъ мѣстъ видно, что *миръ и любовь* въ нашихъ договорахъ—слова однозначущія, хотя первое вытѣснено послѣднимъ и встрѣчается во всѣхъ договорахъ только пять разъ, изъ коихъ два вмѣстѣ съ словомъ *любовь*. Слово же *миръ* въ заключеніи Олегова договора должно понимать какъ самыя мирныя условія: «бывшій миръ сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью», т. е. мы киноварью переписали наши мирныя условія на двухъ хартіяхъ. Тоже самое, кажется, должно сказать и о слѣд. выраженіи Олегова договора: «не переступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея, *отъ уставленыхъ главъ* мира *и любве*» (стр. 16). Что означаютъ здѣсь *уставленныя главы мира и любви*, какъ не самыя мирныя условія, изложенныя въ грамотѣ, какъ не τῆς εἰρήνης συνθῆκαι, по выраженію Приска [1]); и можно-

1) Excerpta e legat. p. 144.

ли слово *любовь* принимать однозначущимъ съ словами: дружба, пріязнь? Такое значеніе не имѣло бы смысла. Притомъ невозможно предположить, чтобы переводчикъ, видя въ подлинникѣ слова подобныя слѣд: εἰρήνη, σπονδαί, συνθήκη, συναλλαγή и т. под. съ такимъ упорнымъ постоянствомъ удерживалъ *любовь*, тѣмъ болѣе, что именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается слово *любовь*, онъ иногда обнаруживаетъ явную неопытность въ своемъ дѣлѣ, рабское подражаніе буквѣ подлинника (напр. на извѣщаніе любовь); отъ него нельзя ожидать такой самостоятельности въ выборѣ слова и такого постоянства въ его употребленіи. На основаніи предложенныхъ соображеній, мы готовы утверждать Греч. происхожденіе слова *любовь*, хотя въ тоже время знаемъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается оно съ нѣсколько — сходнымъ значеніемъ [1]). На современномъ

1) Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ первой Новгородской лѣтописи, которую по языку едва-ли не должно назвать древнѣйшею: «въ тоже лѣто ходи игуменъ Діонисій *съ любовію* въ Русь (13); съведе и владыка *въ любовь* (38); Твьрдиславъ же съшьдся съ княземъ *въ любовь* и лишися посадницьства (ibd); снидошася *въ любовь*» (77). Изъ всѣхъ Новгородскихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ I томѣ Собр. Гос. Гр. и Догов. и имѣющихъ оффиціальное значеніе, слово *любовь* не встрѣчается ни въ одной въ упомянутомъ смыслѣ; только въ нѣкоторыхъ грамотахъ читаемъ: «цѣловалъ (цѣловали) хрестъ къ намъ, *по любви* въ правду, безъ всякого извѣта» (стр. 18, 20 и др.), и притомъ это выраженіе встрѣчается всегда въ одной и той же формѣ, какъ однажды принятой за оффиціальную. Что касается до перваго приведеннаго нами примѣра изъ первой Новгородской лѣтописи, то значеніе въ немъ слова *любовь* совершенно совпадаетъ съ однимъ изъ многихъ значеній Греч. ἀγάπη—Христіанское привѣтствіе, выраженіе Христіанской любви, что въ тѣснѣйшемъ смыслѣ означаетъ *поцѣлуй*—«osculum, какъ говоритъ Дюканжъ, quod pacis vocant et quo in sacra Liturgia sese invicem donabant fideles» (Gloss. Gr. подъ словомъ ἀγάπη). Отсюда выраженіе Новгородской лѣтописи: «ходи игуменъ Діонисій *съ любовію*» на простомъ языкѣ означаетъ: «ходи игуменъ Діонисій *съ поклономъ*». Послѣдніе же два примѣра той же лѣтописи суть только выраженія украшенной, нѣсколько изысканной рѣчи, которыми такъ богатъ нашъ древній языкъ. Не простомъ языкѣ онѣ означаютъ: «помирился ихъ владыка» и проч., такъ что во всѣхъ этихъ примѣрахъ *любовь* имѣетъ только значеніе *дружбы, пріязни* вообще.

*

договорамъ Визант. языкѣ слово ἀγάπη между многими другими значеніями имѣетъ также значеніе договора, мирныхъ условій. «Ἀγάπη, говоритъ Дюканжъ, pax, foedus» и приводитъ примѣры: «παρεβάτησαν αἱ ἀγάπαι» и «τελεσθείσης τῆς ἀγάπης» въ смыслѣ договора. Присоединимъ здѣсь свой примѣръ, заимствованный изъ исторіи Θеофана: «εἰρηνικὴν πρὸς αὐτοὺς ἀγάπην κυρωθῆναι ᾐτήσαντο· εἴξας οὖν ὁ βασιλεὺς ταῖς αὐτῶν αἰτήσεσι ἐκύρωσε καὶ πρὸς αὐτοὺς δεσποτικὴν εἰρήνην [1])».

Изъ отдѣльныхъ словъ вступленія въ Олеговъ договоръ мы укажемъ здѣсь еще на слово *глава*, которое, по нашему мнѣнію, есть переводъ Греч. κεφάλαιον или κεφαλή, употребляемаго постоянно въ дѣленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Правилъ Собр. и Св. Отецъ κεφάλαιον имѣетъ значеніе *дѣла*, *предмета*, напр.: «εἰ μὴ τὸ πρόσωπον ἐπέχων του οἰκείου Πατριάρχου ἢ Μητροπολίτου, ἐν ἑτέρᾳ πόλει παραγένησαι ἐπὶ τινὶ κεφαλάιω» (въ переводѣ: для нѣкоего дѣла) [2]). Или: «διὰ τὰ ὡς εἰκὸς ἀναδυόμενα κεφάλαια ἐκκλησιαστικά [3]).» Такое значеніе κεφαλαίου вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію слова *глава* въ выраженіи Олегова договора: «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, *главы* (= дѣла) таковыя.» Замѣтимъ также, что въ произведеніяхъ Византійскихъ писателей весьма часто встрѣчается выраженіе: «δίκαιον κρίνειν, буквально соотвѣтствующее нашему: «право судихомъ (многажды право судихомъ),» напр. «δίκαιον ἐκρίναμεν τοὺς μὴ ταῦτα ἀκριβῶς ἐξησκημένους ἐν τῇ τοιαύτῃ τετάχθαι βασιλικῇ λειτουργίᾳ (Cerem. II. pag. 704. lin. 12); οὐ δίκαιον ἐκρίναμεν» (Ibid. pag. 726. lin. 3) и проч.

Не можемъ не привести здѣсь одного мѣста изъ исто-

1) Theoph. pag. 544 lin. 8—10.
2) Прав. Соб. и Св. От. стр. 80. Прав. 7.
3) Ibid. стр. 82. Прав. 8.

ріи Менандра, гдѣ встрѣчается слово ὁμολογία, прямо соотвѣтствующее нѣсколько разъ повторяющемуся въ нашихъ договорахъ слову *исповѣданіе* и имѣющее особенное, весьма замѣчательное значеніе. Вотъ это мѣсто: «ἡ μὲν τοῦ Ῥωμαίου αὐτοκράτορος περὶ τῆς εἰρήνης ὁμολογία, τὴν συνήθη φέρουσα προγραφὴν, γνώριμος ἡμῖν ἐς τὰ μάλιστα τυγχάνει [1]).» Смыслъ какъ этого мѣста, такъ и всего разсказа, показываетъ, что ὁμολογία въ этомъ случаѣ означаетъ *утвержденіе*, скрѣпленіе письменнаго акта, то, что на современномъ намъ языкѣ называется *ратификаціею* [2]). Тѣмъ болѣе должно допустить такое значеніе въ словѣ ὁμολογία и приравнять его нашему *исповѣданію*, что и у Менандра рѣчь идетъ о подобномъ же договорѣ съ Персами. Не должно-ли принимать въ томъ же смыслѣ и выраженія: «извѣстити и утвердити любовь?» Если справедливо это предположеніе, то значеніе, приданное нами слову *любовь*, еще болѣе получаетъ вѣроятія. Этимъ заключаемъ мы наше разсмотрѣніе отдѣльныхъ словъ и выраженій, находящихся во вступленіи въ Олеговъ договоръ и заключающихъ въ себѣ слѣды Византійскаго происхожденія. Причины особенной подробности этого разсмотрѣнія заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ сюда вошла наибольшая часть характеристическихъ выраженій, во-вторыхъ вступленіе и заключеніе, какъ замѣчено выше, суть именно тѣ части въ Олеговомъ и Игоревомъ договорахъ, въ которыхъ яснѣе всего обнаруживается переводный характеръ нашихъ грамотъ. Обращаемся къ заключенію.

Прежде всего постараемся подтвердить доказательствами раздѣленіе (пунктуацію), принятое нами въ первомъ предложеніи заключенія Олегова договора. Предлагаемъ

---

1) Menandr pag. 353. lin. 9.

2) Въ переводѣ это мѣсто читаемъ: «et Romani Imperatoris *pacis ratihabitio* solitam prae se ferebat inscriptionem.»

наше чтеніе этого предложенія: «на утверженіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью бывшій миръ, сътворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью» и т. д. и утверждаемъ его на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) выраженія: «на утверженіе и неподвиженіе» не могутъ быть употреблены въ такомъ отдѣльномъ положеніи, безъ всякаго отношенія къ чему-либо. 2) Но не говоря уже о томъ, что понятія въ приведенныхъ словахъ суть относительныя, самый способъ употребленія въ Олеговомъ договорѣ подобныхъ же выраженій совершенно противорѣчитъ такому безотносительному ихъ положенію. Дѣйствительно, во вступленіи мы находимъ выраженія, вполнѣ сходныя съ разсматриваемымъ, но въ которыхъ тѣже существительныя всегда имѣютъ какое-либо отношеніе. Такъ въ первомъ продложеніи: «мы... послани *на удержаніе и на извѣщеніе* отъ многыхъ лѣтъ межю Христіяны и Русью *бывшюю любовь.*» Не есть ли это почти буквальное повтореніе одного и того же предложенія съ замѣною *мира любовію* и слова *извѣщеніе* словомъ *неподвиженіе?* Такое поразительное сходство неизбѣжно заставляетъ насъ признать сходство въ конструкціи, а вмѣстѣ и необходимость допустить принятое нами раздѣленіе. Далѣе: «удержати такую любовь, бывшюю межю Христіяны и Русью,» гдѣ *бывшюю* также непосредственно относится къ глаголамъ: *удержати* и *извѣстити*, какъ въ первомъ случаѣ отъ существительныхъ. Или: «на *схраненіе* прочихъ и всегда лѣть съ вами Грекы исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою *извѣщаемую любовь*», гдѣ видимъ совершенно тоже самое явленіе. Въ томъ же смыслѣ должно принимать и въ послѣднемъ предложеніи заключенія: «*на утверженіе и извѣщеніе* межи вами *бывающаго мира.*» Изъ всѣхъ этихъ предложеній ясно видно, что съ существительными: удержаніе, извѣщеніе и проч. непосредственно и неизмѣнно

соединяются слова *любовь и миръ*, что слѣдовательно съ необходимостію должно заключать и о разсматриваемомъ мѣстѣ. Самая же неправильность конструкціи, буквально переведенной съ Греческаго языка въ первомъ и третьемъ примѣрахъ, окончательно убѣждаетъ въ томъ, что слова: *бывшій миръ*, какъ винительные падежи, зависящіе отъ существительныхъ: *удержаніе и неподвиженіе* должно относить къ этимъ послѣднимъ. Такое толкованіе намъ кажется не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что оно вполнѣ подтверждается почти буквально-сходными выраженіями того же договора. Всякое другое раздѣленіе придастъ особый оттѣнокъ, противорѣчащій смыслу и внѣшней фор мѣ упомянутыхъ сходныхъ выраженій. Этой особенности и этого противорѣчія нельзя допустить и на основаніи того нашего замѣчанія, что всѣ почти выраженія договоровъ, вся ихъ терминологія отличаются замѣчательною точностію и истинно-дипломатическою опредѣленностію, а потому, если мы видимъ въ одномъ и томъ же договорѣ два совершенно сходные примѣра, то съ логическою необходимостію должны заключать о сходствѣ и въ употребленіи третьяго, имъ подобнаго, тѣмъ болѣе, что заключенію о такомъ сходствѣ ничто не препятствуетъ. 3) Справедливость принятаго раздѣленія подтверждается столько же и словами: «межи вами Хрестьяны и Русью,» которыя едва-ли не менѣе могутъ быть безъ всякаго отношенія, какъ и слова: «утверженіе и неподвиженіе.» Дѣйствительно, что означаетъ выраженіе: «на утверженіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью?» Нельзя не сознаться, что оно не имѣетъ смысла. Кромѣ того, если мы опять вникнемъ въ приведенные выше примѣры, особенно въ первый и третій, какъ буквально сходные съ разсматриваемымъ выраженіемъ и по самой конструкціи, и замѣтимъ, что въ нихъ тѣже самыя слова: «межю Христіяны и

Русью» всегда относятся къ причастію *бывшій*, и что онѣ только въ такомъ случаѣ и могутъ имѣть свой смыслъ, то съ тою же логическою необходимостію должны признать ихъ и здѣсь относящимися къ причастію *бывшій*. И такъ, на основаніи приведенныхъ доказательствъ, чтеніе этого мѣста должно принять видъ, показанный нами выше. Мы съ нѣкоторою подробностію указали на необходимость этого измѣненія, потому что вмѣстѣ съ нимъ и самая мысль получаетъ какъ бы другой оттѣнокъ. По отдѣленіи словъ: «бывшій миръ» къ предъидущимъ, послѣдующія еще болѣе будутъ имѣть право на отдѣльное, самостоятельное существованіе, когда мы вникнемъ въ значеніе слова *написаніе*.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что слово *написаніе*, встрѣчающееся дважды въ заключеніи Олегова договора, имѣетъ особенное значеніе: по нашему мнѣнію, оно соотвѣтствуетъ Греческому γράμματα. Какъ оффиціальное слово συμβόλαιον переводчикъ передѣлалъ въ *свѣщаніе*, не предполагая въ немъ особеннаго значенія, такъ γράμματα (или ἀπογραφὴ въ томъ же смыслѣ) онъ буквально перевелъ словомъ *написаніе*. Справедливость нашего мнѣнія подтверждается слѣдующими словами въ концѣ договора: «и таково *написаніе* дахомъ царства вашего» и т. д. Объ употребленіи же слова γράμματα, въ смыслѣ договорной грамоты, или вообще какого-либо юридическаго акта, почитаю излишнимъ распространяться, потому что оно встрѣчается, и въ современныхъ законахъ Византійской Имперіи, и у Византійскихъ писателей. Изъ сочиненій послѣднихъ достаточно упомянуть о слѣдующемъ: «excerpta e Prisci historia de legationibus,» гдѣ γράμματα въ показанномъ смыслѣ встрѣчается почти на каждой страницѣ [1]). Изъ предложеннаго объясненія видно, что *напи-*

1) См. Дюканжа Gloss. подъ словомъ γράμματα.

саніе однородно съ словомъ *свѣщаніе*, съ тѣмъ только различіемъ, кажется, что первое есть общее, а второе частное названіе. Слова: «царства вашего,» по нашему мнѣнію, обозначаютъ время написанія грамоты и указываютъ на общепринятый обычай въ концѣ акта означать время его составленія, такъ что заключительная мысль Олегова договора должна принять слѣдующій видъ: «и таково написаніе дахомъ на утверженіе обоему пребывати таковому свѣщанію, на утверженіе и извѣщеніе межи вами бывающаго мира, *царства вашего* мѣсяца Себтября въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420.» Подобнымъ же образомъ въ настоящее время оканчиваются манифесты, указы и проч. «данъ царства нашего въ такое-то лѣто.»

Что же касается до выраженія: *Иваново написаніе*, то, согласно съ мнѣніемъ Круга [1]), принятымъ и другими изслѣдователями отечественной исторіи, признаемъ его передѣланнымъ невѣжествомъ переписчика изъ *киноварнаго написанія*. Обращаемся къ разсмотрѣнію самыхъ статей Олегова договора.

Выше было замѣчено, что *κεφάλαιον* имѣетъ на Визант. языкѣ значеніе *дѣла, предмета*. Это значеніе можетъ имѣть полное примѣненіе и въ выраженіи: «а о *головахъ*, иже ся ключитъ проказа». Выраженіе же: «*показаніи явлеными*», очевидно, юридическое и, вѣроятно, туземное, которымъ, какъ готовымъ, переводчикъ могъ воспользоваться. Подъ

1) Der bei den Byzant. oft vorkommende Ausdruck: διὰ κιναβάρεως γράμματα stand nun auch in jenem traktate; von unwissenden russischen Abschreibern aber ward aus киноварнымъ написаніемъ gemacht Ивановымъ. Krit. Vers. zur Aufklär. der Byzant. Chronol. p. 79. Погод. Изслѣд. I, 138—9. Карамз. I, прим. 327 и проч. «Maxime ita dicitur color rubeus, говоритъ Дюканжъ, quo diplomata et epistolas suas subscriberent Imperatores Constantinopoli.» Δια κιναβάρεως γράμματα иначе нязываются ἐρυθρὰ γράμματα. Gloss. Gr. I, 655. Слово харатья есть, очевидно, Греческое χάρτη. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ изъ lib. Basilic.: «μέτρια δε παρέχειν προφάσει τῶν ὑπὲρ ἑκάστης διδομένων συμβόλων τε καὶ χαρτῶν.» Lib. VI, p. 152. (ed. Heimbachiana Lipsiae. 1833).

именемъ *показанія*, говоритъ Эверсъ, безъ сомнѣнія, должно разумѣть все то, что указываетъ на какое-либо событіе, обнаруживаетъ его» (стр. 151). Въ туземныхъ, нѣсколько позднѣйшихъ, юридическихъ памятникахъ этому слову соотвѣтствуетъ *знаменье*. Такъ въ Русской правдѣ: «аще-ли не будеть на немъ знаменья; а выиметь знаменье[1])», откуда *знаменовати* (Р. Пр. стр. 56), *знаменьный* (57)[2]). Въ древнѣйшее время, когда все судопроизводство ограничивалось одними видимыми знаками, слово *показаніе* удовлетворяло всѣмъ его требованіямъ; въ послѣдствіи же, когда входили въ употребленіе другіе способы открытія преступленій, *показаніе* получило значеніе доказательства, а *знаменіе* (=явленіе) замѣнило прежнее значеніе показанія[3]). Отсюда видно, что послѣднее, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблено оно въ Олеговомъ договорѣ, принадлежитъ къ древнѣйшей эпохѣ развитія языка.

Есть основаніе думать, что выраженіе: «да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи» взято съ Греч. языка. Съ одной стороны рѣдкое употребленіе въ этомъ видѣ прилагательнаго и господство этого оборота на Визант. языкѣ, съ другой замѣтная особенность въ значеніи слова *вѣрное*, подтверждаютъ предположеніе о заимствованіи, тѣмъ болѣе, что все выраженіе сильно отзывается искусственностію, обнаруживающею буквальный переводъ. Дюканжъ въ Греч. словарѣ приводитъ слово πιστὸν и указываетъ на особенное его употребленіе, которымъ можно объяснить значеніе нашего *вѣрное*. Подъ первымъ на Визант. языкѣ разумѣлось ясное и несомнѣнное доказательство вѣры во Христа, обна-

1) Русск. Достоп. II, 55,

2) Въ томъ же, вѣроятно, смыслѣ должно понимать выраженіе: «*да покажеться* таковое отъ челядина». Приведу здѣсь одно мѣсто изъ Лаврент. лѣтописи: «идѣже множьство грѣхъ, ту видѣнья всякого показанья» (162).

3) На Визант. языкѣ встрѣчаются выраженія: ἐγκλήματα φανερὰ (Прав. Соб. стр. 15), ποιεῖν φανερὸν (постоянно въ lib. Basilic) и проч.

руживаемое исполненіемъ его заповѣдей: «praeclarum fidei in Christum argumentum in illius praeceptis exsequendis». Это слово, имѣвшее особенное значеніе и употреблявшееся на церковно-юридическомъ языкѣ [1]), могло явиться въ буквальномъ переводѣ въ нашихъ договорахъ. Если Дюканжево объясненіе слова πιστὸν принять въ пособіе при объясненіи выраженія договора, то смыслъ его будетъ слѣд: «должно собрать ясныя и несомнѣнныя доказательства справедливости представленныхъ показаній». Это объясненіе отлично, и отъ перевода Эверса (то должны вѣрить при представленіи такихъ показаній), и отъ господствовавшаго доселѣ мнѣнія объ этомъ мѣстѣ вообще. Приведу здѣсь еще одно сходное мѣсто изъ Ѳеофанова Продолжателя: ῷ (λόγω) καὶ ἐγὼ πείϑομαι ἐξ ἐγγράφων τινῶν ἔχων τὶ βέβαιον [2])».

Слово *съгрѣшеніе*, какъ ни общеупотребительно въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ,—въ значеніи преступленія, и притомъ въ юридическомъ памятникѣ, также напоминаетъ Греч. ἁμάρτημα, напр. въ слѣд. мѣстѣ Ѳеофанова Продолжателя: «μικροῦ γὰρ καὶ μείζονος ἦν αὐτῷ διαφορὰ ἁμαρτήματος», что переведено такъ: «nulla illi majoris minorisve sceleris distinctio [3])». Изъ представленныхъ указаній видно, что вся эта статья, какъ отличающаяся искусственнымъ языкомъ, особеннымъ значеніемъ словъ, обнаруживаетъ обильные признаки Греческаго происхожденія.

Тѣмъ же характеромъ отличается и слѣд. статья въ выраженіяхъ: «мученія образомъ искусъ творити» и «възметь что любо дружинне». Остановимся на словахъ: *искусъ* и *дружинне*. Нѣтъ сомнѣнія, что первое въ настоящемъ

1) Вотъ два примѣра, приведенные Дюканжемъ изъ Котелеріева номоканона: «οἱ ἐξαγοράσαντες ψυχὰς ἐν καιρῷ αἰχμαλωσίας μέγαν πιστὸν βοῶσιν»; или: «Ἐὰν δε τις ἐν χωρίσει λάχῃ καὶ ὁμόσει, καὶ συμμίξει, ἐι καὶ ἀληϑῶς ὑπάρχει ἡ ὑποϑεσις, μέγαν πιστὸν ποιήσει» I, 1173.

2) Theoph. Cont. p. 50 lin. 19.

3) Theoph. Cont. I, 25. lin. 22.

случаѣ означаетъ *пытку*, *истязаніе*, *выпытываніе*, вопреки мнѣнію Карамзина объ *обыскѣ*. Здѣсь, очевидно, противополагаются два преступленія: тайное воровство и явное, насильственное отнятіе вещи, соединенное съ побоями. Ссылка, сдѣланная Карамзинымъ на другое подобное мѣсто договора: «аще ли кто искушенія сего не дасть створити», не можетъ служить доказательствомъ. И то и другое слово заключаетъ въ себѣ общее понятіе *испытанія*, *истязанія*, и, тогда какъ въ послѣднемъ случаѣ оно дѣйствительно совпадаетъ съ понятіемъ *обыска*, въ первомъ удерживаетъ свое первоначальное значеніе. На Визант. языкѣ слову *искусъ* соотвѣтствуетъ слово πεῖρα, которое весьма часто встрѣчается въ Прав. Соб. и Св. Отецъ въ смыслѣ *испытанія*, назначаемаго поступающему въ духовное, преимущественно монашеское званіе; *искушеніе* же, какъ самое дѣйствіе, соотвѣтствуетъ Греч. πείρασις. Смыслъ статьи еще болѣе уясняется отъ объясненія втораго слова.

И Шлёцеръ [1]), и Карамзинъ [2]), и Эверсъ [3]) принимали слова *дружинне* въ смыслѣ *чужой*, *другой*. Съ полнымъ уваженіемъ къ авторитетамъ упомянутыхъ ученыхъ, мы осмѣливаемся предложить здѣсь собственное толкованіе. Ни одинъ изъ лучшихъ списковъ не представляетъ чтенія, *дружие*, принятаго Шлецеромъ, Карамзинымъ и Эверсомъ [4]); слѣдовательно оно имѣетъ только значеніе предположенія, возникшаго по причинѣ видимой невозможности понимать и объяснять это мѣсто иначе. Кромѣ авторитета списковъ чтенію *дружие* можетъ быть противопоставлено: 1) небывалое значеніе слова *дружій*, означающаго обыкновенно: дружескій, пріятельскій, 2) то, что этимъ значеніемъ не

1) Ежели кто изъ Христіанъ или Руссовъ что-нибудь (насильно отниметъ у другаго). Несторъ. II, 720.

2) «И силою возметъ чужое». I, 138.

3) И возметъ что-нибудь у другаго явно, силою. Др. Р. Пр. стр. 170.

4) Лаврент. дружинне, Хлѣбн. дружне. Радз. и Тр. дружне.

придается ничего новаго мысли: взятіе чего-либо чужаго или воровство уже было предметомъ особой статьи договора. Притомъ слово *чужой* само встрѣчается въ договорахъ и на слѣдующей же страницѣ читаемъ: «аще ли выверженa лодья будеть... на землю *чюжю*». Вникая въ эту статью, всякій видитъ, что въ ней идетъ рѣчь о двухъ однородныхъ и чрезвычайно близкихъ между собою преступленіяхъ, потому что за то и за другое назначается одно и тоже наказаніе — возвращеніе тройной цѣны украденной вещи. Первое же преступленіе есть открытое нападеніе и насильственное, съ истязаніемъ соединенное похищеніе вещи, слѣдовательно и выраженіе: «или възметь что любо дружинне» должно заключать въ себѣ подобное же преступленіе. Принимая *дружинне* за сред. родъ прилагательнаго *дружинный*, мы едва-ли не поймемъ истиннаго смысла мѣста[1]). *Дружина* есть соединеніе, совокупность, скопище нѣсколькихъ лицъ, откуда: *взять что-либо дружинне* значитъ похитить вещь также насильственно, но только посредствомъ совокупнаго нападенія нѣсколькихъ лицъ. Согласно съ этимъ толкованіемъ, разсматриваемая статья заключаетъ въ себѣ два обстоятельства: насильственное похищеніе вещи однимъ лицемъ, Русскимъ или Грекомъ, и насильственное похищеніе вещи, совершенное совокупностію лицъ. Такое объясненіе, не дѣлая нисколько насилія мысли, по крайней мѣрѣ оставляетъ неприкосновеннымъ одинаковое во всѣхъ спискахъ чтеніе и освобождаетъ отъ всякаго произвольнаго предположенія. Нельзя-ли здѣсь разумѣть ἑταιρίαν, которая, кромѣ обыкновеннаго своего значенія отряда охранительнаго Императорскаго войска изъ

---

1) Употребленіе прилагат. *дружиньный* подтверждается древнѣйшими нашими лѣтописями. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ: «и пріѣхавше сли, повѣдаша рѣчь дружиньню». Лаврент. стр. 158.

иноземцевъ, означала также просто партію, factionem [1])? Не утверждая безошибочности представленнаго объясненія, мы скажемъ въ заключеніе, что еслибы и должно было принять чтеніе *дружие*, то оно означало бы: пріятельское, дружеское, но никакъ: *чужое, другое* [2]).

Въ статьѣ о выдачѣ плѣнниковъ обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «и възвратять и̓ скупленое лице [3])», въ которомъ слово *лице* въ смыслѣ человѣка, субъекта обнаруживаетъ слѣды перевода. Какъ ни обыкновенно его употребленіе на современномъ намъ языкѣ, въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ этомъ смыслѣ, оно не встрѣчается. Такъ въ Русской правдѣ, гдѣ оно было бы всего умѣстнѣе, хотя и находимъ слово *личе*, но вовсе не въ смыслѣ субъекта, напр. въ статьѣ о *тадбѣ*: «а истьцю свое личемъ взяти [4])» и т. д., а въ смыслѣ *поличнаго*, или *всего, что есть налице* [5]). Въ томъ же значеніи *лице* встрѣчается и въ лѣтописяхъ, напр: «кдѣ что свое познавше лицемъ имати [6])». Не встрѣчая въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ слова *лице* въ упомянутомъ значеніи, мы основательно можемъ заключать, что въ договоръ Олега оно появилось изъ Визант. подлинника, на языкѣ котораго оно было общеупотребительнымъ, господствующимъ. Тоже обстоятельство, что въ самомъ Олеговомъ договорѣ оно употреблено только одинъ

---

1) Theoph. Cont. I. pag. 228. Самыхъ иностранцевъ, приходившихъ въ Константинополь для службы и торговли называли не ξένους а φίλους. Commentt. ad cerem. p. 55 sqq.

2) О значеніи слова *боропеніе* см. выше. О значеніи слова *епитимья* см. разсужд. Бѣляева. Оно употреблялось въ смыслѣ всякаго наказанія, хотя по преимуществу церковнаго; «ἐπιτίμιον, говоритъ Дюканжъ, quaevis mulcta vel poena delicto debita et imposita.

3) Мы предпочитаемъ раздѣльное чтеніе: «и̓ скупленое» на основаніи сходныхъ согласованій въ томъ же договорѣ: «обрѣтаемое да имуть ѐ; да пустимъ я съ честью проданое рухло лодья ихъ».

4) Русск. Достоп. II, 37 и др.

5) Ibd. стр. 72.

6) Лаврент. стр. 141.

разъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе подтверждаетъ заимствованіе. Видно, что переводчикъ, чувствуя различіе въ значеніи слова *лице* въ обоихъ языкахъ и избѣгая буквальной передачи его въ другихъ случаяхъ, по причинѣ слишкомъ близкаго къ подлиннику перевода, не могъ не измѣнить себѣ хотя одинъ разъ и не внести въ свой переводъ Греч. πρόσωπον, подобно дьякону Григорію, который, при всемъ своемъ стараніи сохранить букву подлинника, не могъ не внести въ свой трудъ оттѣнковъ роднаго говора. А что переводчики дѣйствительно избѣгали употребленія этого слова, подтверждается, кромѣ отсутствія его въ другихъ договорахъ, и слѣд. выраженіемъ Игорева договора: «аще ли обрящются Русь работающе у Грекъ, аще ли суть плѣньници, да искупають е Русь по 10 златникъ», гдѣ одинаковый смыслъ, одинаковыя слова заставляютъ ожидать тогоже слова. — На Визант. же языкѣ употребленіе πρόσωπον въ смыслѣ юридическаго лица повсемѣстно. Πρόσωπον est Graecis novis, говоритъ Рейске, persona ipsa, homo ipse» и ниже: «πρόσωπον pro persona, subjecto jam veteres dicebant [1])», а потому наши старинные переводчики должны были весьма часто имѣть съ нимъ дѣло. Древнѣйшіе переводы Кормчей представляютъ чрезвычайно любопытное явленіе относительно способа его передачи: стараясь избѣгать употребленія его вообще, переводчики, если когда-либо и употребляли его (впрочемъ весьма рѣдко), почитали необходимымъ присовокуплять особенное объясненіе, какъ-бы изъ опасенія быть непонятыми. Приведемъ нѣсколько примѣровъ на тотъ и другой случай. Самый обыкновенный способъ перевода πρόσωπον словомъ *человѣкъ*: «εἰ δε τὰ τοιαῦτα πρόσωπα ἐν κλήρῳ καταταγῇ — аще же та-

1) Commentt. ad Cerem. p. 316. На Визант. языкѣ оно имѣетъ различныя значенія, напр. значеніе *имени*: «ὁ αὐτὸς Ἰουστῖνος ἔκτισε τὸν λιμένα εἰς πρόσωπον (=ὄνομα) τῆς γυναικός. См. Дюканжа Gloss. Gr. Ἐκ προσώπων

ковіи *человѣци* впадутъ въ причетъ [1])». Представимъ болѣе случаевъ буквальнаго перевода того же слова съ объясненіемъ: «εἰ δε μὴ εὑρεθείη, ὡς εἰκὸς, τρία πρόσωπα πρὸς τὴν τοιαύτην ἐπιλογὴν—аще не обрящутся, яко же есть подобно, три *лица*, *рекше человѣцы* къ таковому избранію [2])». Или: «ἐπὶ γὰρ τοῖς προσώποις ἅτινα εἰς μοναστήρια ἢ ἀσκητήρια εἰσέλθωσιν—*о лицѣхъ бо, рекше отроцѣхъ, и о дѣвицахъ*, рекше въ монастыри, или въ постныхъ жилища внидуть [3])». Вотъ еще примѣръ: «εἰ δὲ ἔγκλημα εἴη τὸ καθ' οἷον δήποτε τῶν μνημονευθέντων εὐλαβεστάτων προσώπων ἐπιφερόμενον аще же грѣхъ будетъ наносимъ на кое-любо отъ преждереченныхъ благобоязнивыхъ *лицъ*, *рекше на причетника*» и т. д. [4]). Послѣ приведенныхъ примѣровъ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что слово *лице*, въ смыслѣ юридическаго лица, не было употребительно въ древнѣйшемъ нашемъ языкѣ. Каждый разъ, когда оно встрѣчается, вызываетъ переводчика на объясненія и дополненія, а потому мы почитаемъ себя въ правѣ тоже слово, употребленное въ договорѣ Олега однажды и какъ бы незамѣтно ускользнувшее отъ вниманія переводчика, почитать буквальнымъ переводомъ Греч. πρόσωπον.

Заглавіе слѣд. за тѣмъ статьи: «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у Хрестьяньского царя», по нашему мнѣнію,

---

εἰς πρόσωπα — отъ одного къ другому, выраженіе весьма употребительное у Константина. Cerem. pag. 707. lin. 6., 17 и др. Сравн. Прав. Соб. стр. 34. прав. 2. стр. 45, прав. 6 и др.

1) Обозр. Кормч. Кн. стр. 67. стат. 47 (прилож.).

2) Ibd. стр. 56. стат. 29.

3) Ibd. стр. 89. Переводчикъ опустилъ мѣстоименіе ἅτινα и перепуталъ все предложеніе.

4) Ibd. стр. 73. стат. 55. Глаголъ *ускочитъ* можетъ соотвѣтствовать Греч. ἐκπεδᾷν въ томъ же значеніи. Въ старинномъ переводѣ Кормчей выраженіе: «Ἐπίσκοπον μὴ ἐξεῖναι καταλείψαντα τὴν ἑαυτοῦ παροικίαν ἑτέρᾳ ἐπιπηδᾷν» переведено: . . . и во *иную преходити*. «Въ сходныхъ статьяхъ Русской Правды употреблены глаголы: «кроется или убѣжить». Рус. Достоп. II, 33, 49).

заключаетъ въ себѣ смыслъ нѣсколько отличный отъ общепринятаго. Всѣ касавшіеся этого предмета, отъ Татищева и Ломоносова до Соловьева включительно, принимали слово *работать* однозначущимъ съ словомъ *служить* [1]), причемъ всегда разумѣли службу добровольную, даже почетную. Но обращаясь къ древнѣйшимъ нашимъ памятникамъ, мы находимъ, что *работа*, согласно съ своимъ происхожденіемъ, равносильно слову *рабство* и *работать* всегда означаетъ находиться въ состояніи рабства, рабствовать. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Христіяне же избавлени тоя работы» (т. е. плѣна Половецкаго и рабства). Лѣтоп. Переяславс. стр. 79. «А не супротивныя народы (т. е. не могущихъ сопротивляться), жены и дѣти въ работу (т. е. въ плѣнъ и рабство) ввести» и ниже: «и паки начаша поганыи силу дѣяти на Псковичахъ нападеніемъ и работою» (Новг. IV, 42). «И оттолѣ нача работати Руская земля Татаромъ» (ibd. стр. 33). Въ томъ же значеніи встрѣчается оно и въ другомъ мѣстѣ Игорева договора: «ли человѣка поработить» (стр. 22). «Прочая люди овыхъ изби а другія работѣ предасть мужемъ своимъ.» Лавр. стр. 25. Въ старинныхъ переводахъ Кормчей *работа* переводитъ слово *δουλεία*, напр. «τῷ ἰδίῳ δεσπότῃ εἰς δουλείαν παραδιδόσθω — своему господину въ работу преданъ будеть» (Обозр. Кормч. Кн. стр. 69 стат. 50 и др.). Съ другой стороны понятно, что состояніе рабства и плѣна исключаетъ всякое право распоряженія имуществомъ въ случаѣ смерти, потому что такое распоряженіе предполагаетъ самостоятельную юридическую личность, которой рабъ и плѣнникъ, очевидно, не имѣютъ. Что подъ *работающими* въ настоящемъ смыслѣ дѣйствительно должно разумѣть рабовъ и плѣнниковъ,

1) Или съ выраженіемъ: обязать себя службою, какъ полагаетъ Эверсъ Др. Р. Пр. стр. 192

свидѣтельствуетъ слѣд. статья Игорева договора: «аще ли обрящются Русь *работающе* у Грекъ, аще ли суть *плѣньници*... аще ли *купилъ будеть* Грьчинъ... (стр. 21). Если же въ договорѣ Олега съ такою заботливостію, особою статьею, обезпечивается собственность *работающихъ въ Грецѣхъ*, что, въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ безъ завѣщанія, имущество препровождается въ ихъ отечество, то съ достовѣрностію должно полагать, что слово *работать* въ разсматриваемомъ мѣстѣ имѣетъ особенное значеніе, или скорѣе есть буквальный переводъ какого-либо Греч. слова, имѣющаго какое-либо отношеніе къ понятію *работы*.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе весьма употребительный на современномъ договорамъ Визант. языкѣ глаголъ πραγματέυειν (πραγματέυεσθαι), происходящій отъ πράγμα—дѣло, занятіе, трудъ и означающій: negotiare, mercari, торговать. Отсюда πραγματευτὴς означаетъ торговца, промышленника[1].» Πραγματευταί, говоритъ Рейске, означаетъ также agentes in rebus, actores rerum Augusti eo, quod cupita et flagitata comparabant, conquirebant, quales sunt profenetae, die Maeckler[2])». Весьма важно также, что при В. К. Ольгѣ въ Константинополѣ находились ἀποκρισιάριοι, πραγματευταί (которыхъ было 44) и ἑρμηνεύς[3]). Если бы даже въ настоящемъ случаѣ πραγματεύεσθαι и не имѣло частнаго значенія *торговли*, то оно могло относиться ко всѣмъ занятіямъ вообще и слѣдовательно означать всѣхъ Руссовъ, проживавшихъ въ Константинополѣ для какихъ бы-то ни было цѣлей. Переводчикъ, не понявъ особенна-

---

1) Αργυροπρᾶται καὶ πάντες πραματευταί. Cerem. II. p. 498. lin. 4. «Ita saepe apud novos Graecos, говоритъ Рейске. Commentt. ad cerem. p. 575. Отсюда πραγματεία negotiatio, mercatura, commercium.

2) Ibd.

3) Cerem. p. 595, lin. 4. Сравн. Velit. bell. p. 196. lin. 11. Весьма вѣроятно, говоритъ Эверсъ, что подъ πραγματευταί надобно разумѣть нашихъ гостей. Стр. 231.

го значенія глагола πραγματεύεσθαι и соображая единственно его этимологію, неправильно перевелъ его глаголомъ *работать* [1]). Что πραγματεύεσθαι дѣйствительно можетъ имѣть упомянутое общее значеніе, утверждаетъ и Эверсъ, разсуждая о словѣ πραγματεία и полагая, что это послѣднее въ нашихъ договорахъ могло быть переведено словомъ *купля*, касательно значенія котораго мы также не согласны съ лучшимъ изъ толкователей договоровъ.

«Я думаю, говоритъ Эверсъ, что выраженіе *купля* означаетъ здѣсь не одну торговлю, но вообще дѣло, занятіе. Первое (т. е. торговля) есть тѣснѣйшее знаменованіе *купли*, коимъ слово сіе съ раскрытіемъ Славянскихъ нарѣчій ограничено въ новѣйшія времена; послѣднее (дѣло, занятіе) обширнѣйшее, первоначальное значеніе, въ каковомъ оно употреблено и переводчикомъ. Примѣръ сему находится въ 2. Тимоѳ. II. 4, гдѣ переведено словомъ купля πραγματεία (занятіе дѣломъ, упражненіе въ чемъ нибудь» [2]). Странно, почему онъ не обратилъ вниманія на значеніе того же слова въ другихъ мѣстахъ договоровъ и представилъ вышепри-

---

1) Приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ хронографіи Ѳеофана, гдѣ πραγματεύεσθαι употребляется въ общемъ значеніи *занятія, дѣла*: «τὴν τῶν πλειόνων μᾶλλον καὶ ὁμοφύλων σωτηρίαν ἐχρῆν πραγματεύσασθαι, ἢ ἐπ᾽ ἀδήλοις καὶ ἀφανέσι πλουτεῖν», что Анастасій въ своей церковной Исторіи перевелъ такъ: «pro acquirenda tamen pluribus et contribulibus salute oportebat potius *decertare*», т. е. надлежало лучше *трудиться* (πραγματεύσασθαι) надъ пріобрѣтеніемъ благосостоянія многихъ. Замѣчательно, что Щербатовъ, кажется, на угадъ, по крайней мѣрѣ безъ всякаго объясненія, переводитъ такъ разсматриваемое нами мѣсто: «ежели кто изъ Россіанъ, *торгующихъ* въ Греціи, при смерти учинитъ завѣщаніе»... Нест. Шлец. II, 740. Въ приведенномъ нами примѣрѣ изъ velit. bell. p. 196. lin. 11. авторъ говоритъ, что при первомъ случаѣ о нападеніи непріятеля необходимо посылать лазутчиковъ и потомъ прибавляетъ: «παραχωρεῖν δὲ καὶ πραγματευτὰς εἰσέρχεσθαι», откуда видно, что πραγματευταί были въ родѣ странствующихъ промышленниковъ, торговцевъ, которые часто получали разныя порученія отъ своего Правительства и въ такомъ случаѣ исполняли должность пословъ. Нест. Шлёц. II, 654. Эверсъ стр. 216 — 217.

2) Древ. Рус. Пр. стр. 215.

*

веденное объясненіе только на основаніи одного мѣста Игорева договора: «аще придуть Русь безъ *купли*, да не взимають мѣсячина» (стр. 21). Соображая же употребленіе слова *купля* во всѣхъ договорахъ, мы замѣчаемъ, что оно довольно разнообразно и означаетъ: 1) торговлю вообще, Handelsgeschäfte Шлецера и, слѣдовательно, однозначительно съ πραγματεία въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Сюда относятся выраженія: *взимать куплю* (15) и *творить куплю* (21), т. е. вести торгъ, торговать. На современномъ договорамъ Византійскомъ языкѣ также встрѣчаемъ подобное выраженіе — ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνήσεις, впрочемъ въ болѣе ограниченномъ смыслѣ [1]). Въ древнѣйшемъ переводѣ хроники Іоанна Малалы Ἐμπορεύεσθαι (торговать) переведено: «*куплю дѣяти*» [2]). Въ Остромировомъ Евангеліи прилагательное *коупльнъій* употреблено въ значеніи *торговли*: «не творите домоу отца моего домоу *коупльнаго* — οἶκον ἐμπορίου» [3]), хотя въ немъ и встрѣчается слово *тържьникъ* — торговецъ. Въ Русской Правдѣ встрѣчается также слово *купля* въ значеніи торговли, но, какъ видно, только внутренней, потому что, безъ сомнѣнія, для означенія внѣшней торговли употреблено рядомъ слово *гостьба*: «аже купѣць кто в *куплю* дасть куны или в *гостьбу*, то купцю предъ послухи кунъ не имати» [4]). Впрочемъ въ Русской Правдѣ встрѣчается и слово *торгъ*, наприм. «вести на торгъ [5]). То

1) Καὶ τοὺς μεν δυνατοὺς ἐκ δυνατῶν μόνον ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνήσεις βουλόμεθα» и ниже: «οὕτως πάλιν ἐκείνους ἀπείργομεν τοῦ μὴ ἐκ πενήτων τε καὶ στρατιωτῶν ἀπόρων ποιεῖσθαι τὰς ἐξωνήσεις. Corp. script. Hist. Byzant. p. XI. p. 321. lin. 12—17.

2) Ἐγένετο ὡσεὶ ναῦς ἐμπορευομένη μακρόθεν: бысть яко и корабль, *куплю дѣющъ* издалеча». Предисл. кн. Оболенск. къ лѣтописцу Переясл. Времен. № 9 ст. XC.

3) Остр. Ев. стр. 9, 1. Глаголъ же *купить* здѣсь всегда означаетъ покупать—ἀγοράζειν.

4) Рус. Дост. II. 43.

5) Ibd. стр. 49.

обстоятельство, что последнее слово вовсе не встречается ни въ одномъ договорѣ, хотя нужда въ немъ весьма ощутительна, я почитаю новымъ доказательствомъ глубокой древности языка договоровъ, а слѣдовательно и безусловной подлинности послѣднихъ: нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху ихъ перевода еще не начинали своего существованія слова — *торгъ* и *товаръ*, хотя и появились скоро. Такъ еще Несторъ употребляетъ выраженіе: *торгъ дѣяти*, а не *творить*, или *взимать куплю*: «и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ (площади) посреди града, идѣже *торгъ дѣють* Корсуняне» [1]). Нѣтъ ничего полезнѣе, какъ слѣдить за историческою судьбою каждаго слова по памятникамъ, указывать на послѣдовательное измѣненіе его значеній: такая исторія не только изобразила бы наглядно состояніе Русскаго языка въ каждую эпоху по отношенію къ его матеріалу, но и самую жизнь народа; а сколько устранено было бы сомнѣній и недоразумѣній въ пониманіи многихъ событій въ исторіи народа! Это лучшая и плодотворнѣйшая вѣтвь Славяно-Русской Филологіи. 2) Изъ нѣкоторыхъ выраженій договоровъ видно, что слово *купля* означало также и предметъ торговли—*товаръ*, напр. «спотружаемъся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допровадимъ съ куплею ихъ по здорову» (15). Сюда же, вѣроятно, относятся выраженія: «егда ходимъ въ Грекы, или *съ куплею*, или въ солбу; аще придуть Русь *безъ купли*, да не взимаютъ мѣсячина». Здѣсь должно сказать тоже, что мы сказали по отношенію къ первому значенію, т. е. что отсутствіе слова *товаръ*, замѣненнаго словомъ *купля* есть признакъ глубокой древности языка нашихъ грамотъ. Также какъ торгъ, товаръ скоро появляется въ древнѣйшихъ памятникахъ, и притомъ съ различными значеніями. Древнѣйшимъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, дол-

1) Лаврент. стр. 47.

жно полагать то, въ которомъ это слово употреблено, напр. въ слѣдующемъ выраженіи Нестора: «Володимеръ же приде въ *товары* и посла биричи по товаромъ» [1]), т. е. значеніе *стана.* Ближайшее къ этому значенію и, вѣроятно, слѣдовавшее за нимъ по времени—*обозъ:* «а товаръ Новгородци князю Дмитрію всь даша [2]); а товаръ его всь розграбиша» [3]). Наконецъ уже это послѣднее понятіе могло перейти въ понятіе *имущества,* чему примѣровъ весьма много [4]), а понятіе имущества — получить еще болѣе ограниченное значеніе—*товара,* какъ предмета торговли. 3) Купля имѣетъ еще въ нашихъ договорахъ значеніе *покупки* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «или мниться на дань въ куплю челядиная цѣна» и ниже: «и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть *купля»* (15). Итакъ *торговля, товаръ* и *покупка* — вотъ три значенія слова *купля* въ договорахъ и полагаемъ, что никакъ нельзя не допустить этой тройственности значенія, какъ скоро вникнемъ въ каждое изъ приведенныхъ выраженій въ ихъ связи съ предъидущими и послѣдующими. Эта замѣна трехъ понятій однимъ словомъ, повторяемъ, сильно говоритъ въ пользу древности языка разсматриваемыхъ памятниковъ и указываетъ на ту эпоху, когда торговля еще не вошла въ жизнь народа, не была еще его насущною потребностію, а потому онъ и не успѣлъ образовать словъ для выраженія ея и ея предмета—товара. Отсюда видно, что толкованіе Эверсомъ выраженія: «аще придуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячина», нельзя признать справедливымъ. Если и допу-

1) Лаврент. 52. Или въ слѣд. мѣстѣ лѣтописца Переясл.: «и принесоша и лѣ жива въ товары». стр. 93.

2) Новг. I. 59.

3) Ibd. 73.

4) Того же лѣта роспрѣвшеся убойци Миндовгови о *товарѣ* его. Новг. I. 58. или въ Русской Правдѣ стр. 53, 117 и др. На ново-Чешскомъ языкѣ существ. *койре* имѣетъ значеніе *товара.*

стимъ, что было время, когда слово *купля* имѣло *обширнѣйшее, первоначальное* значеніе — дѣла, занятія вообще, то нельзя не видѣть, что это время далеко предшествовало эпохѣ составленія договоровъ. Переходимъ къ подобному же обозрѣнію вступленія, заключенія и самыхъ статей Игорева договора.

Мы уже замѣтили выше, что Игоревъ договоръ, по отношенію къ числу признаковъ, обнаруживающихъ вліяніе Византійскаго элемента вообще, представляетъ рѣзкое отличіе отъ Олегова. Такое замѣчаніе всего болѣе подтверждается разсмотрѣніемъ его отдѣльныхъ словъ и выраженій. Укажемъ здѣсь на главныя черты этого отличія: 1) въ немъ нѣтъ такого обилія рѣзкихъ грецизмовъ, на основаніи которыхъ можно тотчасъ сдѣлать заключеніе о первоначальномъ его происхожденіи; въ немъ не встрѣтимъ, какъ въ Олеговомъ договорѣ, множества насильственныхъ синтаксическихъ построеній, обличающихъ буквальный переводъ; въ немъ не найдемъ, ни полнаго титула Византійскихъ Императоровъ, называющихся только «великими царями Гречьскими», ни *свѣтлости* Великаго Князя Русскаго, ни *свѣтлыхъ князей*, ни вообще *сущихъ подъ рукою*. Изъ всѣхъ возможныхъ предположеній о причинѣ такого отличія намъ кажется наиболѣе заслуживающимъ вѣроятія то, что договоръ Олега заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе признаковъ оффиціальности, а потому и болѣе возвышенности рѣчи и болѣе частаго употребленія оффиціальныхъ выраженій. Наше замѣчаніе подтверждается заключеніемъ Эверса, сдѣланнымъ съ юридической точки зрѣнія и состоящимъ въ томъ, что на договоръ Игоря должно смотрѣть какъ на дополненіе къ Олегову [1]). 2) Переводчикъ Игорева договора не стѣснялся буквою подлинника, а находилъ въ себѣ

1) Др. Рус. Пр. стр. 146.

довольно силъ, чтобы озаботиться не только чистотою, но и красотою своего языка. Оттого у него нерѣдко встрѣчаются выраженія, подобныя слудующимъ: «да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими» и проч. Впрочемъ не должно думать, чтобы Игоревъ договоръ вовсе не заключалъ въ себѣ грецизмовь по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ: грецизмы встрѣчаются и въ немъ, хотя и не въ изобиліи, что все равно для вывода общаго заключенія о его происхожденіи: нѣсколько словъ, несомнѣнно переведенныхъ буквально съ Греческаго языка, стольже сильно говорятъ въ пользу переводнаго значенія грамоты, сколько ихъ двойное или тройное число. Постараемся указать на эти грецизмы.

Въ самомъ вступленіи обратимъ вниманіе на слово *объчій:* «и объчіи сли». Вникая въ смыслъ выраженія, мы полагаемъ, что его должно относить ко всѣмъ лицамъ вообще, облеченнымъ какою-либо властію въ землѣ Русской, имѣющимъ какое-либо правительственное значеніе. Вѣроятно, подъ *объчими* послами разумѣются послы отъ *свѣтлыхъ князей* Олегова договора, или отъ *боляръ*, какъ они переименованы въ Игоревомъ.

Въ заключеніи Игорева договора, начинающемся словами: «мы же съвѣщаньемъ все написахомъ»... мы обратимъ вниманіе на выраженіе: «и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана»[1]..

---

1) Особенности въ разсматриваемомъ отношеніи, находящіяся во вступленіи Игорева договора, общія съ особенностями во вступленіи Олегова, указаны выше. Что же касается до слова *нети* (нетій), то мы ничего не можемъ присоединить (да едва-ли и можно) къ превосходному его объясненію Круга; также какъ и онъ мы приравниваемъ его ἀνεψιός, подъ которымъ должно разумѣть дѣтей какъ брата, такъ и сестры, а не одной сестры, какъ можно бы было понимать, согласно съ объясненіемъ, находящимся въ Никоновс. лѣтописи. (V, 88). Kritisch. Vers. etc. p. 210—215.

Во всемъ договорѣ слово *царство* имѣетъ значеніе Царя и въ этомъ смыслѣ употребляется какъ оффиціальный, общеупотребительный терминъ. Касательно явнаго, несомнѣннаго и притомъ буквальнаго перевода этого слова съ Греч. языка нѣтъ нужды распространяться, потому что, безъ сомнѣнія, всякій, кто только внимательно читалъ наши договоры, съ перваго взгляда признавалъ его несвоеземнымъ. Мы укажемъ только на немногіе случаи оффиціальнаго употребленія βασιλεία вм. βασιλεὺς. Въ народныхъ восклицаніяхъ, приводимыхъ Константиномъ, такое употребленіе постоянно [1]. На средневѣковомъ Лат. языкѣ тоже самое значеніе имѣетъ слово *imperium* [2]. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ, довольно рѣзкій: «ὁ ἵππος, ᾧ ἐποχεῖται ἡ βασιλεία σου, ἐμός ἐστιν [3]». «Βασιλεία, говоритъ Дюканжъ, titulus honorarius, Imperatoribus attributus, cum compellabantur hacce fere formula: σὴ βασιλεία el βασιλεία σου... Βασιλείας vocabulo ac titulo compellabantur etiam Despotae et Caesares, Imperatorum filii [4]». Изъ приведенныхъ примѣровъ оказывается несомнѣннымъ заимствованіе изъ Греч. подлинника господствующаго во всемъ Игоревомъ договорѣ слова *царство*. Постоянное употребленіе такого слова, даже при отсутствіи другихъ доказательствъ, можетъ одно

---

1) Рейске постоянно переводитъ его словами: majestas nostra imperialis, и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «potuissem ex formula medii aevi vertere *imperium* meum». Commentt. ad Cerem. p. 611.

2) Такъ оно встрѣчается у Лютпранда, pag. 12., гдѣ также находится сходное выраженіе: «ἡ ἁγία σου δεσποτεία».

3) Theoph. Cont. p. 637. lin. 21.

4) Matthaeus monachus, продолжаетъ Дюканжъ, in catalogo officiorum palatii, de Despota Sebastocratore et Caesare ὅιπερ ἐπεφημίζουσιν πρόσρησιν βασιλείας». Подъ словомъ βασιλεία. Тотъ же титулъ имѣлъ Никифоръ Бріенній, супругъ Анны Комнены; имъ же именовались Императрицы. Несравненно рѣже въ томъ же смыслѣ употребляется βασίλειον; Дюканжъ приводитъ только два примѣра его употребленія. Объ употребленіи же множеств. числа при βασιλεία, перешедшаго и въ нашъ договоръ, говорили выше.

привести къ заключенію о Греческомъ происхожденіи договора. Намъ остается только сказать, что переводчикъ буквально держался подлинника, не думая о томъ, что слово *царство*, въ упомянутомъ значеніи, не имѣетъ никакого смысла на языкѣ, на который онъ переводилъ. Не такъ передаютъ это слово древнѣйшіе переводы Кормчей: вездѣ, гдѣ ни встрѣчается въ подлинникѣ *βασιλεία*, въ переводѣ видимъ Царя, напр: «*καὶ οὕτως συνεισιέναι πρὸς τὴν βασιλείαν αὐτοῖς*» переведено: «и тако потомъ съ ними восходити къ цареви[1])».

Конца разсматриваемаго предложенія нѣтъ въ Лаврент. спискѣ, равно и начала слѣдующаго: «а отходяче со сломъ царства нашего», но и то и другое, по всей вѣроятности, должно входить въ грамоту. Согласно съ формами, которыя соблюдались при составленіи документовъ этого рода, весьма естественно могло быть упомянуто въ настоящемъ случаѣ о крестѣ и о подписѣ пословъ. Крестъ составлялъ необходимую принадлежность подобныхъ грамотъ и былъ общеупотребительнымъ способомъ ихъ скрѣпленія; его изображеніе служило символомъ imperatoris christianissimi и вмѣстѣ постоянно напоминало клятву, данную въ сохраненіи запечатлѣнныхъ имъ мирныхъ постановленій. Изображать крестъ на дипломатическихъ и вообще юридическихъ актахъ было даже особенностію Визант. двора, а потому выраженіе договора: «на ней же есть крестъ и имена наша написана», какъ сохранившее эту особенность, служитъ новымъ доказательствомъ подлинности грамоты, а вмѣстѣ и ея переводнаго значенія. Крестъ часто замѣнялъ собою даже подпись и былъ такимъ образомъ единственнымъ средствомъ скрѣпленія. «Cruce subscribere, говоритъ Дюканжъ, seu signum crucis *subscriptionis vice* chartis

---

1) Обозр. Кормч. Кн. Прилож. стр. 26, 27 и т. д.

et instrumentis apponere[1])»... Отсюда произошло слово *σταυροπατία* — клятвопреступленіе и *σταυροπάτης* — клятвопреступникъ. О существовавшемъ обычаѣ подписывать свои имена подъ разными актами почитаю излишнимъ говорить, какъ о предметѣ общеизвѣстномъ. Такъ какъ крестъ только для Христіанъ могъ служить знакомъ удостовѣренія, то понятно, почему его не изображали па грамотахъ, назначенныхъ къ язычникамъ. Оттого-то въ другомъ экземплярѣ грамоты, въ *другомъ свѣщаньи*, сказано только: «на ней же суть имена наша написана», что также служитъ важнымъ доказательствомъ ея подлинности.—Другой способъ скрѣпленія грамотъ есть *клятва*. Въ Игоревомъ договорѣ она выражена такъ: «мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все»,.. совершенно согласно съ употребленіемъ клятвы на востокѣ и западѣ у Христіанъ. Такъ во первыхъ клятва совершалась въ храмахъ: «sacramenta in ecclesiis peragebantur[2])», во вторыхъ, между многими родами клятвъ, клятва честнымъ крестомъ была первою, важнѣйшею и дѣйствительнѣйшею[3]). Изъ сказаннаго видно, что договорная грамота Игоря скрѣплена была согласно съ обы-

---

1) Дюканжъ Gloss. Lat. подъ словомъ *crux*. Примѣровъ, гдѣ говорится объ изображеніи крестовъ для скрѣпленія грамотъ, множество. Такъ одинъ изъ продолжателей Ѳеофана говоритъ: «καὶ βάψαντες ὅτε βασιλεὺς καὶ ὁ Βασίλειος τοὺς τιμίους ὑπέγραψαν σταυροὺς, ὅρκῳ βεβαιοῦντες Theoph. Cont. p. 829. lin. 17. Сравн. Дюканжа Gloss. gr. подъ словомъ σταυρός.

2) Дюканжъ Gloss. Lat. II, 880.

3) Дюканжъ въ приведенномъ мѣстѣ перечисляетъ разные роды клятвъ: sacramentum *super crucem*, super altare, super canonem ecclesiae, super sanctas reliquias etc. Между клятвами, употреблявшимися тогда въ Имперіи, упоминается иногда у писателей Визант. ἔγραφος ὅρκος, которая, вѣроятно, равняется нашей присягѣ, т. е. клятва съ письменнымъ изложеніемъ ея предмета. «Quae quidem scripto concepta sacramenta, говоритъ Дюканжъ, eandem vim habent, quam quae corporaliter praestita, ita ut qui ea infringit perjurus aeque sit ac alter. Gloss. Lat. подъ словомъ *jurare*.

чаями, господствовавшими въ Визант. Имперіи. Самое выраженіе: «предлежащемъ честнымъ крестомъ» соотвѣтствуетъ подобнымъ же, весьма часто встрѣчающимся у Визант. писателей выраженіямъ, напр: «προκειμένων τῶν ἁγίων εὐαγγελίων γενέσθαι τὴν ἐπιλογήν[1])., προκειμένων τῶν ἁγίων εὐαγγελίων, κινδύνῳ τῶν ἰδιῶν ψυχῶν — предлежащу святому евангелію кленутся въ бѣду своихъ душъ» и проч.[2]).

Изъ отдѣльныхъ словъ и выраженій въ самыхъ статьяхъ укажемъ здѣсь прежде всего на глаголъ *увѣдѣти*, въ смыслѣ опредѣлить, постановить, рѣшить: «нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему». Съ одной стороны то, что такое значеніе вовсе не оправдывается нашими древнѣйшими памятниками, въ которыхъ *увѣдѣти* всегда заключаетъ въ себѣ понятіе *знанія*, съ другой сходство въ употребленіи однозначенательнаго глагола на Визант. языкѣ побуждаютъ насъ признать его буквальнымъ переводомъ съ Визант. подлинника. Дѣйствительно, глаголы: γιγνώσκειν, διαγιγνώσκειν, εἰδέναι, прямо соотвѣтствующіе нашимъ *вѣдѣти* и *увѣдѣти*, на современномъ договорамъ Визант. языкѣ почти постоянно употребляются въ смыслѣ: *постановить*, *рѣшить*, decernere, statuere. Вотъ нѣсколько примѣровъ безъ всякаго выбора: ἔγνω μηκέτι διαμέλλειν καὶ τὸν καιρὸν κατατρίβειν[3])». Или: «ἔγνω οὖν αὐτίκα νεωτερίζειν[4])». Въ томъ же значеніи употребляется διαγιγνώσκειν, напр: ἐξυδατῶσαι πόλιν διέγνωκε[5])» и εἰδέναι: «συνεῖδε μηκέτι διαμέλλειν ἢ ῥαθυμεῖν[4])». Значеніе глагола εἰδέναι на Визант. языкѣ еще обширнѣе: «solent

1) Cerem I, 419. lin. 20.
2) Обозр. Кормч. Кн. Прилож. стр. 55, 62 и др.
3) Leo Diac. I, 10.
4) Ibd. p. 31 etc.
5) Theoph. p. 59. lin. 5. p. 60. lin. 10. и др.
6) Leo Diac. VII, 116. lin. 20.

Graeci recentiores maxime, говоритъ Рейске, verbum οἶδε *novit* pro εἴωθε consuevit adhibere [1])».

Выраженія: *царевъ мужъ* и *мужъ царства нашего*, т. е. нашъ мужъ, также представляются буквальнымъ переводомъ Греч. ἄνθρωπος βασιλέως, ἄνθρωπος τῆς ἡμετέρας βασιλείας (=ἡμῶν). Подъ ними, конечно, должно разумѣть особыхъ царскихъ чиновниковъ. Не смотря на частое употребленіе слова *мужъ*, въ смыслѣ почетнаго сановника, въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, въ настоящемъ случаѣ, въ соединеніи съ выраженіемъ: *царства нашего*, явно обличающимъ буквальный переводъ, оно прямо указываетъ на Греч. ἄνθρωπος, также весьма употребительное у Визант. писателей въ разныхъ значеніяхъ, напр: слуги (famulus), вассала: «Δέδωκε δε Σαμωνᾶς Κωνσταντῖνον, ἄνθρωπον αὐτοῦ, τὸν δουλεύσαντα πρότερον Βασιλείῳ μαγίστρῳ καὶ ἐπὶ τοῦ κανικλείου δουλεύειν Ζωῇ Αὐγούστῃ [2])»; «πείθει παραχρῆμα ἄνθρωπον αὐτοῦ γενέσθαι, τὸν τοῖς Λατίνοις συνήθη ὅρκον ἐπομοσάμενον [3])». Въ другомъ мѣстѣ Алексіады ἄνθρωπος объясняется словами: λίζιος οἰκέτης, ὑποχείριος [4]); употребляется также и въ значеніи нашихъ древнихъ мужей. Константинъ, описывая угощеніе Ольги, говоритъ: «ἐν δὲ τῷ χρισοτρικλίνῳ γέγωνεν ἕτερον κλητώριον καὶ ἔφαγον ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ρωσίας, καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευτάι» и ниже: «οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου [5])». Въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія упоминаются прямо βασιλικοὶ ἄνθρωποι, напр: «οἱ λοιποὶ τῆς συγκλήτου μετὰ τῶν βασιλικῶν ἀνθρώπων [6])», —

1) Commentt. ad Cerem. p. 5. *Мѣсячина* и *мѣсячное*, какъ опредѣленное содержаніе, которое получали послы и гости въ Византіи, вѣроятно, есть переводъ Греч. μηναία, μηναιορόγιον, или μηνίαια, μηνίσιαι ἀννῶναι. Сравн. Нест. Шлёц. II, стр. 655—6. Эверсъ стр. 214.

2) Georg. monach. p. 869. lin. 1.

3) Alexiad. lib. 10. p. 289.

4) См. Дюканжа Gloss. Gr. подъ словомъ ἄνθρωπος.

5) Cerem. II, 597.

6) Cerem. II, 600. lin. 12. p. 697. lin. 21 и проч.

въ переводѣ: «homines imperiales»; здѣсь они упоминаются въ числѣ изъятыхъ отъ военной службы. Въ разсматриваемыхъ мѣстахъ договора подъ *царевымъ мужемъ* и *мужемъ царства нашего*, безъ сомнѣнія, нельзя разумѣть какого-либо ближайшаго и довѣреннѣйшаго сановника Императора, а простаго Императорскаго чиновника, имѣвшаго обязанность осматривать купленныя иностранцами ткани. Этотъ осмотръ имѣлъ цѣлію ограничить покупку, какъ по отношенію къ количеству, въ чемъ удостовѣряютъ насъ слова Игорева договора: «да не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ», такъ и по отношенію къ качеству (ποσότητα καὶ ποιότητα), что узнаемъ изъ слѣд. словъ Люитпранда: «et quoniam te in decorem suum quaedam pallia (паволоки) emisse putamus, ut in medium proferantur, edicimus, quae sunt vobis digna, *plumbea notentur bulla vobisque sinantur*[1]), qnae vero κωλυόμενα, id est nationibus omnibus, prae nobis Romanis, prohibita, pretio reddito auferantur[2])». Что касается до слова *крьнеть*, то, безъ сомнѣнія, должно полагать, что оно означаетъ *купить*. Это предположеніе подтверждается a) тѣмъ, что купить находится во всѣхъ спискахъ кромѣ Лаврент., b) совершенно соотвѣтствующимъ выраженіемъ Люитпранда»... quonim te... quaedam pallia emisse putamns... plumbea notentur bulla vobisque sinantur» и c) такимъ же значеніемъ глагола *крьнеть*, находящагося въ Русской правдѣ, въ статьѣ о холопствѣ: «аже кто *крьнеть*[3]) чюжъ холопъ не вѣдая, то пьрвому господину холопъ пояти, а оному куны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь *купилъ*[4]).» Ясно, что здѣсь одинъ и тотъ

---

1) Отмѣченныя слова почти буквально соотвѣтствуютъ словамъ договора «и то е запечатаеть и дасть имъ».

2) Legat. Luitpr. ad Niceph. Phoc. Corp. scriptt. Hist. Byzant. XI, 366.

3) Варіанты: *кренетъ* — сп. Котельницк., *коупитъ* — Бекетова.

4) Русск. Достоп. I, 57.

же писецъ въ одномъ случаѣ употребилъ *крьнеть*, а въ другомъ, совершенно въ томъ же смыслѣ, *купить*.

Нельзя не остановиться также на выраженіи: «и да *возъвращаются съ спасеніемъ* въ страну свою.» Какъ понимать слова: *съ спасеніемъ*? Означаютъ-ли онѣ: безопасно, благополучно, поздорову, или: съ охраненіемъ, съ прикрытіемъ, съ проводникомъ? Обращаясь къ толкователямъ договоровъ, мы видимъ, что бóльшая ихъ часть держалась послѣдняго мнѣнія, слѣдовательно придавала слову *спасеніе* особенное, переносное значеніе. Такъ Татищевъ и Елагинъ переводятъ — *съ письмомъ* (грамотою, паспортомъ), Ломоносовъ — *съ прикрытіемъ Греческимъ* [1]). Этому же мнѣнію слѣдуетъ и Эверсъ [2]), между тѣмъ какъ Шлецеръ переводитъ *безопасно* [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что подъ *спасеніемъ* здѣсь должно разумѣть *проводниковъ*, охранительный отрядъ, прикрытіе, что подтверждается: 1) тѣмъ, что не только въ Византійскомъ, но и въ другихъ государствахъ существовалъ обычай охранять съ величайшею заботливостію иностранныхъ пословъ на пути, для чего назначались особыя лица, снабженныя инструкціями отъ своихъ Государей. 2) Въ разсматриваемомъ мѣстѣ упомянуто о снабженіи на дорогу пищею, необходимыми для плаванія матеріалами, и въ заключеніе говорится о *проводникахъ*, какъ о предметѣ, наиболѣе необходимомъ. Какое же значеніе имѣло бы выраженіе *съ спасеніемъ*, если бы мы признали справедливымъ переводъ Шлецера? Что значитъ: «пусть возвращаются *безопасно* въ страну свою,» когда не упоминается о средствахъ для этой безопасности? Тѣмъ не естественнѣе въ дипломатическомъ актѣ выраженіе: по здорову, благополучно, и наоборотъ тѣмъ несомнѣннѣе

1) Несторъ Шлецера III, 132.
2) Др. Рус. Прав. стр. 219.
3) Нест. Шлец. III, 131.

другое объясненіе, что оно 3) находитъ себѣ полное оправданіе на Византійскомъ языкѣ. Мы съ увѣренностію полагаемъ, что переводчикъ имѣлъ передъ глазами выраженіе: μετὰ διασώσεως, или μετὰ διασώστῃ и буквально его перевелъ: *съ спасеніемъ*, между тѣмъ какъ подъ тѣмъ и другимъ разумѣются проводники, упомянутое прикрытіе. Слова: διασώζειν, διάσωσις и διασώστης, въ смыслѣ охраненія на пути, на Византійскомъ языкѣ были какъ-бы техническими и до того употребительными, что одно изъ нихъ (διασώστης) перешло даже въ средневѣковой Латинскій языкъ. Вотъ объясненіе Дюканжа: «διασώζειν — conducere, salvum et incolumem praestare. Hinc vox διασώζειν nude usurpata, pro *deducere*,» при чемъ приводится слѣдующій примѣръ: «καὶ οὕτω κατελθόντες τοῦ παλατίου καὶ ἐπιβάντες τῶν ἵππων διεσώσαμεν τὸν Πατριάρχην εἰς τὴν ἑτοιμασθεῖσαν αὐτῷ οἰκίαν.» «Διάσωσις, продолжаетъ Дюканжъ, conductus: «καὶ καστελλάτους καράβους παρασχεθῆναι εἰς διάσωσιν αὐτῶν, πρὸς τὸ πάντῃ ἀβλαβεῖς καὶ ἀκινδύνους ἀποκατασθῆναι πρὸς ὑμᾶς. Διασώστης — conductor, ductor: διασῶσται и διασώζοντες τὸ στράτευμα in Nov. etc.» «Ipse jam Sophocles, говоритъ Рейске, σωτὴρ dicit pro comite itineris, qui peregrinantem salvum et sospitem eo, quo destinatio fert, traducit» [1]). Люитпрандъ, Епископъ Кремонскій, посолъ Императора Оттона къ Никифору Фокѣ, въ описаніи своего посольства два раза упоминаетъ о спутникахъ, назначенныхъ отъ Императора Византійскаго для охраненія его во время пути, при чемъ однажды приводитъ даже слово διασώστης, какъ общеупотребительное: «sicque nimis, ut res poscebat, turbatus, διασώστῃ, *id est ductori meo*, quinquaginta aureorum res pretio dedi» и на слѣдующей страницѣ: «Naupactum egressus biduo ad Offidarim fluvium usque per-

---

1) Comment. ad cerem. pag. 393. Νύμφαι νόστου σώτειραι.

veni, est *meis comitibus* non in naviculis, quae eos capere non poterant residentibus, sed secus littus pergentibus»[1]).

Въ выраженіи: «а о Корсуньстѣй странѣ, еликоже есть городовъ на той *части»* слово *часть* намъ представляется также переводомъ Греческаго μέρος, какъ по причинѣ неупотребительности его въ этомъ значеніи въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, такъ наоборотъ по причинѣ весьма частаго употребленія μέρος вмѣсто χώρα на Византійскомъ языкѣ. «Μέρος, говоритъ Рейске, saepe Graecis novis pro *plaga, tractu* ponitur»[2]). Въ вышеупомянутыхъ отрывкахъ перевода хроники Іоанна Малалы μέρος, въ значеніи χώρα, Славянскій переводчикъ передаетъ словомъ *страна*: «ὁ δε καῖσαρ ὁ δικτάτωρ μετα τὸ φονευθῆναι τὸν Κράσσον, παραληφθέντα ὑπὸ Περσῶν πολέμῳ ἐν τοῖς Περσικοῖς μέρεσιν ἔμεινε πολεμῶν μετὰ τοῦ πλήθους αὐτοῦ ἐν τοῖς μέρεσι τῆς δύσεως — по оубіеніи же Іерокана, ята Пръсы на сѣчи *въ Прьскыхъ странахъ*, бѣ воюя с вои своими *западняя страны.»* Въ другомъ мѣстѣ: «καταλιπὼν τὰ δυτικὰ μέρη ἐπὶ τὴν ἀνατολὴν ἐξώρμησε — оставивъ *западняя страны* на въсточныя устремися»[3]). Въ другихъ мѣстахъ договора переводчикъ могъ переводить μέρος словами: страна, власть, отступая отъ первоначальнаго, буквальнаго значенія[4]). До-

1) Legat Luitpr. pag. 367 и 368.
2) Commentt. ad cerem. p. 233.
3) Временникъ. № 9, стр. XLI.
4) Замѣчательно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ слово *страна* иногда употребляется въ смыслѣ *чужой страны*, напр. «и възложи сему (Антонію) Богъ въ сердце *въ страну* ити, онъ же устремися въ Святую Гору» (Лавр. 67). Въ другомъ мѣстѣ: «се же прообрази, яко иностраньни бѣша преже суша, а Жидове руно, послѣ же *на странахъ* роса, еже есть святое крещенье, а на Жидѣхъ суша» (Ibd. стр. 45). Должно полагать, что это значеніе есть древнѣйшее, хотя въ той же лѣтописи слово *страна* означаетъ и *сторону* (Seite): «по обѣма странама» стр. 82. Переходомъ отъ перваго значенія ко второму было, вѣроятно, то, которое мы видимъ напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи: «начахъ тужити, еда како *на страну* (въ сторону) копаемъ.» стр. 90.

казательствомъ же того, что слово *часть*, въ упомянутомъ смыслѣ, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ, общеупотребительныхъ значеній, служитъ и то, что нѣкоторые переписчики замѣнили его, какъ неупотребительное, словомъ *страна* [1]. Кромѣ того два раза въ разсматриваемомъ предложеніи слово *страна* употреблено въ единств. числѣ и однажды во множеств. числѣ, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ оно, очевидно, относится къ одной странѣ Корсунской. Нѣтъ сомнѣнія, что и составитель Греческой договорной грамоты, во избѣжаніе частаго повторенія слова χώρα (его должно было повторить 4 раза на двухъ строкахъ), употребилъ раза два μέρη, чему послѣдовалъ и нашъ переводчикъ, только не совсѣмъ послѣдовательно, а именно: въ одномъ случаѣ онъ употребилъ слово *часть* въ единств. числѣ вмѣсто множественнаго, а въ другомъ, вѣроятно, тоже μέρη перевелъ *страны*, вмѣсто *страна*. Эта-то непослѣдовательность переводчика и ввела въ заблужденіе нѣкоторыхъ толкователей содержанія договоровъ, въ особенности Эверса, основавшаго свое толкованіе на множественномъ числѣ — *страны* и на очевидно-неправильномъ чтеніи *всѣхъ* вмѣсто *тѣхъ*. Вотъ переводъ Эверса: «что касается Херсонской страны, то Русскіе Князья да не присвоиваютъ себѣ ни малѣйшей власти *надъ всѣми ея городами*; не возбраняется воевать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ (!), только да не покоряютъ сей страны» (стр. 226). Мы не можемъ согласиться съ этимъ толкованіемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) потому что приняты въ соображеніе позднѣйшіе списки и не обращено никакого вниманія на древнѣйшіе. Эверсъ даже и не упомянулъ объ нихъ. 2) Неизвѣстно почему, опущено мѣстоименіе *той* — «на той части» (сторонѣ Радз. и Тр.), между

1) Радз. и Тр. списки.

тѣмъ какъ оно находится во всѣхъ спискахъ. 3) Выраженіе: *имати волость* или *власть* весьма употребительно въ Игоревомъ договорѣ, но изъ четырехъ мѣстъ, въ которыхъ оно встрѣчается, ни въ одномъ не употреблено отдѣльно, независимо, самостоятельно, безъ всякаго ближайшаго опредѣленія [1]), какъ то допускаетъ Эверсъ (не присвоиваютъ себѣ ни малѣйшей власти). Понятно, что это выраженіе есть буквальный переводъ Греческаго ἐξουσίαν ἔχειν, и, какъ послѣднее всегда требуетъ при себѣ опредѣленія, такъ и первое имѣетъ его вездѣ, гдѣ ни встрѣчается. Тоже должно сказать о томъ же выраженіи и въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Если мы въ столь древнѣйшихъ памятникахъ, каковы наши договоры съ Греками, почти на одной страницѣ, находимъ повторяющимся четыре раза одно и тоже выраженіе, всегда въ одномъ смыслѣ, всегда съ одними и тѣми же условіями, всегда съ неизмѣнно сопровождающимъ его ближайшимъ опредѣленіемъ, то рѣшительно не имѣемъ никакого права пятому, среди ихъ находящемуся, точно такому же выраженію придавать особенное значеніе въ угоду напередъ взятой мысли, лишая его упомянутаго опредѣленія, когда оно и въ этомъ случаѣ очевидно его сопровождаетъ. Такое опредѣленіе вмѣсто неокончательнаго наклоненія здѣсь выражено только сослагательнымъ: «да не имать волости Князь Рускій *да воюеть* на тѣхъ странахъ.» Различіе въ формѣ опредѣленія ни сколько не будетъ насъ затруднять, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на другія выраженія того же договора, въ которыхъ употреблено сослагательное наклоненіе вмѣсто неокончательнаго, также, повидимому, безъ всякой нужды, напр. «достойно есть да възворотити; подъ хрестомъ

---

1) Не имѣють волости купити, не имѣють власти зимовати (дважды), не имѣють власти казнити.

достоить ему да возметь цѣну свою.» Равно и въ другихъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, вмѣсто общеупотребительной конструкціи съ неокончат., встрѣчается конструкція съ сослагательнымъ наклоненіемъ, напр.: «тоже блудящаго по Божиию закону достоить да отдастся Божиимъ рабомъ»[1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, если переводчикъ, можетъ быть даже для разнообразія, и здѣсь употребилъ сослагательное вмѣсто неокончательнаго наклоненія, тѣмъ болѣе, что и по Гречески могло быть сказано: «οὐκ ἔχῃ ἐξουσίαν, ἵνα πολεμῇ вмѣсто πολεμεῖν, какъ могло быть: πρέπει (ἄξιον ἐστι), ἵνα ἀποδῷ вмѣсто ἀποδοῦναι и πρέπει, ἵνα λάβῃ вмѣсто λαβεῖν. 4) Притомъ, какъ обнаженнымъ, неестественнымъ представляется предложеніе: «да воюеть на всѣхъ странахъ,» если только мы допустимъ толкованіе Эверса[2])! Оно какъ-бы безъ цѣли вброшено въ средину другаго предложенія, между тѣмъ какъ мысль, въ немъ заключающаяся, такъ важна, что, если бы требовалось ее высказать, она заняла бы весьма почетное мѣсто въ договорѣ, составила бы особую статью. На основаніи представленныхъ доказательствъ, мы не соглашаемся съ толкованіемъ Эверса и, опираясь главнымъ образомъ на сближеніе съ Византійскимъ языкомъ, признаемъ единственно-справедливымъ слѣдующій переводъ статьи: «О Корсунской странѣ[3]). Сколько ни находится въ той странѣ городовъ, Русскій Князь не имѣетъ власти воевать тамъ, и та страна не покаряется вамъ.» Впрочемъ Эверсъ, кажется, и самъ сознавалъ *излишнюю замысловатость* своего толкованія; по крайней мѣрѣ почелъ необходимымъ присовоку-

1) Русск. Достоп. II, 149. Узак. Конст.

2) Въ такомъ случаѣ должно бы также ожидать послѣ этого предложенія союза *а*, а не *и*, т. е. слѣдующее чтеніе: «да воюеть на тѣхъ странахъ, *а* та страна не покаряется вамъ.»

3) Это есть одно изъ многихъ заглавій, о которыхъ мы говорили выше.

пить: «равно нельзя находить *страннымъ* и рѣшительное объявленіе Грековъ, что если Русскіе Князья будутъ оставлять въ покоѣ и неприкосновенности Херсонскую область, то, впрочемъ, они могутъ воевать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ....» [1])

Въ слѣдующихъ статьяхъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ почти буквальное повтореніе статей Олегова договора, напр. объ убійствѣ и о побояхъ, мы укажемъ только на особое значеніе слова *велѣть* въ выраженіи: «и велимъ Князю Рускому, да ихъ не пущаеть пакостить странѣ той.» Уже давно толкователи содержанія договоровъ обращали вниманіе на неумѣстность этого выраженія и предлагали различныя объясненія. Упомянемъ о важнѣйшихъ. Такъ Шлецеръ, по обыкновенію, догматически и рѣзко рѣшаетъ дѣло слѣдующими словами: «повелимъ? Кіевскіе послы навѣрное не потерпѣли бы этого слова. Смѣшная описка: *велимъ* вм. *великому*,» [2]) тогда какъ въ своемъ переводѣ удерживаетъ *повелимъ*, хотя и подъ сомнѣніемъ. Понятно, что упомянутой описки допустить никакъ нельзя, какъ скоро не хотимъ допустить безсмыслицы. Карамзинъ умолчалъ объ этомъ словѣ, ограничиваясь общимъ выраженіемъ статьи: «Князь Русскій да не пускаетъ черныхъ Болгаровъ воевать въ странѣ Херсонской.» [3]) Эверсъ обратилъ болѣе вниманія на слово *велимъ* и далъ ему довольно точное объясненіе. На стр. 230 онъ говоритъ: «выраженіе *велимъ* отнюдь не имѣетъ такого повелительнаго тона, какъ это представлялось Шлецеру: *ве-*

---

1) Шлецеръ хотя признавалъ справедливымъ тоже чтеніе, однако ограничился слѣдующимъ переводомъ: «въ разсужденіи Херсонской земли, надъ всѣми тамошними городами да не имѣютъ Русскіе Князья никакія власти, *да не воюютъ сихъ земель* и не покаряютъ ихъ себѣ.» Несторъ III, 149.

2) Несторъ Шлец. III, 166.

3) Ист. Гос. Росс. I, 153.

лѣть на Славянскомъ языкѣ первоначально значитъ: хотѣть, желать (*велѣть*, *волить* и *воля* суть слова сходныя между собою), и слѣдовательно здѣсь употребленъ только другой оборотъ для выраженія согласія на принятіе договорнаго условія, а можетъ быть и одна нужда заставила прибѣгнуть къ сему выраженію, дабы перевести Греческое κελεύειν, для коего не доставало въ Славянскомъ вполнѣ соотвѣтствующаго выраженія.» Отсюда видно, что Эверсъ дѣлаетъ два предположенія и, конечно, каждое изъ нихъ не лишено значительной степени вѣроятія. Постараемся дополнить и то и другое предположеніе и, сколько возможно, согласить.

Глаголы *велѣти* и *повелѣти*, не только по сродству своему съ словами: *воля*, *волити*, но и по употребленію въ древнѣйшихъ памятникахъ, дѣйствительно не заключали въ себѣ строго-повелительнаго тона. Такъ въ Остромировомъ Евангеліи стр. 104. 1. *велѣти* имѣетъ значеніе *позволить*: «Господи, повели ми древле шьдъшу погрести отца моего;» въ Греческомъ текстѣ употребленъ глаголъ ἐπιτρέπειν (ἐπίτρεψόν μοι). Въ томъ же значеніи и съ тѣмъ же соотвѣтствующимъ ему глаголомъ въ Греческомъ текстѣ, оно встрѣчается на стр. 99. 1. 195. 1. Изъ этого значенія происходитъ другое: учредить, утвердить, постановить что-либо по своей волѣ, согласно съ своимъ желаніемъ; оно также часто повторяется въ Остромировомъ Евангеліи (стр. 101. 4, 156. 4, 204. 1) и тогда имѣетъ соотвѣтствующими себѣ въ Греческомъ текстѣ глаголы: τάσσειν, διατάσσειν, ἐπιτάσσειν, συντάσσειν [1]). Отсюда уже могло произойти значеніе — повелѣвать, приказывать въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Весьма замѣчательно также, что въ старинныхъ переводахъ Кормчей встрѣчается глаголъ *повелѣть* въ смыслѣ:

1) Повелѣная — τὰ διαταχθέντα (113. 2), повелѣніе — δόγμα (249. 3).

побуждать, *вызывать*, *приглашать* и въ такомъ случаѣ соотвѣтствуетъ Греческому ἐπιτρέπειν. Представлю здѣсь одинъ примѣръ: въ статьѣ 49-й, касательно пожертвованій въ пользу церкви, сказано: «οὐ μόνον οὐ κωλύομεν τοῦτο γίνεσθαι, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ἐπιτρέπομεν αὐτούς,» что переведено такъ: «сему не токмо возбраняемъ бывати, но и паче *повелѣваемъ* имъ таковая за спасеніе души своея творити» [1]). Приведу также выраженіе, находящееся въ одной статьѣ (о конѣ) такъ называемыхъ узаконеній Константина: «аще кто *бес повелѣния* на чюжемъ конѣ ездить,» [2]) т. е. безъ позволенія, безъ изъявленія воли, желанія, согласія на то хозяина. Въ соотвѣтствующемъ выраженіи Русской Правды вмѣсто *бес повелѣния* читаемъ—*непрошавъ* (аще кто всядетъ на чюжъ конь непрошавъ) [3]). Замѣчательно также употребленіе глаголовъ *повелѣти* и *велѣти* въ поученіи Владиміра Мономаха: «Господи! егда повелиши (т. е. когда Тебѣ угодно), то вспоють» [4]). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *повелѣти* въ древнѣйшихъ памятникахъ дѣйствительно имѣетъ значеніе: позволить, изъявить волю, желаніе, согласіе и т. д., что это значеніе есть древнѣйшее, а слѣдовательно свидѣтельствуетъ о глубокой древности языка договоровъ, бывъ, очевидно, употреблено въ томъ же смыслѣ. Въ такомъ случаѣ *велимъ* можетъ соотвѣтствовать извѣстному на юридическомъ Византійскомъ языкѣ выраженію—βουλόμεθα, означавшему желаніе, *волю* Императоровъ по отношенію къ подданнымъ, равнявшіяся, конечно, требованіямъ, повелѣніямъ, напр. «οὕτω καὶ τὸ

---

1) Въ Лат. переводѣ повелѣваемъ выражено—*invitatus*. Обозр. Кормч. Кн. Прилож. стр. 68.

2) Русск. Достоп. II, 166.

3) Ibd. стр. 34, 179.

4) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 102. Или: «да же еси *велѣлъ* дѣтяти: слися къ отцю.» стр. 106. Равно въ Сл. о П. Игор. въ выраженіяхъ: «*велить* послушати» (Русск. Достоп. III, 38), «велить разумѣти» (Ibd. стр. 228).

δημόσιον ἀνεπηρέαστον μένειν βουλόμεθα»[1]) и проч. Въ томъ же самомъ смыслѣ, даже по отношенію къ тѣмъ же самымъ предметамъ, употребляются глаголы: θεσπίζειν, κελεύειν, такъ что послѣднее на юридическомъ языкѣ совершенно равняется βουλόμεθα[2]). Если же выраженіе κελεύομεν безразлично замѣнялось βουλόμεθα и наоборотъ, то понятно, что глаголъ κελεύειν на современномъ договорамъ Византійскомъ языкѣ также не заключалъ въ себѣ строго повелительнаго тона, который такъ испугалъ Шлецера, такъ что κελεύομεν подлинника и *велимъ* — Игорева договора равносильны словамъ: *побуждаемъ*, *призываемъ*, *желаемъ* и т. под. Впрочемъ такое значеніе κελεύειν прямо вытекаетъ и изъ его этимологическаго состава. По нашему мнѣнію, глаголы: καλέω, κέλλω, κέλομαι и κελεύω происходятъ отъ одного и того же корня κλ и слѣдовательно всѣ заключаютъ въ себѣ одно и тоже коренное понятіе, которое мало по малу получило разные оттѣнки въ употребленіи[3]). Общее же ихъ значеніе: *звать*, *побуждать*, *возбуждать*, такъ что если κελεύειν находилось въ подлинникѣ, то оно и не могло заключать въ себѣ понятія приказанія. Этимъ мы и заключимъ наше разсмотрѣніе отдѣльныхъ словъ и выраженій, находящихся въ самыхъ статьяхъ Игорева договора. Присоединимъ здѣсь нѣсколько замѣчаній о Святославовомъ договорѣ въ томъ же отношеніи.

1) Basilic. VI, p. 160. Nov. 17. cap. 1.

2) Ibd. 161. Nov. 17. cap. 4.

3) Извѣстно, что гласныя α и ε входятъ въ образованіе глаголовъ, напр. τάνω (τανύω), τένω (τείνω) и т. д., а потому всѣ вышеприведенные глаголы различаются между собою только тѣмъ, что три изъ нихъ приняли образовательную гласную ε, а одинъ — α. Что эти буквы не принадлежатъ къ корню, ясно доказываетъ ихъ опущеніе въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. прош. κέκληκα, учащат. κικλήσκω, существ. ἐπίκλησις и пр., а относительно κέλομαι — форма аориста — ἐκεκλόμην (= ἐκλόμην). Что же касается до κελεύειν, то оно, очевидно, есть удлиненная форма отъ κέλω. Въ древнемъ Греческомъ языкѣ κελέυειν также имѣло указанныя нами значенія. (См. Krusius Vollständ. Wörterb. üb. d. Ged. d. Hom. u. d. Homeriden).

Нѣкоторыя слова и выраженія, встрѣчающіяся въ Святославовомъ договорѣ и заключающія въ себѣ признаки Византійскаго вліянія, разсмотрѣны нами въ связи съ первыми двумя договорами; здѣсь же обратимъ вниманіе только на немногія. Должно сознаться, что выраженіе: «хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякомъ и великимъ царемъ Гречьскимъ» весьма трудно объяснить безъ предположенія описки переписчиковъ. Ни Шлёцеръ, ни Эверсъ, ни Погодинъ не представили положительнаго объясненія, а Карамзинъ, хотя безъ доказательствъ, такъ передаетъ его въ своемъ переводѣ: «хочу имѣть миръ и любовь совершенную съ *Цимискіемъ*, Великимъ Царемъ Греческимъ, съ Василіемъ и Константиномъ, боговдохновенными Царями» (I, 191). Понятно, что онъ предполагалъ описку: *со всякомъ* вм. *Цимискіемъ* (Цѣмьскіемъ). Не смотря на всю грубость описки, по смыслу мѣста, нельзя не признать перевода Карамзина весьма правдоподобнымъ. Дѣйствительно, если въ заглавіи упомянутъ только Цимискій, какъ верховный глава всего Государства, то, и при поименованіи Царей въ торжественной клятвѣ, первое мѣсто долженъ занимать Цимискій, а за нимъ должны слѣдовать малолѣтніе дѣти Императора Романа. Извѣстно, что Цимискій былъ самовластнымъ Государемъ Имперіи, тогда какъ послѣдніе были Государями только по имени, безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Во всякомъ случаѣ присутствіе въ разсматриваемомъ мѣстѣ договора имени Цимискія необходимо, почему Карамзинъ и удержалъ его въ своемъ переводѣ. Такая описка полезна по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что прямо обнаруживаетъ безотчетную, механическую работу переписчика [1]).

1) Нельзя-ли *всякомъ* принимать здѣсь за описку вмѣсто *высокимъ*. Извѣстно, что прилагат. *высокій* (ὑψηλός) входило въ титулъ Визант. Императоровъ и помѣщалось въ ихъ грамотахъ къ иноземнымъ Государямъ. Кон-

Подъ словомъ *языкъ* въ выраженіи: «ни собираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю» должно разумѣть чужеземный народъ — τὸ ἔθνος. Притомъ извѣстно, что въ немъ большею частію заключается понятіе язычества; въ старинныхъ, а равно и въ позднѣйшихъ переводахъ ἔθνη выражается словомъ *языци*, въ смыслѣ язычниковъ. Переводчикъ, имѣя передъ глазами τὸ ἔθνος, по общепринятому обычаю, перевелъ его словомъ *языкъ*, хотя оно въ подлинникѣ могло имѣть значеніе чужеземнаго народа вообще. Такъ понималъ это мѣсто и Карамзинъ: «не собирать моего войска и не приводить чужеземнаго на Грецію» (I, 191). Переводъ Карамзина и наше объясненіе еще болѣе будутъ имѣть вѣроятія, когда мы отрицаніе *ни* признаемъ за позднѣйшую вставку переписчика и будемъ читать: «ни языка иного приведу». Это чтеніе значительно оправдывается отсутствіемъ отрицанія во всѣхъ спискахъ кромѣ Лаврентьевскаго; въ противномъ случаѣ весьма трудно объяснить, что должно разумѣть подъ словомъ *иного*.

Нельзя также не указать на замѣчательное употребленіе слова *власть* въ слѣдующемъ за тѣмъ выраженіи: «и елико есть подъ властью Греческою, ни на власть Корсуньскую». Здѣсь рѣзко обнаруживается двойственность значенія слова *власть*: происходя отъ *владѣти*, оно означаетъ и право на владѣніе — *власть* и предметъ владѣнія — *волость* (область). Должно полагать, что первое значеніе есть первоначальное. Это подтверждается съ одной стороны окон-

---

стантинъ приводитъ заглавіе грамоты къ Эмиру Египетскому съ слѣд. титуломъ: «Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς, ἐν Χριστῷ εὐσεβεῖς αὐτοκράτορες, μεγάλοι ὑψηλοὶ αὔγουςοι βασιλεῖς Ῥωμαίων»... (Cerem. II. 689). Впрочемъ и при этомъ предположеніи имя Цимискія оказывается опущеннымъ. Вѣроятно, начало самаго договора Святославова имѣло слѣдующій видъ: «хочю имѣти миръ и свершену любовь *съ высокимъ* и великимъ царемъ Гречьскимъ (Цѣмьскіемъ) *и* съ Васильемъ и Костянтиномъ, съ богодохновенными цари».

чанiемъ *сть*, означающимъ по преимуществу отвлеченныя понятiя, съ другой — приведеннымъ примѣромъ изъ Святославова договора, гдѣ *власть* въ значенiи *страны* именно сохраняетъ еще въ себѣ понятiе обладанiя. Такой же переходъ значенiй должно полагать и въ Лат. regio отъ regere, potestas и possessio (possidere = potis sedere); сюда же можно отнести и позднѣйшее Греч. διοίκησις, означающее: распоряженiе, управленiе, откуда въ послѣдствiи произошелъ *дiоцезъ*, — область, находящаяся въ распоряженiи, управленiи [1]).

Вникая въ разсмотрѣнiе Визант. влiянiя на языкъ нашихъ договоровъ вообще, мы замѣчаемъ, что оно наиболѣе отразилось въ ихъ вступленiяхъ и заключенiяхъ и наименѣе въ самыхъ статьяхъ. Для объясненiя столь замѣчательнаго явленiя мы можемъ представить слѣдующiя соображенiя: 1) Языкъ статей, уже по самому характеру своему, заключаетъ въ себѣ болѣе простоты и краткости, чѣмъ общiя мысли, высказываемыя въ началѣ и концѣ договоровъ. Дѣйствительно, въ первыхъ мы видимъ совокупность условiй, выраженныхъ краткими перiодами, состоящими

1) Слово *клятва* въ выраженiи Святославова договора: «да имѣемъ клятву отъ Бога» имѣетъ дѣйствительное значенiе, т. е. означаетъ *проклятiе*, между тѣмъ какъ напр. въ Игоревомъ договорѣ: «яко преступи свою клятву» (23) имѣетъ среднее, обыкновенное значенiе. Что касается до слова *колоти*, то едва-ли его можно объяснять иначе, какъ объяснялъ Карамзинъ (I, 193. Прим. 413). На такое чтенiе *золоти* вм. *колоти* намекалъ еще Шлецеръ, хотя и сказалъ, что «этого понять никакъ нельзя» (Несторъ III, 594) и слѣдовательно признавалъ слово *колоти* за описку. Если же чтенiе *колоти* есть единственно — вѣрное, то нельзя-ли нѣсколько объяснить его клятвою, находящеюся въ Игоревомъ договорѣ: «и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ», хотя въ Святославовомъ есть другое, соотвѣтствующее этому выраженiе: «и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ».

почти всегда изъ двухъ или трехъ предложеній. Если и всѣ статьи — буквальный переводъ съ Греч. подлинника, то весьма вѣроятно, что сами составители договоровъ употребляли всевозможныя усилія выразить просто и понятно условія, предлагаемыя народу необразованному. Точное исполненіе этихъ условій составляло прямой и существенный интересъ Грековъ, а точное исполненіе невозможно безъ правильнаго пониманія смысла, о чемъ, конечно, Греки и озаботились. Вотъ почему переводчикъ, имѣя дѣло съ краткими и простыми предложеніями и, безъ сомнѣнія, самъ поставленный въ необходимость употребить все свое стараніе на переводъ самыхъ статей, передалъ ихъ тѣмъ чистымъ и яснымъ языкомъ, который невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя. Здѣсь все содѣйствовало тому, чтобы каждая статья была выражена съ надлежащею точностію, потому что того требовалъ взаимный интересъ Руссовъ и Грековъ.

2) Равно и позднѣйшіе переписчики, ясно понимая по крайней мѣрѣ наибольшую часть статей, не могли вносить въ свои списки грубыхъ и безсмысленныхъ ошибокъ, искажающихъ самый смыслъ; они могли скорѣе *исправить* слишкомъ замѣтную ошибку переводчика, когда вполнѣ понимали содержаніе статьи. Едва-ли можно безусловно отрицать такое исправленіе уже и потому, что оно въ духѣ всѣхъ старинныхъ переписчиковъ древнихъ памятниковъ, не только отечественныхъ, но и иноземныхъ, хотя мы въ тоже время и согласны, что оно было весьма незначительно, потому что языкъ договоровъ сохранилъ вполнѣ свой древній характеръ. Особенно нельзя не подумать объ исправленіи языка статей Игорева договора, отличающагося удивительною чистотою сравнительно съ языкомъ Олегова. Совершенно обратное явленіе должно предположить при перепискѣ вступленія и заключенія. Еще переводчикъ, стѣсненный

ный господствовавшимъ обычаемъ переводить буквально, внесъ въ эти части нѣсколько ошибокъ, до того исказившихъ нѣкоторыя мѣста, что никакія усилія толкователей не могли открыть въ нихъ истиннаго смысла. Что же оставалось дѣлать съ такими мѣстами позднѣйшему переписчику? — Переписывать безсознательно, безотчетно, механически. А кому неизвѣстно, что съ такою перепискою неразлучны грубыя, невѣжественныя ошибки? И такъ въ этихъ мѣстахъ къ ошибкамъ переводчика неизбѣжно присоединялись ошибки позднѣйшихъ переписчиковъ — и онѣ окончательно теряли свой смыслъ. Иногда въ старинныхъ переводахъ случается видѣть забавныя попытки переписчиковъ исправить по своему разумѣнію непонятныя мѣста подлинника, но эти попытки всегда бываютъ несравненно вреднѣе всѣхъ безсознательныхъ искаженій, потому что часто отнимаютъ у толкователей послѣднюю надежду на объясненіе смысла. Мы убѣждены, что рѣзкіе слѣды упомянутыхъ попытокъ переписчиковъ находятся и въ заглавіяхъ нашихъ договоровъ, какъ совершенно для нихъ непонятныхъ.

3) Третью причину того же явленія мы видимъ въ правительственной важности статей договоровъ. Какъ опредѣленіе взаимныхъ отношеній между Русскими и Греками, они должны были постоянно обращать на себя вниманіе и въ послѣдующее время. Еслибы даже Русскіе, по своей воинственности и неустановившейся еще гражданственности, и не захотѣли бы стѣснять себя этими условіями, то Греки не замедлили бы тотчасъ напомнить имъ о взаимной клятвѣ, скрѣплявшей договоры и указать на содержаніе послѣднихъ, при чемъ, конечно, немедленно устранялись всѣ недоразумѣнія, сомнѣнія и темнота выраженія. Отсюда видно, что, по причинѣ своей правительственной важности, статьи договоровъ, не только при самомъ составленіи выражены были яснѣе и

понятнѣе остальныхъ частей, но и при малѣйшемъ недоразумѣніи были уясняемы во все то время, въ продолженіи котораго имѣли обязательную силу для Русскихъ и Грековъ. При этомъ, конечно, никто не обращалъ вниманія на общія мысли вступленія и заключенія, въ которыя, какъ въ рамку, вставлены статьи, отъ чего первыя остались съ первоначальною темнотою и запутанностію. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія служатъ переводы съ Греческаго языка различныхъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ древнее время, законовъ, совокупность которыхъ извѣстна подъ названіемъ Кормчей Книги. При чтеніи этихъ переводовъ и при сравненіи ихъ съ другими, не имѣвшими практической цѣли, нельзя не удивляться ихъ относительно-бо́льшей простотѣ, ясности и точности выраженія. Понятно, что эти достоинства — плодъ ихъ общеупотребительности, ихъ практическаго значенія. Дѣйствующіе законы, постоянно прилагаемые къ обстоятельствамъ современной жизни, не могутъ быть выражены темно и непонятно, потому что одно изъ первыхъ достоинствъ законовъ — опредѣленность и точность выраженія, устраняющія всякое недоразумѣніе. Правда и въ переводахъ Кормчей замѣтны слѣды ихъ Византійскаго происхожденія, но это должно приписать частію вреднымъ послѣдствіямъ буквальнаго перевода, частію неясному пониманію мысли подлинника, по недостаточному знанію языка послѣдняго, частію искаженіямъ позднѣйшихъ переписчиковъ, частію наконецъ слабому еще развитію юридическихъ понятій и образованности вообще. Тѣмъ не менѣе сравненіе ихъ съ подлинниками приводитъ къ тому общему заключенію, что переводчики, а можетъ быть и наши законники, пользовались значительною свободою, позволяя себѣ отступленія не только въ пользу ясности мысли, но и въ пользу туземныхъ поня-

тіі, часто отличныхъ отъ непримѣнимыхъ къ нашей жизни Греческихъ понятій [1]).

4) Наконецъ могло быть и то, что нѣкоторыя условія, прямо высказанныя Русскими, безъ перевода, непосредственно вошли и въ Русскій списокъ договорной грамоты, между тѣмъ какъ другія статьи, выставленныя Греками, были переведены съ Греческаго языка. Этимъ обстоятельствомъ удовлетворительно объясняется то явленіе, что нѣкоторыя статьи неоспоримо оказываются переводными, тогда какъ другія выражены безукоризненно — чистымъ и правильнымъ языкомъ.

---

1) Приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ отступленій: отлучити на масло *и на всякъ посвѣтъ церковный* и на священную службу». Отмѣченныхъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ, тогда какъ все остальное переведено буквально. Обозрѣн. Кормч. Кн. Прилож. стр. 53. «Ни во единой же заповѣди повелѣно бысть быти причетнику не грамотну, *рекше не умѣющу, ни разумѣющу добрѣ грамотѣ»*, что въ подлинникѣ выражено такъ: «ἐν οὐδεμίᾳ δε τάξει κληρικὸν ἔιναι ἀγράμματον». ibid. стр. 27. «Καὶ εἰ μεν ἑκάτερον μέρος τοῖς κεκριμένοις ἐφησυχάσει — и аще убо *соперника* премолкнета». ibid: стр.71 и проч.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Должно читать.
4	20	въ 18 году	въ 1828 году.
18	9	Авторъ	авторъ.
25	31	тмѣхъ	тѣхъ.
28	16	присовукупленіемъ	присовокупленіемъ.
29	24	ἥ ἔθιστο	ἧπερ εἴθιστο
30	23	καταπείγουσαν	κατεπείγουσαν.
32	10	διαπεραιόμενοι	διαπεραιούμενοι.
33	4	учоный	ученый.
53	1	зи	за
56	6	σομβούλιον	συμβούλιον.
56	24	свобою	свободою.
77	29	перевено	переведено.
79	21	ἀνεπιφνητὸς	ἀνεπιφωνητὸς.
84	22	ἐπὶ	ἐπεὶ
90	10	нуждается	нуждался.
92	4	въспятить	въспятять.
101	9	простирались	простиралось.
102	24	παρεσκευάζεσθαι	παρασκευάζεσθαι.

